

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 5

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Фикрет ГОДЖА. Когда тает снег. <i>Повесть</i>	13
Моисей БОРОДА. Здравствуй и прощай. <i>Рассказ</i>	54
Фёдор ОШЕВНЕВ. Болтыш и жаба. <i>Рассказ</i>	83
Алексей САПРЫКИН. <i>Рассказы</i>	96
Азер ЭФЕНДИ. Рука дающего. <i>Рассказ</i>	119

ПОЭЗИЯ

Сергей НУРТАЗИН. <i>Стихи</i>	11
Сергей ЗОЛОТОВ. <i>Стихи</i>	47
Абульфат АГЛИН. <i>Стихи</i>	50
Владимир ЗАРУБИН. <i>Стихи</i>	67
Марат ШАФИЕВ. <i>Стихи</i>	78
Владимир ГОМОЗОВ. <i>Стихи</i>	91
Наиля НАДИР. <i>Стихи</i>	113

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. Навсегда в сыновья тебе дан...	3
Эмиль АГАЕВ. История одного интервью	72
Марк ВЕРХОВСКИЙ. Встреча с Гейдаром Алиевым. Страна «белого золота»	74
Намаз МУСТАФАЕВ. Азербайджан и научное наследие А.В.Багрия	106

2016

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный акакал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Подписано в печать 19.04.2016г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2016 г.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

НАВСЕГДА В СЫНОВЬЯ ТЕБЕ ДАН...

*Весь я твой! Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!*

Эти строчки из одного из самых известных и любимых всеми стихотворений известного азербайджанского поэта Самеда Вургун (стихотворение «Азербайджан») могут, наверное, стать эпиграфом ко всему его творчеству. И – ко всей его жизни, основные вехи которой хотелось бы вспомнить сегодня, в дни, когда исполняется 60 лет со дня ухода поэта из жизни.

Самед из рода Векилагалы

Самед Вургун (Самед Юсиф оглы Векилов) родился 21 марта 1906 года в селении Юхары Салахлы Газахского района. Семья его принадлежала к бекскому сословию (сословию местных аристократов – агаларов).

Род Векиловых (Векилагалы), имевший более, чем трехвековую историю, дал Азербайджану известных военачальников, просветителей, врачей. И – поэтов. В их числе – видный азербайджанский поэт, который был также визирем правителя Гарабаха – Ибрагим-хана – Молла Панах Вагиф (1719-1797гг). Поэтом был и родной дед Самеда Вургун Мехтихан-ага, известный под псевдонимом Кюхансал.

Самед Вургун также избрал для себя поэтическую стезю, приумножив славу своего рода. (Наверное, в крови этого рода был особый поэтический ген – замечательными поэтами стали сын Самеда Вургун Вагиф Самед оглу и его племянник Мансур Векилов).

С первых лет жизни Самеда Вургун окружали народные традиции – отец его играл на сазе и хорошо знал ашугскую поэзию, мать и бабушка пели азербайджанские песни, рассказывали народные сказки. Впоследствии, став поэтом, Самед Вургун новаторски использовал эти, впитанные им с детства, традиции.

«Птенцом без крыл я выпал из гнезда»

Путь поэта всегда непрост, наверное, чтобы стать им, нужно многое пережить. Жизнь не баловала Самеда, заставив еще в детстве пережить сильнейшее потрясение – в шестилетнем возрасте он потерял мать, которой было всего 28 лет. Самеду всегда очень ее не хватало. Он не раз с душевной болью писал об этом в своих стихах.

Вот строчки из стихотворения «Матери», написанного им в 1927 году:

*Меня постигла сызмала беда –
Тебя зарыли в землю навсегда.
Птенцом без крыл я выпал из гнезда.
Без матери и воля – как темница.*

А вот завершающие строки этого стихотворения:

*Тебя обнять, поцеловать хочу,
Сполна понять, что значит мать, хочу,
Чтоб свидеться, я смерть принять хочу –
Как по-другому мне к тебе пробиться?*

Ко времени написания этого стихотворения поэту исполнился уже 21 год, но и тогда тоска по матери не оставляла его – она лишь становилась сильнее. Поэт готов был уйти из жизни, лишь бы увидеться с матерью, утраченной им в раннем детстве...

В учительской семинарии

После смерти матери Самеда воспитывали отец и бабушка по материнской линии – Айша-ханым. Отец поэта, Юсиф-ага, выходец из богатой семьи, разорился, и потому семья жила весьма скромно. Когда Самеду исполнилось шестнадцать, его настиг очередной удар – умер отец. Год спустя ушла из жизни и бабушка – Айша-ханым. Заботу о Самеде и его брате – Мехтихане – взяла на себя их двоюродная сестра, Хангызы Векилова.

Самед и Мехтихан к этому времени уже учились в Газахской учительской семинарии, основанной в 1918 году известным азербайджанским просветителем и литературоведом Фири-дун-беком Кочарли на базе азербайджанского отделения Горийской семинарии. Казахская учительская семинария вскоре стала передовым очагом просвещения в регионе, в котором учащиеся получали весьма серьезное образование.

Супруга Фири-дун-бека, Бадисаба Векилова, приходилась близкой родственницей будущему поэту. Она следила за тем, как учились Самед и его брат, заботилась о них. Позже она вспоминала, что Самед был болезненным, но при этом очень любознательным, волевым, смелым и находчивым мальчиком. У него был красивый голос, хорошая дикция. Учась в семинарии, он нередко выступал на тамошней сцене – пел, читал стихи, играл в любительских спектаклях.

Самед очень много читал – в годы учебы уже четко обозначилась его тяга к литературе и, главным образом, к поэзии. Он зачитывался произведениями Вагифа, Видади, Сабира, с удовольствием читал Пушкина, Лермонтова. Тогда же он написал свои первые стихи. Они были напечатаны в семинарской стенной газете – это были лирические гошма (одна из форм народной поэзии). Следующим шагом по поэтической стезе стала публикация в тифлисской газете «Yeni fikir» («Новая мысль») стихотворения «Обращение к молодежи», написанного им по случаю окончания семинарии (1925 г.).

Вургун – значит Влюбленный

После окончания учительской семинарии Самед Векилов какое-то время работал по полученной им специальности – учительствовал. Преподавал азербайджанский язык и литературу в школах Газаха, Губы, Гянджи. Но вскоре всеми его помыслами овладела поэзия. Он пишет все новые и новые стихи, его охотно публикуют. Он избирает себе псевдоним – Вургун, что означает «Влюбленный» – влюбленный в свою родину, свой народ, природу родной земли – именно эти темы вдохновляли его больше всего, и об этом он писал наиболее часто:

*Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издаля выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход...*

(стихотворение «Азербайджан», перевод Аделины Адалис)

Окончательно решив связать свою жизнь с поэтическим творчеством, в 1929 году Самед Вургун поступает на литературный факультет Московского университета. В годы учебы в Москве Вургун продолжает много писать, все более оттачивая свое поэтическое мастерство. Уже тогда Самед Вургун заявил о себе как самобытный и талантливый поэт, идущий впереди целого поколения поэтов – своих современников.

Годы, наполненные творчеством

В 1930 году выходит в свет его первый стихотворный сборник, который он назвал «Шаирин анды» («Клятва поэта»).

В 1930-40-е годы поэтический талант Вургун достиг своего расцвета. Он много и плодотворно работает и активно публикуется. В 1934 году издается следующий сборник его стихотворений – «Кенюл дефтери» («Тетрадь души»), а год спустя – еще один – «Шеирлер» («Стихи»). В эти годы он напишет одно из лучших своих стихотворений, которое и сегодня у всех на слуху – стихотворение «Азербайджан», а также замечательное стихотворение «Смерть поэта», посвященное Молле Панаху Вагифу, в котором Вургун говорит о высокой миссии поэта:

*Куда б ни привела тебя тропа:
История – арена, жизнь – борьба,
А мы – на первой линии ее
Творим, преображая бытие.
Высокая дорога нелегка,
Настанет день и встанет на века
Твой в Гарабахе памятник, поэт:
Для тех, кто жил с народом, смерти нет!*

(Перевод Владимира Кафарова)

Оба эти стихотворения написаны в 1935 году.

Год этот стал для Самеда Вургун годом, до краев наполненным творчеством – в течение него он написал около 100 стихотворений и 7 поэм – среди них «Горькие воспоминания», «26», «Виселица», «Погибшая любовь» и другие. Эти поэмы вместе с написанными до и после них поэмами «Событие» (1932-33), «Мурадхан» (1933), «Хумар» (1933), «Локбатан» (1933), «Сельское утро» (1933), «Место смерти» (1934), «Бунт» (1936), «Басти» (1936), «Ханлар» (1939), «Фархад и Ширин» (1941), «Человек» (1945) и рядом других представляют своего рода величественную эпопею об Азербайджане, его народе, истории и современности.

Семья, счастье отцовства

В 1935-м году произошла перемена и в личной жизни поэта – он женился, создал свою семью. Его женой стала Хавер-ханым Мирзабекова, с которой у них родилось трое детей – сыновья Юсиф и Вагиф и дочь Айбениз.

Поэт был заботливым и любящим отцом. Когда супруга Хавер-ханым бывала недовольна капризами детей, С.Вургун говорил: «Я был лишен родительской заботы, пусть мои дети растут свободными». Он гордился детьми и очень желал, чтобы они были счастливы. Об этом он напишет в следующих, посвященных им, строчках:

*Юсифом, Вагифом любуйся, гордись!
Пусть будет счастливее всех Айбениз!
Сопутствуй Вургуну, навеки, всю жизнь,
Еще сотню лет будь опорой моей!*

О счастье отцовства, гордости за сына, сделавшего свои первые шаги, он напишет и в стихотворении «Весна и я» (перевод Владимира Кафарова):

*Весна пришла! Мир заново она
Творит. Земля тепла и зелена...*

*Вон – муравей дитя свое в саду,
Наверно, учит с первых дней труда.
Я сына вывел из дому впервые –
Навстречу счастью первенца веду.*

И еще одно стихотворение Самеда Вургуня, посвященное им его детям, хочется привести – «Радуйтесь, дети мои!» в переводе Вл. Луговского. Сколько любви и нежности в этих строках! Поэт любит детей, сколько счастья и покоя в его сердце, когда он наблюдает за ними:

*Юсиф, палитру взяв и кисть,
Малюет где-то в стороне,
Перебирает мой Юсиф
Свои забавные листки.
К рассказам бабки в полусне,
Прислушиваясь, Айбениз
Уселась в уголке тахты,
Уткнув головку в кулачки.
И, как котенок, на руках
У нежной матери Вагиф
Свернулся ласковым клубком
И в дреме сладостной притих...*

И поэт, и переводчик

Но вернемся к творчеству поэта. 30-е годы – время формирования С.Вургуня как поэта, который наряду с лирическими стихами пробует свое перо (и – весьма успешно!) в различных жанрах литературы.

В 1936-37-х годах С.Вургун, продолжая создавать свои новые произведения, занимался и переводческой деятельностью. Им был проделан большой труд – переведен на азербайджанский язык роман в стихах А.С.Пушкина «Евгений Онегин», и, надо сказать, перевод получился замечательный. Работа эта заняла два года («Жемчужины пота на лбу, я провел / Два года в горячем труде», – напишет об этом Вургун). Труд этот был оценен по достоинству: Пушкинским комитетом поэту была вручена «Медаль А.С.Пушкина». В эти же годы Самед Вургун сделал мастерский перевод одной части поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», за что был награжден Почетной грамотой Грузинской ССР. Им также был переведен ряд произведений Тараса Шевченко, Максима Горького, Ильи Чавчавадзе и Джембула.

Первая Сталинская премия. И – вторая

И еще одна область, в которой начинает пробовать свои силы, и тоже весьма успешно, Самед Вургун – драматургия. Одну за другой он пишет пьесы. На одной из них хотелось бы остановиться подробнее – это пьеса «Вагиф», написанная в 1937 году. Она была посвящена одному из предков поэта – визирию Гарабахского ханства М.П.Вагифу, стихи которого так восхищали молодого С.Вургуня. Это трагическая история видного государственного деятеля, пытавшегося избавить свой народ от войн и нашествий, которым подвергался Гарабах со стороны

Ирана и России, и одновременно – защитить себя, свою честь и достоинство от придворных интриг, приведших в итоге к печальному концу – гибели Вагифа и его сына.

За драму «Вагиф» С.Вургун в 1941 г. был удостоен Сталинской премии, в то время – самая высокая награда для литератора.

Однако не все было так радужно в его жизни, как это может показаться. Всем известно, какими сложными для всех были 1937-38 годы – это было время разгула кровавых репрессий против «инакомыслящих», проводимых под лозунгами «Кто не с нами, тот против нас» и «Врагов народа надо уничтожать». Причем, слово «уничтожать» воспринималось исполнителями воли властей буквально, а в категорию «врагов народа» мог попасть любой. Несмотря на успешную творческую карьеру, а может, в чем-то – именно по причине успешности этой карьеры, порождавшей зависть у некоторых из менее удачливых его коллег, репрессии не обошли стороной и С.Вургун. Недоброжелатели, завидовавшие силе его поэтического таланта и всенародной к нему любви, пытались очернить поэта ложными обвинениями в различных пороках, в частности, в национализме – этот ярлык навесить на Вургуну было проще всего, ведь так легко присущий поэту патриотизм обозначить как национализм. Неоднократно его «вопрос» рассматривается на различных уровнях, поэта не раз вызывали в соответствующие организации для дачи объяснений по поводу его «грехов». Испытывая моральные страдания, С.Вургун, тем не менее, благодаря несгибаемой воле, смелости, своими логичными и действенными выступлениями разрушал планы противников.

Что он мог противопоставить своим недоброжелателям? В первую очередь, свое творчество. Полученная Вургуну за драму «Вагиф» Сталинская премия, а затем и еще одна такая же премия – за драму «Фархад и Ширин» – заставили замолчать многих из них. А поэзия, поэтическое творчество продолжали оставаться главным в жизни Вургуну.

*Да славится поэзия вовеки!
Ведь мир без песен, что орел без крыл,*

– писал Вургун в одном из своих стихотворений.

«Считайте солдатом отныне меня!»

Особое значение в творчестве поэта занимает Великая Отечественная Война.

*Услышьте, родные твердыни, меня,
Считайте солдатом отныне меня! –*

так с самого начала Самед Вургун обозначил свою позицию, свое кредо в тот период.

В военные годы поэт создает более 60 стихотворений о войне, несколько поэм, в том числе поэму «Бакинский дастан». В этих произведениях он клеймил фашизм, призывая на борьбу с ним, славил мужество и отвагу советских воинов. Ряд его стихотворений, написанных в годы войны, посвящен подвигу азербайджанцев в борьбе с фашизмом. В стихотворениях «Медсестра», «Партизан Бабаш», «Знаменосец», «Рассказ старого бойца», «Смелый сокол», «Безымянный герой» и других рассказывается о самоотверженной, героической борьбе с немецкими оккупантами азербайджанских бойцов, об их вкладе в освобождение народов от ига фашизма. Годы Отечественной войны отражены в поэтическом сборнике Вургуну «Сегодня и завтра». Он написан поэтом-гражданином, разделяющим всю тяжесть испытаний, которые выпали на долю народов Советской страны.

Все это принесло новую славу Самеду Вургуну. Его стихи помогали бойцам воевать. Листовки с его стихотворением «Партизанам Украины» сбрасывались с самолетов в украинские леса для поддержки партизан. В 1943 г. в Америке, на конкурсе на лучшие антивоенные произведения, стихотворение «Напутствие матери» С.Вургуну получило высокую оценку. И среди выделенных на конкурсе двадцати лучших стихотворений мировой поэзии на военную тему было опубликовано в Нью-Йорке и распространено среди военнослужащих.

В годы войны пламенный голос поэта-патриота еще более мощно звучал на передовой линии фронта, в госпиталях, на радио. В тяжелых военных условиях С.Вургун находился на передовой фронта: в Крыму, в Моздоке, в Грозном, в Новороссийске.

В 1943 году в Баку по его инициативе был открыт Дом Интеллигенции им. Физули для проведения военных мероприятий и для встреч с фронтовиками.

Война закончилась победой советских воинов. Самед Вургун внес свою весомую лепту в эту победу. Также, как и многие сыны его страны. В стихотворении «Рейхстаг» он напишет:

*Спасли весь мир советские солдаты.
В сырой земле товарищи мои.
В сердцах живущих — память славной даты...
Здесь вписаны и ваши имена,
Сыны Баку, сыны родного края.*

(Перевод Павла Антокольского)

Научная и общественная деятельность

После войны Вургун много сил отдает научной и общественной деятельности. В 1945 году он был избран действительным членом Академии Наук Азербайджанской ССР. В этом же году в Баку было создано республиканское Общество Культурных Связей (АзОКС) с Ираном, председателем которого был назначен Самед Вургун. Поэт приложил немало усилий для построения духовного моста между Южным (Иранским) Азербайджаном и Азербайджанской ССР.

Вургун также был избран депутатом Верховного Совета СССР. В этом качестве он также вел обширную работу.

Поэт многое делал для установления мира во всем мире. С этой миссией он побывал в Лондоне, Берлине. В 1948 году Самед Вургун участвовал во Всемирном Конгрессе деятелей культуры во Вроцлаве (Польша).

В 1953 году Самед Вургун был назначен на должность вице-президента Академии Наук республики. С великим энтузиазмом он берется за вице-президентские обязанности. Он ставит крупные вопросы перед общественными науками, часами обсуждая насущные проблемы и проекты научных изданий. Будучи чрезвычайно доброжелательным человеком, С.Вургун и на посту вице-президента старался помочь людям. Приход в науку таких ученых, как Сара-ханым Ашурбекова, Пюста-ханым Азизбекова и многих других состоялся благодаря его настоянию и помощи. Он помогал семьям аспирантов, направленных на учебу в Москву, оказывал материальную помощь аспирантам, получавшим небольшую стипендию.

Однако такая загруженность не заставляет его забыть о литературном творчестве – оно по-прежнему остается главным в его жизни. Послевоенный период его творчества весьма плодотворен. Вургун пишет ряд поэтических произведений, навеянных его поездками по странам Европы – «Негр говорит», поэтический цикл «Европейские воспоминания», а также ряд лирических стихотворений, в которых одновременно просматривается четкая гражданская позиция поэта, что придает им социально-философское звучание («Я не спешу», «Телогрейка», «Поэт, как рано постарел ты...», «Вспомните обо мне» и другие). Оптимизм и жизнеутверждающее начало пронизывают эти стихи, поднимающие извечные в поэзии мотивы жизни и смерти, добра и зла, бессмертия и бренности человеческого существования.

Травля поэта

Несмотря на обширную деятельность на благо народа в целом ряде областей, а также на новые творческие успехи, в 50-е годы Самед Вургун вновь подвергается несправедливым нападкам. Особенно тяжелым стал для него 1953 год. Его поэма «Айгюн» была резко раскритикована. Ситуацию усугубила публикация в Москва статьи Самеда Вургуня «Права поэта». По

указанию руководства республики статья обсуждалась в Союзе писателей Азербайджана, где было составлено письмо против поэта и отправлено для публикации в редакцию одной из московских газет. Поэта вновь обвиняли в национализме. Его книги были изъяты из общественных библиотек, а пьесы запрещены к показу на сценах театров. Поэту не разрешалось покидать город. Более того, разнеслась весть, что он арестован. И действительно, ордер на арест поэта в сентябре 1953 года был выписан. И только изменения в руководстве СССР и Республики помешали исполнению этого решения. Публичная травля поэта, угроза ареста и физического уничтожения не могли не сказаться на его здоровье – оно было сильно подорвано. Тем не менее, он продолжал заниматься литературной и общественной деятельностью. Ему было дано почетное поручение сделать «Содоклад о советской поэзии» (по итогам за последние 20 лет) на II Всесоюзном съезде советских писателей. С этой задачей он блестяще справился.

«Безвременная смерть, посторонись!»

В октябре 1955 года болезнь поэта обострилась. Находясь в составе советской делегации, направляющейся во Вьетнам, поэт заболел и был вынужден прервать поездку на полдороге. В Китае его помещают в Пекинский госпиталь. Но Вургун не сдавался болезни, мужественно сражался с ней. Короткие стихи, написанные им на больничной койке в Пекине, свидетельствуют о его воле и мужестве:

*Безвременная смерть, посторонись,
Я с жизнью не расстанусь на чужбине.
Напрасно свой клинок взметнула ввысь
Я вновь пером вооружился ныне
И с жизнью не расстанусь на чужбине.*

Спустя несколько недель он возвратился на родину. Однако болезнь его усугублялась. В марте 1956 года Самед Вургуну исполнилось 50 лет. Общественность страны готовилась к проведению юбилея. Руководство Азербайджана учредило звание «Народный поэт Азербайджана» и впервые его был удостоен Самед Вургун. 12 мая 1956 года в Театре оперы и балета с участием литературной общественности СССР и зарубежных гостей состоялся торжественный юбилейный вечер. Самед Вургун не смог на нем присутствовать – он уже был прикован к постели. Однако он слушал трансляцию своего юбилейного вечера по радио. Один за другим выступали его друзья и коллеги, и только Фадеева не было. «А где мой друг Фадеев? – удивлялся Самед Вургун. – Почему не выступает? Не приехал?» Он так и не узнал (ему не сказали – врачи запретили, чтобы не волновать больного поэта), что Фадеев накануне покончил с собой – застрелился...

Шаг в бессмертие

Спустя две недели, 27 мая 1956 года, в половине 8-го вечера Самеда Вургуну не стало. С 28 по 30-е мая народ нескончаемым потоком шел к зданию Азербайджанской Государственной Филармонии, где был выставлен гроб с телом поэта, чтобы попрощаться с ним. 30 мая поэт был похоронен в Аллее Почетного захоронения в Баку. В траурные дни со всех уголков страны на имя семьи поэта шли телеграммы с соболезнованиями. В одной из телеграмм, выражавшей глубокую сердечную боль, отмечалось: «Пусть утешением для вас будет то, что со дня смерти Самеда Вургуну начинается его новая жизнь – бессмертие».

К сожалению, поэт рано ушел из жизни – всего лишь пятьдесят лет жизни отпустила ему судьба. Но то огромное прекрасное поэтическое наследие, которое он оставил после себя, сохранит благодарную память потомков о нем на долгие годы.

Мне хочется закончить этот материал о замечательном поэте и человеке, о достойнейшем сыне своего народа словами, сказанными о нем его друзьям и коллегами – ведь они знали его лично и знали лучше, чем кто бы то ни был, и лучше них о нем, наверное, не сможет сказать никто.

Михаил Шолохов (Россия):

– Один только внешний облик его мог стать прекрасной темой для художественного произведения. Этот был прекрасный, исключительный человек.

Его смерть была тяжелым ударом для наших писательских сердец.

Константин Симонов (Россия):

– Самед Вургун – смелый народный певец с орлиным взором.

Сила обаяния, незаурядность личности поэта были таковы, что знавшие его при жизни и сегодня отчетливо воскрешают в памяти эту порывистую, жизнелюбивую натуру.

Максим Рыльский (Украина):

– Самед Вургун в литературе всегда противопоставлял высокий романтический, патетический стиль бескрылой описательности некоторых литераторов и страстно отстаивал этот стиль... Это был человек не только огромного поэтического таланта, но и блестящего, глубокого ума и большого сердца.

Борис Олейник (Украина):

– Когда я говорю о Самеде Вургуне, то представляю себе его живым. Ведь настоящие поэты никогда не умирают, они только переходят из жизни в память.

Петрусь Бровка (Белорусия):

– ... Он был поэтом не только Азербайджана, но и всех национальных республик нашей страны. Его друзей привлекали мудрый ум, чуткое и отзывчивое сердце.

Расул Гамзатов (Дагестан):

– Азербайджан и Самед Вургун неотделимы друг от друга. Это одно и то же понятие, потому что Самед олицетворяет лучшие черты своего народа – его простоту, смелость, глубокий ум и могучий талант.

Поэзия С.Вургунa, идущая от пылкого сердца и являющаяся плодом могучего таланта, будет жить вечно.

Мустай Карим (Башкирия):

– Я счастлив, что слышал живой голос Самеда Вургунa, видел его глаза и яркий свет в этих глазах, чувствовал его, восхищался и теперь восхищаюсь его высокой поэзией. Радуюсь за моих детей, внуков, что на их долю выпало пить из родника мыслей и страстей великого поэта.

Емилиан Буков (Молдавия):

– Самед Вургун был настоящий Человек с большой буквы. Он очень высоко ценил жизнь, человека, и поэтому быстро находил путь к сердцам людей. Порой трудно было представить, что такой простой человек обладает огромным талантом.

Слава азербайджанскому народу, который подарил миру Самеда Вургунa!

Андрис Вейян (Латвия):

– Когда мы хотим на берегах Балтики послушать голос Каспия, Азербайджана, то читаем Самеда Вургунa. Никогда не забуду, как 20 лет назад гостил на торжествах по поводу полуве-

кового юбилея нашего Самеда Вургунa. Как сейчас помню: мы верили, что он победит свою болезнь, смерть. И действительно, Самед победил, ведь его поэзия бессмертна!

Антанас Венцлова (Литва):

– Он всегда был простым, доброжелательным и благородным человеком, искренним другом и прекрасным поэтом. Поэзию... он любил большой любовью. Трудно было представить себе его жизнь без поэзии. Это был большой талант, хорошо знакомый и признаваемый братскими народами.

Илхами Эмин (Югославия):

– Пока поэзия жива, бессмертно слово –
Влюбляться будем мы в Вургунa снова...

СЕРГЕЙ НУРТАЗИН

(Россия)

Сергей Нуртазин – астраханский поэт, переводчик, а также автор нескольких романов и повестей на исторические темы. Номинант конкурса переводчиков произведений Самеда Вургунa, проходившего в минувшем году в Астрахани (РФ) в формате Международного литературного форума «Каспий – море дружбы».

Воспоминания о Баку

**Вернула память, что ушло давно –
Бульвар прибрежный, старые врата...
Там пил когда-то терпкое вино,
И поражала улиц чистота.**

**Рахат-лукум и ароматный чай,
Тендирный хлеб
с вкуснейшим шашлыком...
А рядом древний караван-сарай
В молчанье грустно думал о былом.**

**Легендами свой услаждая слух,
На башне древней Деву представлял...
И, словно старины ушедшей дух,
Седой мне улыбался аксакал.**

**Притягивал Бакинской бухты вид
И гордый строй военных кораблей.
Я знаю, время память не замглит –
Был этот город в юности моей!..**

**Был в нем недолго. За короткий срок
Привык к горам, к морскому ветерку...
И до сих пор я позабыть не смог
Тот город под названием Баку!..**

Весна и я

(Перевод из Самеда Вургуня)

Пришла весна, как близкая родня –
Я сердце для нее призвал открыться.
Поэзия цветет день ото дня,
Мир без нее –
 словно без крыльев птица.

Пришла весна, в родной явилась край.
Встаю я рано – не до сна мне ныне.
Желания во мне рождает май,
И главное из них – идти к вершине.

Как хорошо пуститься утром в путь!..
Весна опять зовет меня в дорогу.
Цветок весенний мне украсит грудь,
Пасутся овцы...
 Прочь откинь тревогу!

Пришла весна, мой друг, не умирай!..
Послушай, как поют чудесно птицы!
Ты оглянись вокруг – ведь это рай!
Цветы и пенье –
 все, что только снится.

Пришла весна, вновь обновляет свет,
Тепло и зелень, радость снова с нами...
Цветы встают на склонах много лет –
Мы детскими зовем их именами.

Вот – муравей, и учит он труду
Детеныша упорно, понемногу...
Я первенца из дома в мир веду,
Чтоб указать счастливую дорогу.

Природа нас лелеет, словно мать,
Нас учит и дает нам наставленья.
И надо нам о ней не забывать,
Хранить ее бесценные творенья!..

ФИКРЕТ ГОДЖА

КОГДА ТАЕТ СНЕГ

Повесть

Перевод Тамары КАЛЯКИНОЙ

ЧАСТЬ I

Дневник

– ...И вдруг Алабаш видит: кошка. Крадётся тихонько... Кошка не замечает, сидит себе, жмурится. А Алабаш зубы ощерил, шерсть на загривке дыбом: как прыгнет – в клочки разорвёт!...

– Не надо!... Не хочу!... – Мохаммед встревоженно заёрзал у отца на коленях.

– Чего не надо?! Сам говорил – сказку!

– Плохая сказка! Пускай Алабаш не ест киску! Не хочу! Не хочу! – и мальчик заколотил по отцовской груди тугими кулачками.

Муслим усмехнулся и слегка потрепал сына по голове, взъерошив мягкие светлые волосы.

– Ладно, не тронет он твою кошку! Дальше слушай.

– А киска?

– Да ты слушай, дурашка!

– А... а... – протяжно захныкал мальчик. – Я знаю, съест!

– Да что он, злодей – киску есть?! Цела будет киска.

Муслим с улыбкой поглядел на сынишку. Тот, поверив, что всё будет хорошо, повеселел. Розовые губы приоткрылись, забелели мелкие редкие зубы. Карие глаза блестели. Муслим наклонился и поцеловал сына.

– Ой, пап, какой ты колючий! – мальчик осторожно тронул рукой его щеку.

– Побриться надо. На собрание в таком виде не пойдешь...

– Пап, а что дальше. Ты рассказывай!

– Ну, что! Кошка обернулась, видит – пес! – ф-ф-ф. Раз – лапой, раз – другой! Всю морду ему покарябала. Еле ноги унес...

– А куда он их унес, пап?

– Куда?... Далекo...

Мальчик затих, успокоился. Прижался щекой к отцовской груди и, задумчиво улыбаясь, стал разглядывать что-то на полу. В комнате было тихо.

Говхар сидела в углу, возле газовой печки. В руках у нее была рубашка сына, красными нитками она вышивала на кармашке розу. Целыми днями Говхар сидела дома, всегда что-нибудь делала и думала. А думала она всегда о муже. И вообще – о мужчинах. Всех их она мерила по своему Муслиму. Раньше Говхар жалела мужчин. Работают, бедняги, деньги добывают, несут женам, а те сидят себе да проедают все, паразитки.

Слово это Говхар впервые услышала в седьмом классе, на уроке ботаники.

Сначала девочки не поняли, что оно означает, тогда учитель привел пример. «Вот, видите, вьюнок. Своих корней он не имеет. А живет. Тянет соки из колючки...»

В первые дни замужества Говхар часто вспоминала эти слова. Обнимет Муслима, и тотчас же ей видится тот самый вьюнок, что сосет соки из колючки. И руки сами собой опускаются. Придумает что-нибудь, убежит на кухню и опять начинает раздумывать. Вспоминается солончак за деревней – они туда за вениками ходили, – все серое и желтое. Серое – это колючки, а желтое – вьюнки... Колючки были уже совсем сухие, мертвые, а вьюнки в цвету! – свежие, яркие... Так и женщины, недаром они живут дольше мужчин. «Не дай Бог, я Муслима переживу! Как я буду одна?! Ой, Господи, что за дурацкие мысли!..» Мысли эти мучили Говхар, а приходили они ей в голову частенько.

Через год, когда появился Мохаммед, и дел у Говхар сразу стало по горло, ей больше уже не приходил на ум вьюнок. Теперь она даже иногда злилась на девушек – и чего замуж торопятся! Только и радости – папиросный дым нюхать. Готовь, стирай, детей расти – рабыня! Эх, жаль, что она не выучилась, обязательно пошла бы работать!..

И сейчас Говхар думала о том же. Слушала, как Муслим болтает с сыном, а сама думала. Когда они замолкли, Говхар подняла глаза. Муслим сидел у стены, поджав под себя ноги, опираясь спиной о подушку. Взгляд его был устремлен на лошадку. Лошадку эту придумал Мохаммед, вернее, увидел ее на коврике. Вообще-то, похоже. Туловище образовывали две параллельные белые линии, голову – четырехугольник, вроде ящика. Вот только уши... Уж очень они напоминают винт вертолета... Мохаммед лежал у отца на руках и широко открытыми глазами глядел в потолок.

Говхар нарушила тишину.

– Давай-ка, сынок, подымайся! Не надоедай папе.

Она отложила рубашку, встала. Мальчик нехотя сполз на пол.

– Папа, завтра доскажешь, ладно?

– Ладно...

В короткой фразе, которую произнесла Говхар, Мохаммед услышал вот что: «Пора, сынок, пора спать! Дети должны вовремя ложиться. Слышал, уже сказали по радио: «Спокойной ночи, малыши». Папа устал. Утром ему рано на работу. Пойдем!» Все это Говхар не раз повторяла сыну, уговаривая его идти спать, и теперь, стоило ей сказать: «Давай-ка, сынок, подымайся, не надоедай папе!», как мальчику уже хотелось спать. Муслима и самого в сон клонило от этих слов.

Когда ребенок ложился спать, Говхар шла на кухню, а Муслим усаживался за стол. Ели они на полу, на коврике, и обеденный стол, задвинутый в угол, считался рабочим столом Муслима. Днем за него никто не садился, не считая тех случаев – раз или два в месяц, – когда Говхар принималась за письмо к брату. Случалось, конечно, что стол выдвигался на середину и превращался в обычный обеденный стол, но это было уже целое событие. Брат Говхар, Фируз, учился в Баку, лето проводил дома, в деревне, и на обратном пути непременно наведывался к сестре – благо, недалеко. Стол выдвигали на середину, а Мохаммед временно перекочевывал с отцовских коленей на дядины. Брюки и пиджак Фируза сплошь покрывались пятнами – память о разносолах, которые готовила в эти дни Говхар; даже издали можно было различить на отвороте его пиджака жирные следы маленькой пятерни.

Кассир на вокзале был приятелем Муслима, и, провожая Фируза, Муслим обязательно заходил в кассу, даже если перед окошечком не было ни души. Они долго

беседовали о том, о сем, потом Муслим подзывал шурина и представлял его приятелю. И каждый раз кассир вставал и пожимал парню руку.

– То-то я гляжу, знакомый вроде... Ну, что ж... Доброго тебе пути. Учись, сынок, умней! Вы – наша гордость, наша надежда! – заканчивал он обязательно шуткой. – Смотри, не прилепись там к какой-нибудь краснотубой!.. Слово даю: будь хоть министром – три дня на вокзале проманежу, не выдам билет, и все! – и он протягивал билет Фирузу. – Нет, нет, Муслим, ради Бога! Денег я не возьму! Ну как тебе не известно, честное слово!..

Муслим каждый раз вручал ему пятнадцать рублей, хотя билет стоил двенадцать тридцать.

Муслим давал Фирузу последние советы, наказывал, чтобы не транжирил зря денег, потом доставал двадцатку и говорил: если что, напиши, мы еще пришлем.

Сестра, обнимая Фируза на прощание, тоже тихонько совала руку ему в карман и шептала: «Вот, братик. Возьми – пригодятся...» Рубли эти Говхар копила месяцами, по копеечке откладывая из тех денег, что брала у мужа на хозяйство.

Фируз уезжал, и стол Муслима надолго задвигался в угол. Когда, уложив сына, Говхар уходила на кухню, Муслим усаживался за этот стол, доставал из стоявшей на подоконнике шкатулки с документами толстую черную тетрадь, записывал в нее несколько фраз и клал тетрадь на место.

Во всем районе Муслим был, наверное, единственным человеком, который вел дневник. Он считал это очень важным делом. Иногда, размышляя перед сном, Муслим вдруг представлял себе, что когда-нибудь, когда его уже не будет на свете, дневник Муслима Османова станет известен всему миру. Его опубликуют, станут передавать из рук в руки. Газеты поместят огромные портреты автора. Вот когда Саламов спохватится, вот когда локти будет кусать: «Подумать только, великий человек столько лет жил среди нас, а мы и понятия не имели!» Лучше бы, конечно, прославиться при жизни, посмотреть, как Саламов попляшет! Но он зла помнить не станет, он будет великодушен. Тете Марьям отрез шерсти на платье купит. Самой дорогой, какая есть! Тетя Марьям была уборщицей в управлении. Раздумывая о будущей своей деятельности, Муслим прежде всего решил купить ей отрез шерсти на платье – это было одно из главных дел, которые предстояло ему свершить в жизни.

Сегодня Муслим тоже сел за свой письменный стол. Открыл тетрадь и аккуратно написал: «2 февраля 1966 года. Сегодняшний день прошел точно так же, как вчерашний. Завтра будет собрание, секретарша уже напечатала протокол. Что ж, на ее месте я, может, поступал бы так же. Все известно заранее. Работа у нас, в основном, идет хорошо. Отстающие – я и Мирза Союн. Мирзе Союну – последнее предупреждение, мне – поставить на вид. За задержку зарплаты. А ведь он ее опять задержит! Сегодня подходит: «Слушай, Муслим, ведь у меня двое в Баку учатся! Не сегодня-завтра на каникулы приедут. А с чем провожать? Жена уже плешь проела – помолвку, мол, надо устроить – Лейлу сговорить за племянника! Эх, да что толковать – вырастет у тебя сын, узнаешь, каково детей учить в институтах! Вот она у меня где сидит, их учеба!»

Да... Когда-нибудь и Мохаммед будет учиться в Баку...

Муслиму захотелось написать несколько строк о жене, но он не стал – знал, что Говхар читает дневник. Чтобы удостовериться в этом, он однажды начал запись с того, что похвалил ее – здорово, мол, мне с женой повезло. Ведь прямо колдунья какая-то, по глазам мысли читает. Потом написал еще кое-что про работу, а в самом

конце, словно бы невзначай, помянул, что соскучился по долме. На следующий день, придя с работы, он увидел на скатерти долму.

Муслим говорил с женой о районных новостях, о работе, о родных, о соседях, но никогда – о чувствах и желаниях. Ни разу за все эти годы не открыли они друг другу сердца. Дневник служил как бы отдушиной, дверцей в душу жены.

И может быть, именно Говхар дневник обязан был своим существованием.

Студентом, учась в строительном техникуме, Муслим тоже вел дневник, но тогда он записывал в него крылатые выражения, красивые изречения, иногда – стихи. Теперь дневник его стал проще, скромнее. Муслим писал о том, что случалось за день, писал о работе, о знакомых людях и, разумеется, самыми обычными простыми словами; он избегал высокопарности, потому что знал: дневник читает жена.

Как только муж ушел на работу, Говхар достала дневник. Прочла, закрыла и, недовольная, положила на место. «Странный все-таки человек Муслим. Никогда не знаешь, что у него на сердце. И какие он кушанья любит, какие терпеть не может. Ему что ни дай, все съест. А не накормишь, так и голодный ляжет. Ни отругает никогда, ни слова ласкового не скажет. Все думает, думает... Вот написал бы, чего ему хочется, приготовила бы, поел бы с удовольствием... Думает, небось, неграмотная, читать не умею...»

С веранды послышался голос Мохаммеда.

– Прочь отсюда, сукина дочь! Брысь!

– Сынок!

Мальчик подбежал к матери.

– Чего, мам?

– Что это ты говоришь? Это же плохое слово. Беги скорей, прополощи ротик!

Скорее, сынок!

Мохаммед удивленно взглянул на мать. Потом повернулся и стремглав бросился в кухню. Немного погодя он вошел, вытирая рукавом рот.

– Мама, значит, это плохое слово, да?

– Очень плохое.

– Если его говорить, заболеешь?

– Да, детка, заболеешь.

– А Мустафа говорил. Он заболевает, да?

– Да... Нет, сынок! Плохие дети, они хоть и скажут, не заболеют! А ты хороший мальчик, умница. Ты обязательно заболеешь.

– А хорошие мальчики книжки с картинками смотрят, да?

– Да, милый, да...

Мальчик убежал, вернулся с книжкой. На обложке был нарисована жираф. Он сел, положил книгу на колени:

– Мама, я хороший мальчик?

– Хороший...

– Мам, а это кто?

– Жираф.

– А какая у него шея длинная! Длинней, чем у индюшки, правда, мама?

– Длинней, милый, длинней.

Полуоткрыв рот, мальчик задумчиво смотрит в сторону. Улыбается.

– Мам, а до звезд жираф дотянется?

– Нет, сынок, не дотянется.

– А ведь он далеко достает. До верха.
– Не знаю, сынок, никогда не видела. Они далеко живут.
– Далекое? В Баку, да?
– В Баку? И в Баку есть. Вот будешь хорошо учиться, поедешь туда, в институт поступишь. И жирафа увидишь.
– Я хорошо буду учиться. А жираф меня не схватит?
– Нет. Жираф людей не трогает.
– Мам, а когда он спит, он куда голову кладет? На гору, да?
На веранде слышались быстрые шаги.
– Говхар! Ты дома?
– Дома! Где ж мне быть? Заходи, Гюльджаннет! Иди-ка, сынок, в ту комнату, погляди свою книжечку.

А Гюльджаннет, полнотелая, смуглая, быстрая и увертливая, как кошка, уже тараторила, не успев войти в комнату:

– Слышала? Да где тебе слышать – сидишь весь день взаперти, никого не видишь, не слышишь!

– Да что случилось-то?

– Ой, неужто правда не слышала? Про Сельми не слышала?

– Не слышала.

– Ну, ты хороша – ничегошеньки не знаешь! Она же разводится! Вчера-то опять схватились. И этого не знаешь?! Ну, как же! Третьего дня он напился. Доплелся кое-как до двери, да и плюхнулся; Фатъма, говорит, глазам своим не поверила, лежит на земле, руки-ноги врозь, ни дать, ни взять – ножницы. А как отлежался, ночью сражение у них было, всю посуду переколотили... Что, и этого не слышала?!

– Честное слово, не слышала.

– И как пьяный валялся, не видела?

– Вот ей-богу, не видела!

– Конечно, где ж тебе видеть! Заперлась в доме, носа никуда не кажешь! Понятия не имеешь, что на свете творится. Ладно, хоть я заглянула: дай, думаю, забегу! Ну, я пошла, мне еще к Мелексум наведаться нужно.

И так же внезапно, как появилась, Гюльджаннет выскочила из комнаты, договорила что-то уже за дверью и проворно сбежала по ступенькам.

Значит, и такое бывает... Вот оно как – замуж выходить! Да, мужа иметь – рот замком запереть. Тяжелая это должность – жена...

Лицом к лицу

Районное ремонтно-строительное управление помещается в старом доме, недалеко от базара. Дом такой ветхий, что даже покосился, столбами подперли. На него и смотреть боязно: вот-вот рухнет.

Был конец рабочего дня, смеркалось. Несколько человек во главе с директором Саламовым вышли из управления. Саламов взял под руки Муслима и высокого худого Мирзу Союна.

– А ты, Муслим, не расстраивайся, это ведь так, обычное дело.

Вдруг внимание Саламова привлек человек с тростью в руке, медленно шагавший им навстречу. Весь он был какой-то белый: и руки белые, и полное одутловатое лицо. Казалось, что даже и пальто на нем белое. Саламов быстро подошел к нему:

– Здравствуйте, дядя Талыб!

Старик остановился, взглянул на Саламова.

– А... Ты, Эюб? Ну, как дела, сынок?

– Спасибо, дядя Талыб. Вот увидел вас – дай, думаю, подойду, поздороваюсь.

– А... Спасибо, спасибо. Только зря ты себя беспокоишь.

– Какое еще беспокойство! Это наш долг!

Подошли Мирза Союн и Муслим.

– Здравствуйте, дядя Талыб!

– Здравствуйте! – Старик внимательно оглядел обоих. – Союна-то я знаю, а вот этого... молодого человека, – старик показал на Муслима, – что-то не припомню...

– Так это ж Муслим, сын гачага Нуруллы, – с улыбкой сказал Саламов.

Услышав слово «гачаг», дядя Талыб весь как-то подобрался, выпрямился, глаза его сверкнули, высоко взметнулись кустистые брови.

– Ну, помнишь, дядя Талыб, гачаг Нурулла, ты еще его сам тогда привел?

– А, хе-хе-хе... – старик усмехнулся, полные плечи его опустились, он облегченно вздохнул. – Помню, помню, как же не помнить... – Он помолчал и сказал нерешительно. – А я вот в чайхану решил сходить. Скучно дома-то, дай, думаю, схожу, чайком побалуясь... Али по дороге встретил. Говорит, Сулейман-бек объявился. Вчера будто и прикатил. А ведь мы все его уж давно похоронили... Он тогда в Иран сбежал... Ну, так я пойду... Может, вы с Мирзой Союном компанию мне составите? Чайку, а?

– Да нет... Я что-то малость приболел... С вашего разрешения, домой пойду, – Саламов протянул старику руку.

– Ну что ж, сынок, иди. Будь здоров! Эй, постой-ка, Эюб! А ты что ж это, Эюб, соседке моей Захре дом не ремонтируешь? Женщина старая, одинокая, помочь некому... Неужто не совестно? Надо сделать!

– Сделаем! О чем говорить? Ваше дело – сказать, наше – повиноваться! Будет сделано!

И Саламов быстро удалился.

– Муслим, может, зайдем, если не спешишь? Поскучаем со старым Талыбом...

Городской сад был как раз напротив стройуправления. В центре сада неярко светились окна чайной.

– Так... Выходит, Нурулла твой отец, да будет земля ему пухом!.. Станный был человек... – Талыб-киши палкой постучал по забору, нащупывая калитку. – Мне когда сказали, что Нурулла, нукер Гариб-бека, взял ружье и ушел в гачаги... Слушай, Союн, здесь, что ли, калитка? Глаза у меня шалить стали...

Муслим взял его под руку.

– Сюда, дядя Талыб.

– Да... Так вот. С чего это, думаю, он в гачаги подался? У него ж овцы паршивой за душой нет. Всю свою жизнь в нукерах ходит – чего ему от Советской власти бежать? А отряд наш тогда как раз к Куре вышел. Отъехали мы от деревни Хапыт, и тут вижу я: выходит из чащи этот самый Нурулла, на плече винтовка. Увидел нас – бежать. А я как гаркну: «Стой!» Его сразу как гвоздем прибили. Я в ту пору здоров был. Подхожу, схватил его за плечо: «Чего это, – говорю, – ты здесь делаешь?! Что ты тут, – говорю, – потерял, сукин ты сын? Хозяин твой в лес удрал, понятное дело; ему советская власть не по нутру. А тебе чего от нас бежать?» А время тогда было серьезное, на месте таких расстреливали... Выхватил я у него винтовку, швырнул в

сторону. «Я тебе, – говорю, – покажу гачагов!»

Он – плакать: «Не убивай меня, Талыб!» «Ладно, говорю, нечего теперь сиротой прикидываться! Иди вперед!..» Накостылял ему по шее, отвел в город. В энкаведе посадить хотели, а я не дал. «Чего, – говорю, – его сажать, не бек какой-нибудь, всю жизнь в нукерах проходил! Самый настоящий пролетарий!»

– Пожалуйста, дядя Талыб! Заходите! – Мирза Союн отворил дверь чайной.

В лицо пахло влажным дымным воздухом. Лицо у Талыба прояснилось.

...В углу стучали костяшками, шла игра в нарды.

Вокруг игравших толпились болельщики. Возле дверей сидели за столиком двое пожилых мужчин. Один был в высокой бухарской папахе. На его полном округлом лице сверкали черные-пречерные, без зрачков, глаза; серебристые седые усы пожелтели от папиросного дыма. Сосед его, худощавый и невысокий человек, сидел, поджав под себя ногу. Он пил чай, крепко сжимая стакан мосластыми, в набрякших венах, руками. Черный пиджак ладно облегал его плечи, со спины его можно было принять даже за молодого. Зато лоб и щеки – смуглые, с медным отливом, – были как свежевспаханное поле, так глубоко избороздили их морщины. Глаза глядели сурово и прямо, и, может быть, эта суровость и мешала разглядеть, какого они цвета. Увидев старого Талыба, мужчины поднялись. Круглолицый быстро подошел к нему.

– Здравствуйте, дядя Талыб! Сюда, пожалуйста, к нам! Как здоровье?

– Спасибо, Габиль. Старею понемножку...

– Какая там старость!.. Слава Богу, идете – земля трясется! Вот Союн – тот и правда стареет. – Он повернулся к чайханщику. – Тащи-ка нам чаю, сынок! Как, Мирза, дети пишат?

– Спасибо, ничего. Учатся. Не сегодня-завтра приедут...

– Талыб-киши! А ведь Мирза Союн помоложе нас с тобой будет. Меня-то уж наверняка моложе.

– Да... Пожалуй, годков на пять... Рановато он сдал...

– Это его женитьба доконала. Не помню, какой поэт сказал:

«Ничто бы его не состарило,

Да жену молодую взял!»

Все улыбнулись. Габиль-киши перевел взгляд на Муслима.

– А у тебя, сынок, с чего это голова седая? Ты ж еще мальчишка – сорока годов, небось, нету?

– Сорока нет. Тридцать восемь.

– Надо же!.. А виски белые! Да, сынок, у нас с Саламовым разговор был – насчет леса, он тебе не говорил?

– Нет!

– Маладес! – послышалось из угла, где играли в нарды. – Сразу две шестерки! Здорово!

Старики обернулись на крик. На секунду встретились взглядами с меднолицым. Чайханщик принес большой чайник. Поставил стаканы.

Это было единственное место в городе, где пожилые люди могли посидеть вечером. Новый клуб строили уже третий год, но пока выложили только первый этаж, а в старом, маленьком, все больше крутили кино. Каждый день в трех-четырёх местах вывешивали новые киноафиши.

Габиль-киши повернулся к Талыбу, накрыл своей рукой его руку.

– Я ведь тебя разыскивал, Талыб. Завтра вечером прошу к нам. Всех прошу, – добавил он, бросив быстрый взгляд на Муслима и Союна.

Муслим знал, что у Габилы нередко собираются люди и до полуночи сидят за дружеской беседой. Собираются там всегда ровесники хозяина, и его, Муслима, присутствие Габилю совершенно ни к чему. Пришлось отказаться, хотя Муслим с детства любил посидеть с пожилыми людьми...

– Спасибо, дядя Габиль. Не смогу. Гости у меня завтра.

Мирза Союн внимательно посмотрел на Муслима: «Гляди-ка, и у него гости бывают!..» Муслим покраснел. Только при здешнем освещении этого все равно никто не заметил.

– Ну как, не узнали? – Габиль кивнул на сидевшего напротив него человека.

– Да что-то не признаю...

– Наш завтрашний гость. Состарился ты, Талыб! Память отказывает... – Габиль обернулся к незнакомцу. Морщины на бронзовом лице дрогнули – то ли он улыбнулся, то ли хотел что-то сказать. Потом морщины снова легли на место. Бронзовое лицо застыло.

– Это же Сулейман-бек, – сказал Габиль. – Тот, что в Иране был. Теперь вот на родину вернулся.

Талыб-киши резко выпрямился. Взгляд его стал жестким.

– И давно ты с беками стал дружить?

Муслим выронил изо рта сахар. Габиль напряженно молчал, словно ответ застрял у него в глотке. Чувствуя, что дело принимает нежелательный оборот, Мирза Союн беспокойно заерзал на табуретке. А Талыб-киши продолжал:

– Он – мой классовый враг. И пока я жив, за один стол с ним не сяду!

Габиль весь покрылся испариной. Вытащил платок, отер пот с лица. Сулейман-бек молчал, уставившись в свой стакан, словно не слыша ничего. Габиль сунул платок в карман, умоляюще взглянул на Талыба.

– Эх, Талыб, Талыб! Не годится так на старости-то лет!..

– При чем тут старость?! Состарился, да не помер. А он мой классовый враг. Враг! И другого ты от меня не услышишь!

Муслим не верил своим ушам. В лицо – такие слова! И хоть бы глазом моргнул!..

Сулейман-бек поднял голову, взглянул на Талыба. Бронзовые морщины на его лице сложились в горькую усмешку.

– Я, Талыб, сорок лет по чужим краям скитался. А как почуял, что смерть близка, захотелось мне помереть на родной стороне. Вам этого не понять – вы на чужбине не жили. – Он двумя руками взял стакан, отхлебнул. И снова умолк, задумчиво глядя на чай. Потом сказал тихо-тихо, словно говорил это стакану: – После всего, что пережито, ни к чему мне эта вражда, дружба... Я как приехал, все землю целовал. Истосковался по родной земле!

Болезьники, толпившиеся вокруг игроков, делали вид, что не слышат этого разговора.

Габиль снова достал платок, вытер лицо. Старик изнемогал от отчаяния, казалось, еще слово – и заплачет.

– Эх, Талыб, Талыб, дай Бог тебе здоровья! Видишь, как оно получается... А ты: революция, классовый враг!.. И на что это тебе? Памятник, что ли, поставят?!

Притихший было Талыб вдруг вспыхнул, словно под него подложили фитиль.

– На что, говоришь, мне революция?! Тебе она, выходит, ни к чему. Чтоб все добро, что ты от нее получил, кровью из тебя вышло! – Он задыхался, тусклые, выцветшие его глаза лезли из орбит. – Отец твой, нефтяник, одного единственного сына имел, а выучил он тебя?! А? У тебя пятеро, и все с высшим образованием! А кто ты есть: министр, профессор? Нефтяник ты, простой нефтяник! Это тебе как – тьфу! Да что с вами, с негодными толковать! Вывести бы вас в базарный день на площадь да и перестрелять при всем честном народе! Памятник, говоришь, не поставят? А на кой он мне сдался, памятник! Мне правительство пенсию положило. Каждый месяц – сто двадцать рубликов. На дом приносят! Отдыхаю вот, чай пью в чайной. Эх, время не то, потолковал бы я с вами!..

Сулейман-бек достал платок, вытер лоб. Муслим удивился – ему почему-то казалось, что эта сухая, отливающая бронзой кожа не может выделять пота. Габиль встал. Лицо его было белое, перекошенное.

– Пойдём отсюда! – Он тронул Сулейман-бека за рукав. – Состарился человек, из ума выжил. Идём! – Габиль бросил на блюдце металлический рубль.

– Это ты из ума выжил! – задыхаясь, выкрикнул Талыб-киши. – На старости лет к бекам потянуло! Да они таких, как ты, за собаками ходить не допускали!

Габиль уже не слышал этих слов. Дверь захлопнулась.

В чайной стало тихо. Слышны были только голоса игроков.

– Видал? – Талыб-киши вопросительно взглянул на Союна. Ему казалось, что сосед молчит, потому что считает его неправым.

– Теперь-то хорош стал. В передний угол сажают. В гости зовут! А помнишь, как Джафарова на куски порубили?! Возле станции? А в деревне Нехнахалил за ноги парня повесили и кишки выпустили – комсомолец! На глазах у матери! Они, эти самые гачаги! Помнишь?!

Союн кивнул.

– А твоему брату двоюродному голову снесли, как его звали-то?...

– Фарадж, – не поднимая глаз, вполголоса произнёс Союн.

– Точно, Фарадж, да будет земля ему пухом!... А теперь вот явился! Добренький стал, хороший!

– Так-то оно так... Только Сулейман-бек к этим делам непричастен. Он ведь раньше уехал.

– Уехал! А гачаги – кто были? Его же прихвостни! Все они у бекских дверей кости грызли! Нет, одна беда – время не то. Вывести бы их всех на площадь да перестрелять!

– Дядя Талыб опять за свое! – бросил кто-то из игроков. – Только и знает – стрелять!

Старик обернулся, но не разглядел говорившего. Игроки сидели, уставившись на кости, с трудом удерживаясь от смеха.

– Смеяться?! А, сучьи дети!.. На готовенькое пришли, подлецы! Ну, кто это сказал, а?..

Все молчали. Старик нервным движением поднял стакан вместе с блюдцем, поднес ко рту. Рука дрожала, он хотел поддержать блюдце другой рукой, задел стакан, опрокинул.

Один из парней прыснул. Может, и не над Талыбом смеялся, но старика взорвало.

– Тьфу, чтоб вы пропали! Стакан чаю спокойно выпить не дадут!.

Ни с кем не простившись, старик в полном расстройстве вышел из чайной. Хлопнула дверь, игроки громко, весело расхохотались. Союн обернулся, взглянул на них. Парни притихли.

– Ну, чего ждешь?! – сердито выкрикнул один из них. – Тебе бросать.

Муслим допивал холодный чай. Союн попросил принести горячего. Налил себе в блюдце, подул, выпил. Оба молчали. Наконец Союн встал.

– Деньги – вот, – сказал он чайханщику, кивнув на оставленный Габилем рубль. Вышли. Союн закурил сигарету.

– Слушай, Муслим, а что значит: «Последнее предупреждение?» На каждом собрании его получаю.

– Ерунда это, дядя Союн... Припугнули малость...

– А тебе что дали? Выговор?

– Дали. Так, для порядка...

– И то верно. Без этого ни одно собрание не обходится.

Мирза Союн говорил уже сам с собой, отвечать было необязательно. Муслим промолчал.

– Ну ладно, сынок, спокойной ночи!

– Всего хорошего, дядя Союн!

В голове у Муслима получилась какая-то каша. Вдруг ему почему-то пришло в голову, что если Талыб-киши, не дай Бог, помрет, нести его будет тяжело – рослый человек и в теле – четверым никак не справиться. Почему-то Муслим чувствовал себя одним из этих четверых, у него даже плечо начинало ныть. А вот если Саламова на траурные носилки положить? Дядя Талыб суров. Вообще его можно понять: чего только не пережил старик, чего только не натерпелся. Но Сулейман-бека он все-таки зря обидел... Хотя, с другой стороны, что ж... Сказал человек, что думает. Честно, в открытую. Нет, Талыб-киши – мужик стоящий, с Союном его не сравнить!

С Союном Муслим сошелся ближе, чем с другими, несмотря на разницу в годах. Правда, говорили они мало, и, возмись кто-нибудь записать их разговоры, за пять лет не набралось бы и пяти страничек. Мирза Союн считался человеком в высшей степени достойным и уважаемым. Муслиму претила в приятеле какая-то приниженность, робость, но его все равно тянуло к старику. Стоило им хоть день не повидаться, Муслим начинал скучать. Каждый выходной после обеда он шел к базару, и там возле городского сада обязательно находил Союна. Не говоря ни слова, приятели направлялись в чайную. Сидели, пили стакан за стаканом, прислушивались к разговорам. В чайхане нередко толковали о Талыбе, дивились ему. Десять лет, как вышел на пенсию, а когда председатель Субасанского сельсовета продал спекулянтам помидоры, Талыб явился к нему прямо в правление и отлупил палкой. А три года назад пришел ко второму секретарю – второй тогда из молодых был – прикрыл поплотнее дверь и выложил ему все, что на сердце накипело. А под конец сказал: «Выметайся-ка отсюда, парень! Не для того мы кровь проливали за советскую власть, чтоб всякий молокосос ее позорил! Не уйдешь подобру-поздорову, такой тебе праздник устрою – на небе слышно будет!..»

Муслим слушал эти разговоры, кое-чему верил, кое-чему нет. Но одно ему было ясно: старики Талыба недолюбливали. Габиль как-то сказал, что Талыб-киши, конечно, достойный человек, но из тех, кому и похороны испортить – раз плюнуть. По-

чившего положено с почетом проводить, доброе слово сказать – так уж заведено в народе. А Талыб? Возьмет да брякнет: «Поганый человек был! Давно бы ему помереть!..» Это, конечно, если покойный не по душе ему был...

Муслим подошел к воротам. Постоял немного, глядя на сломанную дверь. Нижняя петля оторвалась, дверь держалась только на верхней, раскачивалась, поскрипывая, похожая на сломанное птичье крыло. «Когда ж это она успела?» – подумал Муслим и вспомнил, что дверь сломана уже давно. Ну что ж, это был предлог постоять у ворот – идти домой Муслиму не хотелось.

Небо было звездное. Воздух чистый, прохладный. Так бы и пил его!.. Февраль, а снега нет. Только дождь иногда. Уж который год зимы бесснежные!..

Муслиму хотелось присесть вот тут, у ворот, и закурить... Болтать начнут – что это он в такую пору на улице сидит? А пусть себе болтают! В конце концов, захотел сесть и сел – кому какое дело?!

Неподалеку лежал большой камень. Днем на нем обычно располагались соседские мальчишки – глазели на прохожих. Муслим сел на камень, закурил. Опять почему-то вспомнился ему старый Талыб. Что там ни говори, а это – настоящий человек: в боях рос, в битвах мужал. А я? Что я видел, что пережил? В техникуме учился за государственный счет: учили меня, кормили, одевали. Приехал сюда, дали работу. Женился поздно, в тридцать два года. И то благодаря тетке. Не будь ее, до сих пор холостяком бы ходил! Привезла в деревню. Позвали Говхар. А тетка на ухо: гляди, мол, хорошо гляди – девушка славная, умница. С сыном председателя обручена была – отказала. Тот напился, да у ее отца скандалить начал, вроде даже побил его. Ну, она сразу, как говорится, обе ноги в один башмак, и ни в какую. Кольцо вернула. Вся деревня против нее, а ей хоть бы что. Ну, конечно, больше ни один сват имени ее не помянул – председателю обида. Девушка – золото. Смугловата малость, так ведь с лица воды не пить. Зато покладистая – слова поперек не скажет.

– Ты здесь, Муслим? – услышал он тихий голос.

Муслим очнулся, встал. Неслышно ступая, к нему подошла Говхар.

– Я уж третий раз выхожу... А ты, оказывается, здесь.

– Да. Голова что-то побаливает... Собрание было. А воздух-то, видишь, какой.

Дай, думаю, проветрюсь малость...

Муслим чувствовал, как хочется жене посидеть тут, рядом с ним. Завтра обязательно стали бы рассказывать, что Муслим по вечерам сидит с женой возле дома.

– Мохаммед заснул? – спросил он, входя во двор.

– Да. Все ждал: папа придет, сказку будет рассказывать. А потом гляжу – прикорнул на твоей подушке и спит.

Чудо

Прошел день, другой. Вроде ничего особенного не случилось ни дома, ни в управлении, но Муслим после того разговора в чайхане совсем потерял покой. За столом ему не сиделось, все ходил по объектам. Встретил как-то Талыба-киши, перешел на другую сторону. Почему? Он и сам не понимал. Но у него было такое ощущение, что старик обязательно обругал бы его. После обеда Муслиму сказали, что его вызывает директор. Он пошел в управление.

– Садись, – встретил его Саламов. – Поговорить надо. Ты сейчас откуда?

– На объекте был.

– Так. И где у тебя рабочие?
– У тети Захры дом ремонтируем.
– У Захры?
– Ну, да. Три года заявление лежит. А человек она старый.
– Да... Но как же ты так? Ни с кем не согласовал...
– А что ж согласовывать? Помните, еще дядя Талыб вам напомнил, вы сказали, что немедленно начнете ремонт. Я думал – все ясно.
– Талыб – это да... – Саламов усмехнулся и с сомнением покачал головой. – Беда с ним... Понимаешь, сегодня приходил райкомовский шофер, просил дом отремонтировать. Я обещал, что завтра начнем.
– Придется подождать. Закончим у старушки, тогда уж..
– Ой, не знаю, честное слово! Совсем голову задурили! Куда ни кинь, всюду клин! Габиль лесу просит... Этому дом ремонтируй! Сколько лет работаю – нигде такой **муки** не было!
Муслим промолчал.
– Так как же решим?
– Насчет чего? – Муслим поднял глаза на Саламова.
– Да насчет этого чертова леса!.. Габилью.
Муслим снова опустил голову.
– Сам понимаешь, нельзя отказать-то... Человек пожилой, уважаемый.
Внутри у Муслима что-то оборвалось.
– Товарищ Саламов! Я все хотел вам сказать... Не знаю только...
– Говори, говори! – прервал его Саламов. – Говори, сынок. От тебя плохого не услышишь, ты человек воспитанный. За это я тебя и люблю, в глаза говорю – люблю!
Что-то застряло у Муслима в горле. Он глотнул, откашлялся. Промолчать, не сказать того, что давно понял, решил, Муслим был уже не в состоянии. Несколько дней он все обдумывал, как начать. Тяжелое, мол, это дело, хлопотное, человек вы пожилой... А вот попробуй, начни: во рту пересохло, язык не ворочается...
– Товарищ Саламов! Уходите вы с этой работы!
Директора будто током ударило. Лицо у него вытянулось. Он откинулся на спинку стула, выпрямился. Вытаращил глаза. Всего он мог ожидать от Муслима, но этих слов – никогда. Муслим тоже растерялся. Он успел сказать только самую суть, а надо ещё объяснять. Саламов попробовал улыбнуться.
– Ну, ну, давай! Не тяни... – сказал он неожиданно осипшим голосом.
Муслиму стало нестерпимо жаль директора. И себя тоже. Он не сомневался, что уже через минуту Саламов опомнится, придёт в себя и выгонит его из кабинета. Может, даже сразу издаст приказ об увольнении.
– Ты что... в директоры надумал? – прищурившись, спросил Саламов.
Муслим молчал, чувствуя, что взрыв приближается. Сейчас голос Саламова окрепнет, крик будет слышен по всему дому..
– Нет. Я не гожусь. Здесь нужен опытный руководитель, хорошо знающий дело. Вы честный, порядочный человек – это как дважды два, но...
Лицо Саламова приняло свою нормальную окраску. Он облокотился на стол, повернул голову к Муслиму.
– Так... Говори, говори! – он одобритительно кивнул.
– Я всё знаю; вы работаете с детских лет, всего, чего достигли, достигли честным трудом. Много лет вы на ответственной работе. В войне участвовали. Орденами

награждены. Всё это мне прекрасно известно. Но здесь... Два года, как вас сюда назначили... Не на месте вы! Ей богу, не на месте! Дядя Габиль просит машину леса. И вы готовы отдать. А ведь у нас каждый брус, каждая доска сосчитаны! Мне что – дам я вам доски, краску принесу. А если, не дай Бог, посадят вас? Дядя Габиль детей ваших будет кормить? Вы не подумайте, он человек неплохой, не в нём дело! Не знаете вы строительства, товарищ Саламов! Есть работа, в которой ваша нога больше моей головы смыслит, а в строительстве не разбираетесь. Вот вам и приходится перед начальством заискивать. Шофёру райкомовскому угождаете. А кто он по сравнению с вами, шофёр этот?!

Муслим видел, что Саламов уже не слушает его. Подперев рукой голову, директор задумчиво черкал по бумаге красным карандашом. Ясно было, что мысли его далеко.

Муслим умолк. Вытер вспотевший лоб. Молчание директора томило его. Наконец Саламов поднял голову, взглянул на Муслима. Глаза его глубоко ушли в глазницы, стали маленькие-маленькие. Он похож был на человека, много ночей проведшего без сна.

– Хорошо, – сказал он. – Иди.

Муслим встал, пошёл к двери, толкнул запертую створку. Не спуская глаз с Саламова, толкнул другую. Громыкнул, задев её ногой.

Саламов ничего этого не слышал и не видел. Он всё ещё смотрел на то место, где только что сидел Муслим. И ни одной мысли не было у него в голове. Он не мог бы сейчас сказать, с чего начался у них разговор, чем закончился... Да это и не разговор был. Это было что-то феноменальное, невысказанное. Чудо какое-то.

Так рано Муслим еще никогда не приходил домой, и Говхар встревожилась. Но расспрашивать, конечно, не стала.

Выбежал Мохаммед, с радостным криком кинулся к отцу, обхватил за ногу. Муслим молча погладил его, но на руки не взял. Мальчик, огорченный, вернулся в кухню к матери. За все пять лет Говхар ни разу не видела мужа в таком состоянии. «Дай Бог, чтоб все обошлось!..» – прошептала она, наливая чай.

– А Бог даст? Даст, а? – мальчик снизу вверх взглядывал матери в лицо, ему не терпелось услышать, что она скажет.

Говхар приложила палец к его губам.

– Тише! Не шуми, сынок... Папа захворал.

– Захворал?

– Да, немножко...

Мохаммед тоже приложил палец к губам, шепнул испуганно:

– Плохое слово сказал, да?

– Что ты, сынок? Папа никогда не говорит плохих слов. Наверное, рядом кто-нибудь сказал.

– Я знаю, кто сказал! Соседские мальчишки! Да?

– Да, да! Помолчи, детка. Сядь вот тут, в уголке!..

Говхар принесла мужу чай. Он взял со шкатулки газету. Развернул, открыл последнюю страницу. В глаза бросились черные буквы заголовка. Он четыре раза перечитал одно слово: «Вьетнам, Вьетнам, Вьетнам, Вьетнам». Отложил газету. Одним глотком выпил чай. Мысли начали проясняться. Так..

Саламов на него не кричал, кажется, он легко отделался. А почему легко – возьмёт завтра да вывесит приказ! Ах да, завтра воскресенье! Слава Богу, хоть на работу не идти! А может, не стоило затевать всё это? Никто ведь не заставлял. Зря, пожалуй. Нет, не зря! Хорошо сделал, что сказал! Выгонят? Подумаешь – беда! Специальность моя при мне, работу всегда найду. Как говорится, из портных выгнали, да иголку не отняли! Ничего: велик верблюд, а слон больше. Подопрёт, в райком обращусь!..

– Постели мне, Говхар. Голова что-то побаливает...

Жена ушла в спальню стелить.

– Пап, ты уже спать? А как же сказка?

– Вечерком, сынок, вечерком. Кто ж днём сказки рассказывает?

Выйдя из управления, Саламов быстро зашагал прочь – подальше, подальше отсюда! Он вдруг возненавидел этот дом. «Больше я здесь не работаю!» – это было ему совершенно ясно, сначала он даже решил немедленно идти в райком – пусть предоставит работу по способностям, но что-то подсказывало Саламову, что особенно спешить не стоит. Надо подумать, собраться с мыслями... С женой посоветоваться. Райком от него не уйдёт, и завтра можно сходить, и послезавтра ...

– Здравствуйте, товарищ Саламов!

Саламов вздрогнул – голос этот он услышал словно изнутри. Обернулся. Билал – «Чистим-блестим», как его называли, сидел на своем тюфячке у стены, смотрел на Саламова и широко, по-детски улыбался.

Не отрывая глаз от Саламова, Билал достал из ящика коробочку с черной ваксой и сел поудобнее, выставив вперед протез: искусственная нога лежала на тротуаре между черными и коричневыми щетками.

– Садись, дорогой, садись! Вакса – первый сорт! – он показал Саламову на стул, а другой рукой быстро провел по ящику – вроде бы смахнул с него пыль, предлагая поставить ногу.

– Как живешь, Саламов?

– Спасибо, Билал. Все нормально.

Обычно Саламов избегал ходить этой дорогой, а если все-таки попадал на глаза Билалу, то умудрялся отыскать какой-нибудь предлог, чтобы сбежать. Сейчас у него не было сил отговариваться.

– Ну, чего стоишь? Все равно с такими ногами жена в дом не пустит!

Пришлось сесть. Существовал неписанный закон – раз в месяц каждый должен был чистить у Билала обувь. Случалось, что Билал просто окликал человека: «Эй, Аббас! Ты чего целый месяц не показываешься? Садись-ка, давай!» И человек садился. Это было что-то вроде налога. Зато Билал считал своим долгом развлекать «клиентов», рассказывал забавные истории, шутил, сообщал последние новости.

Лицо у Билала было странного цвета. Казалось, от природы оно было черным, потом его окунули в желтую краску, но дождь кое-где смыл желтое и снова проступила чернота. Так оно и осталось черно-желтое. На Билале был старый пиджак с двумя медалями на груди. Медали были грязные, ленточки засаленные, а пиджак мятый-перемятый, казалось, Билал никогда его не снимает, даже спит в нем.

– Ты на меня не обиделся, Саламов?

– За что?

– Ну вот, сказал, жена, мол, в дом не пустит?

– А, ерунда!.. Ты чисть!

– Почистим, дело нехитрое. Деды наши правильно говорили, – Билал опустил пальцы в черную ваксу и стал размазывать по ботинку. – Нет такого мужика, чтоб жены не боялся. Подвинь-ка немножко ногу!.. Вот, спасибо! Пришел к одному человеку гость. А жена возьми да и огрей хозяина шумовкой по голове. При госте. Тот видит, что мужик со стыда пропадает. «Ангел, – говорит, – у тебя, а не жена. Моя, чтоб ей сгинуть, как вцепится мне раз в бороду, да черпаком по башке! А ведь люди были. Чуть со стыда не сгорел. «Бьешь, – говорю, бей, а за бороду-то зачем хватать?!» Подними-ка малость штанину. Вот так, спасибо! Другую ногу! Вот так! Ну, значит, услышал эти слова хозяин, ожил. Погладил бороду, и говорит гордо так: «Не знаю, как ты, но я не из тех, кто себя за бороду хватать разрешает!»

Билал громко расхохотался. Потом, заметив, что клиент не смеется, пристально посмотрел на него. Саламов сидел, глубоко задумавшись. На секунду рука чистильщика замерла, на лбу собрались морщины. Кажется, он жалел, что окликнул этого человека.

– Ты что это, Саламов? Вроде не в себе... Может, заболел кто?

– Что? Заболел? Нет! Все здоровы.

И снова умолк. «О чем это все я думаю? Не о чем мне думать! Билал, кажется, что-то рассказывал... Нет, все-таки Муслим молодец! Настоящий парень! Сына бы мне такого!»

– Заверни штанину, а?.. Не эту, другую! Вот так, хорошо!

«Завтра с утра пойду в райком. Сегодня уже поздновато... Сейчас – домой».

Саламов бросил взгляд на свои ноги. Сапоги сверкали, словно только из магазина. «Надо же! А я новые думал покупать!»

– Готово! – Билал шлепнул щеткой о щетку, положил их возле своей деревянной ноги и вытер руки о кожаный фартук. Саламов протянул ему трешку.

– Как тебе не совестно, Саламов! Я же... Для такого человека!..

– Ничего, милый, бери! – прервал его Саламов. – Бери!

– Ну хорошо, только много это... Много даешь...

После этих слов, по установившемуся в районе обычаю, Саламову оставалось одно – не брать сдачи.

– Спасибо, – сказал он и пошел.

Билал сунул трешку в карман и вдогонку пожелал Саламову, чтобы у него не переводились деньги.

«А ведь я, пожалуй, не смог бы вот так, как Муслим... Точно – не смог бы, хотя все считают, что я смелее его. Меня прямым человеком считают, честным. Интересно, Муслима можно вот так обобрать? Взял трешку, сунул в карман, будто так и надо! Да, вот Билал на месте, ничего не скажешь...» – Саламов усмехнулся. Кто-то поздоровался с ним. Он, не глядя, ответил на приветствие. «А если всерьез говорить, все у нас в районе на месте? А, ладно, нашел чем мозги забивать? Подумаешь – Муслим сказал! Кто он такой, Муслим? Захочу – завтра же выгоню с работы! Только низость это. Не для того я в пятнадцать лет с бандитами ушел сражаться, не для того на фронте воевал, чтоб низости делать! Сегодня Муслима с работы прогнал, завтра еще кого-нибудь... Пойти на подлость, лишь бы не признать, что неправ! Вот ведь как человек устроен – ни за что не согласится, что другой умнее. А помирать срок придет – тогда что? Не скажешь ведь, чтоб на могилу твой стол поставили. Эх, эх, Эюб, Эюб!

Чистильщик Биалал – и тот достойней тебя!»

Саламов бросил взгляд на свои сапоги, вздохнул. Рядом затормозила машина.

– Приветствую, дядя Эюб!

Это был Ширинбала, сосед Саламова. Четыре года назад закончил школу, работает продавцом. В торговом техникуме заочно учится. Машину купил.

– С обновкой вас, дядя Эюб, – никак сапоги приобрели? – парень ухмылялся, выглядывая из окошечка.

– Сапоги? Нет, это старые.

– Садитесь, дядя Эюб, подвезу.

Ширинбала не раз подвозил Саламова с работы. Когда тот купил машину, Саламов даже поздравил его с покупкой, похвалил отделку. А вот сейчас почему-то не смог сесть в его машину.

– Спасибо, сынок. Пройдусь немножко, подышу... Ты езжай!

В кухне загремела кастрюля.

– У, нескладная, чтоб тебе! Ворочаешься, как слепой верблюд!

Не выпуская из рук тарелки, Хумай бросилась в кухню.

Эюб лежал на диване – дома он не сидел на стульях. Приходил, и сразу – на диван. Ему туда и ужин подавали – ставили возле дивана табуретку. Эюб ничего не скрывал от жены – росли они по соседству, с детства знали друг друга, а Хумай уже давно научилась читать его мысли. Иногда он пытался утаить что-нибудь от жены, но в конце концов все равно сдавался. Правда, он точно знал: сказать Хумай, что в колодец бросить, дальше не пойдет.

О разговоре с Муслимом Эюб рассказал жене сразу и во всех подробностях. Она начала было возмущаться, но, поймав на себе взгляд мужа, вовремя прикусила язык. Иногда у него в глазах вдруг что-то вспыхивало, глубоко-глубоко, на самом днышке. Вспышки эти были очень слабы, только Хумай могла их приметить, но, приметив, тотчас умолкала. А тут как раз и предлог нашёлся – дочь в кухне что-то разбила.

У Эюба было две дочери. Старшую уже выдали замуж, младшая училась в седьмом классе. Отца дочери очень любили. А вот Хумай часто скандалила с девочками, ругала их, даже била. Эюб надеялся, что жена, выдав замуж старшую, успокоится, придёт в норму. Но тут младшая подросла, теперь на эту орёт.

Хумай несдержана на язык, выругаться может при муже, а разойдётся, так и поговорку непристойную скажет. Эюб обычно отмалчивался, если уж очень допечёт, скажет только: «Ну и опротивела ты мне! Никакого в тебе тепла не осталось, ну ничего!..» Только Хумай этим не прошибёшь. Лишь раз в жизни краснела она за свои слова. Десять лет прошло, а она и теперь, как вспомнит, сразу краской зальётся. Эюб тогда болел – малярия его замучила. У Хумай от слёз глаза распухли, хотя плакала она тайком, чтобы дети не видели. Ночью, уложив девочек, тихонько пробиралась к Эюбу. Муж метался в жару, бредил, а она глядела на него и плакала, как ребёнок. Услышав её рыдания, Эюб и сам чуть было не заплакал, но, собрав все силы, сердито прикрикнул на жену:

– Чего ты? Спать иди!

– Сейчас, сейчас... Это я... Стакан ищу. Девочка пить хочет, – и Хумай шмыгнула в другую комнату.

Через два дня Эюбу полегчало. Он заснул. Хумай стояла над мужем и всхлипывала, глядя на его бескровное лицо. Вдруг Эюб открыл глаза.

– Хумай!

– Что, милый?.. – слово это само, против воли слетело у нее с языка. На секунду она остолбенела, потрясенная неприличием своего поступка. Потом повернулась и, не выслушав, зачем звал муж, выбежала из комнаты.

И теперь, как вспомнит, пот прошибает.

Хумай принесла из кухни чай, поставила на табуретку. Мельком взглянула на мужа. Взяла со стола пепельницу и, протирая ее фартуком, сказала:

– Вот уж правду говорят: из грязи да в князи!.. В отцовских обносках вырос, а теперь, видишь, штаны заимел, решил, видно, что мужчина! И кого учить задумал?! Человек ему в отцы годится!

– Он мне и сказал, как сын отцу! Правду сказал! При чем здесь – учить?

– Ладно, не придирайся. «Правду сказал!» Одна у него правда – как бы на твое место сесть!

– Нет, Хумай, не понимаешь ты!

– А чего понимать? Вот, говоришь – уйду из управления. Уходи. А куда? В райком? На место Шахбаза? А тебе известно, что у него семеро ртов? Или другое какое местечко присмотрел? А может, дома останешься? – Голос её стал глуше. – Через год-другой девку выдавать – есть у тебя приданое? Хоть палас какой драный?! Ну, конечно, вам, партийным, о таких вещах думать не пристало! А пристало с работы гнать?! Неужто ты заслужил, чтоб тебя под старость на свалку вышвырнули, как кастрюлю какую дырявую?!

– Почему это вышвырнули? На пенсию пойду. Буду дома сидеть – отдыхать.

– Отдыхать он будет! На пенсию пойдёт! Пожилой человек, а болтает, словно мальчишка! Из головы выбрось! И в райком не вздумай идти – за сумасшедшего примут!

Муслим заснул. Говхар, не на шутку встревоженная, не могла усидеть на месте. А уйти нельзя: Мохаммед всё время в спальню поглядывает – тотчас к отцу шмыгнёт. Пододвинет стул, вскарабкается на кровать и давай пальчиками глаза отцу ковырять – «Вставай, папа! Вставай!» Приучил ребёнка, а ей теперь сиди и смотри – даже на кухню не выйдешь.

Как ни была озабочена Говхар, ей и в голову не могло прийти расспрашивать о чем-то мужа. «Надо будет, сам скажет». Муслим иногда говорил ей о своих делах, но хорошая ли была новость, плохая ли, Говхар не утешала его, не давала советов, слушала и всё. Другое дело, что потом целыми днями об этом только и размышляла. И так прикидывала, и эдак, обдумывая разные варианты, но высказать свои мысли вслух, посоветовать – на это она никогда бы не решилась.

В первые месяцы совместной жизни Муслима раздражала бессловесность Говхар. Он знал, что, как все молчаливые люди, жена много думает. Знал потому, что и сам был такой – молчаливый, замкнутый. В техникуме его прозвали «Угловой Муслим». Кровать его стояла в углу, на уроках он тоже старался забиться в угол. Он не любил драться, а в общегитии то и дело вспыхивали драки; в овраге, позади общегития, устраивались настоящие побоища. Так Муслим ни с кем из ребят и не сошёлся.

Первое время он мысленно называл Говхар «угловой». Потом привык к молча-

ливости жены. А в последнее время это свойство Говхар даже начало ему нравиться. Они никогда не говорили друг другу нежных слов, никогда не клялись в любви. Но они любили друг друга большой, тихой и застенчивой любовью. Любовь эта родилась здесь, в их доме. Но не тогда, когда родился Мохаммед: в суматохе, крике. Она пришла к ним тихо, незаметно, не объявляя о себе.

Утром Говхар поднялась пораньше – Муслим ещё спал. Взяла из шкатулки дневник – хоть что-нибудь узнать о вчерашнем. Под датой стояла всего одна фраза. Говхар даже глазам не поверила. Перевернула страницу. Тоже ничего. А ведь он просидел вчера за столом гораздо дольше обычного... «16 февраля 1966 г». Два следующих слова зачеркнуты. Густо зачеркнуты, ни одной буквы не разобрать. Потом с новой строки: «Ох, Талыб, Талыб!.. Не знаю, проклинать тебя или благодарить...»

Говхар закрыла тетрадь, положила на место. Что еще за Талыб объявился? Был у них один, но тот отроду из деревни не выезжал. А хоть бы и выезжал, – не про него написано. Дедушка Талыб – святой человек, аксакал. Поссорится кто – помирят, подерутся – разнимет. Еще один был – кладовщик. Этого еще в прошлом году посадили – восемь лет дали. Соседского мальчонку Талыбом зовут, так ему только пять лет... Больше Говхар никого не могла припомнить. На душе становилось все тревожней.

Назавтра Муслим в город не пошел. А день выдался погожий, солнечный. Он одел сынишку, вышел с ним во двор. Двор у них был невелик: огромная старая груша да пяток черешен. Вот под этими деревьями они и провели воскресенье.

Вечером с веранды донеслось чье-то покашливание. Муслим приоткрыл дверь.

– А!.. Дядя Союн! Добрый вечер! Заходи, пожалуйста!

Говхар неспешно выдвинула стол на середину. Коврик смялся, сдвинутый ножками. Она присела, быстро расправила складки. В комнату вошел Союн.

– Здравствуйте, дядя Союн! – сказала Говхар и, не ожидая ответа, ушла на кухню.

Муслим пододвинул гостю стул.

– Садитесь!

– Спасибо, сынок... Я лучше вот тут, на коврике. На полу как-то привычней.

Муслим поставил стол обратно. Разложил на коврике подушки. Мохаммед стоял в дверях, внимательно разглядывая гостя.

– Как здоровье, дядя Союн? Что нового?

– Да ничего. Все нормально. Я ведь так... Мимо шел, дай, думаю, загляну...

– Очень хорошо. Спасибо.

– А дом у тебя неплохой... Там тоже комната? – старик указал на дверь.

– Нет. Это кухня. Комната вот, – Муслим кивнул на полуоткрытую дверь. Мирза Союн перевел взгляд и увидел Мохаммеда.

– А, сынок!.. Иди-ка, иди сюда! – он сунул руку в карман и вытащил несколько конфет. Мальчик подошел к гостю, но, завидев конфеты, отпрянул и замотал головой. Союну это пришлось по нраву. – Молодец! Воспитанный парень.

Муслим и сам не ожидал от сына такой деликатности.

– Возьми, – сказал он, очень довольный Мохаммедом. – Раз дедушка угощает, можно взять.

У мальчика слюнки текли, но конфеты он не взял. Вытер рот тыльной стороной ладони и нырнул в кухню. Через минуту вернулся, степенно принял конфеты и, подойдя к отцу, облокотился о его колени.

– Забавный паренек, – Мирза Союн улыбнулся, покачал головой. – А я тебя

ждал, ждал сегодня. И возле сада стоял, и в чайхану заглянул. Вернулся домой – скучно вроде. Опять в сад пошел, в чайхану наведалься. Нигде нет. Взял сто грамм конфет и сюда. Как же ты так, Муслим? Выскочил вчера от директора и пропал. Что, почему – ни словечка.

– Да идти к тебе далековато, дядя Союн. А у меня голова болела... Как, от детей есть вести?

– Чего вести! Сами приехали. – Старик улыбнулся. – Явились, не запылились!

– Ну и слава Богу! Экзамены-то сдали?

– Сдали. Все нормально. – Мирза Союн помолчал, усмехнулся. – Не знаю, что уж там девка матери брякнула, какой номер выкинула, только ходит баба сама не своя – губами пол метет. И того вопроса не касается.

– Какого вопроса?

– Да помолвку она хотела устроить...

– А, да, да, помню.

Мирза Союн снова усмехнулся. Видно было, что он доволен таким оборотом дела.

– Вчера завела было. Что это, мол, девушку в такую даль одну отправлять... А я что? Я молчу. Я знал, что так будет. А как же иначе, если она там среди таких крутится, что хоть оторви да брось?! Промолчал. Потому, что ни скажи, добра не будет: наболело у нее, лучше не трогать... Вот я и собрался, пошел в город...

– Они молодые, дядя Союн... Образованные, ученые. Сами в своих делах разбираются.

Помолчали. Мирза Союн достал папиросу, закурил. Говхар принесла чай и снова ушла, оставив дверь приоткрытой. Мирза Союн налил чай в блюдце, подул, отпил немножко и, не ставя блюдца на скатерть, в упор взглянул на Муслима. Хотел что-то сказать. Отпил еще глоток. На лбу его тесней собрались морщины.

– Сынок! – Мирза Союн подул на блюдце. – А ведь ты вчера от директора как чумовой выскочил. С чего это?

Муслим ждал и боялся этого вопроса – не хотелось ему начинать разговор. Но и соврать нельзя. Если все станет известно, старик не простит ему.

– Директор тоже вскорости ушел, почти вслед за тобой. И тоже вроде не в себе был. Ушел и не вернулся. – Мирза Союн умолк, ждал ответа.

Муслим понял, что отмолчатся ему не удастся.

– Да ей-богу, я не знаю... – сказал он, и вправду не зная, как все это объяснить.

Вчера он сам дивился своему красноречию. А вот передать вчерашний разговор – вроде, и слов нет...

– Потолковали мы с ним малость... Сказал ему, что дела не знает. Уйти посоветовал.

– Так и сказал?! – Мирза Союн уставился Муслиму в лицо.

– Да.

– Ну, знаешь ли... – Старик взялся было за блюдце, но чай уже остыл. Он поставил блюдце на скатерть. – Такое, значит, дело?..

– Говхар! Принеси-ка дяде Союну чайку погорячей! – голос Муслима прозвучал несколько громче обычного.

Говхар забрала у Союна чай, принесла горячего.

– Ужин готов, – вполголоса сказала она.

– Спасибо, дочка. Я не хочу, дома поел. Я ведь только так, на минутку...

– Ну как же так, дядя Союн? Поужинайте с нами. Хоть отведайте!

– Нет, нет! Ни кусочка не смогу проглотить! Сыт! – Он налил чаю в блюдце, подул, выпил. – Значит, так... И что ж он тебе ответил?

– Ничего. Молчал, как камень.

– Да... – старик усмехнулся, задумчиво покрутил головой. – Ну, ладно, надо идти. – Это он вроде сам себе сказал. Повернулся, взглянул на Муслима. Тот с беспокойством смотрел на него.

– Ну, помогай Бог! – Мирза Союн оперся рукой об пол, встал. Муслим тоже поднялся с места. В дверях гость остановился, взглянул на Муслима. Вроде он недоволен был собой, хотел что-то сказать, а что – не придумал. Улыбнулся, покачал головой...

– Да, интересно получается... – Он наклонился к Мохаммеду, потрепал мальчика по щеке. – А ты смелый парень!

Мирза Союн не любил произносить громких слов, но он не мог не сказать этого Муслиму. И сказал, но так, словно похвала его была адресована ребенку. Он даже не взглянул Муслиму в глаза.

– Будь здоров, сынок! – сказал Мирза Союн и пошел к двери.

Говхар слышала, о чем Муслим толковал с гостем. Она не все разобрала, но одно было ясно: Муслим поссорился с директором. У нее отлегло от сердца. Пожалуй, ей даже нравилось, что Муслим так поступил. Она искоса взглянула на мужа. Крупный, загнутый книзу, словно орлиный клюв, нос. Большие глаза под густыми, сросшимися бровями. Роста Муслим был высокого, широкоплечий. Говхар ни на минуту не сомневалась, что в ссоре с директором он был прав. Директор – плохой человек, и Муслим правильно сделал, что высказал ему это. По крайней мере, никто трусом не назовет.

Утром Муслим решил было не идти в правление – сказаться больным. Денёк другой надо дома пересидеть. Потом сообразил, что нельзя – Союн-то знает, что он ничем не болен. Он не то, чтобы боялся Саламова, но уж очень ему не хотелось встречаться с ним. Но когда он пришёл на работу, оказалось, что директора не будет – болен. Выходит, хорошо, что не остался дома.

Муслим немного успокоился – пока Саламов болеет, дело это заглохнет. Однако на второй день, после обеда, директор вдруг появился. Он пришёл оживлённый, весёлый, и совсем не был похож на больного. У Муслима заколотилось сердце, он побледнел – совсем как школьник перед экзаменами.

Саламов со всеми поздоровался. Муслиму он тоже подал руку. Мало того, взглянул ему в глаза и спросил:

– Ну, как дела, герой?

У Муслима чуть сердце не оборвалось.

– Спасибо, товарищ Саламов! Всё нормально.

Пришла тётя Марьям. Вообще-то она всегда появлялась к концу дня и, дождавшись ухода директора, бралась за уборку. Сегодня же она пришла пораньше.

Саламов прошёл в кабинет. Секретарша шмыгнула за ним. И тотчас же вышла обратно.

– Дядя Союн! Товарищ Муслим! Пожалуйста! Директор приглашает всех сотрудников.

– Всех, говоришь? – уборщица подошла к девушке. – А меня?

– Сейчас узнаю! – она заглянула в кабинет. – Заходите, тетя Марьям! Товарищ

Саламов говорит, пусть заходит.

Муслим приткнулся в углу, у двери. Потом вдруг вспомнил, что в прошлый раз сидел возле стола директора, встал и сел на то же место.

Саламов рылся в ящике, мурлыкая что-то себе под нос. Мирза Союн взглянул на Муслима. Тот опустил голову. Саламов отыскал в столе какую-то бумагу, сунул в карман пиджака и задвинул ящик.

– Так... – проговорил он, с улыбкой глядя на сотрудников. – Такие, значит, дела... Должен сообщить вам следующее: меня тут снимали с работы...

– За что?! – Тетя Марьям подскочила на стуле. – Да я сегодня же заявление подам, пускай и меня выгоняют! Что же это такое творится?!

Саламов улыбнулся.

– Да нет, Марьям. Пока что никто меня не выгоняет. А вообще-то, это ведь не отцовский дом – рано или поздно, а уходить придется. А будем работать как сейчас, так и выгонят! Запросто выгонят! Вот, Союн, я тебя прошу. Очень прошу, ради Бога прошу: не задерживай рабочим зарплату. Зарплата – не шутка. Это ведь их деньги. А то что получается: вовремя не платим, рабочие разбегаются... Не годится так. Может, не справляешься? Может, помощник нужен?

– Неплохо бы...

– Так чего ж молчишь?! Подыщу парнишку дельного, чтоб учет знал, сейчас же приказ издам! Ну, можете идти, товарищи!.. А ты, Муслим, задержись!

В дверях Мирза Союн бросил взгляд на Муслима. Лицо у парня было растерянное.

Саламов снова выдвинул ящик. Порылся в нем, словно отыскивал что-то. Тянул время – не знал, как начать. И Муслим вдруг успокоился. Он уже понял: сейчас Саламов заявит, что после того разговора они вместе работать не могут. И он скажет: пожалуйста, согласен написать заявление, но ему, Саламову, советует все-таки крепко подумать.

– Муслим! – сказал Саламов. – Сынок! По душе мне прились твои слова. И даже не самые слова, а что от сердца они. От души тебе благодарен, честно говорю. А теперь скажи: куда мне идти? И еще, между нами, конечно, давай поглядим, кто у нас в районе на месте? Начнем с самой головки! Молчишь? То-то! Ведь все наши недостатки – девяносто девять процентов – от того, что люди не на месте, дела своего не знают! Так ведь? – он смотрел Муслиму прямо в лицо.

– Так, – не поднимая глаз, согласился Муслим.

– Ну вот. Знаешь, Муслим, помнится мне один случай. Отступали мы, закрепиться надо было, опорный пункт найти. Значит, заслон нужен – держать противника, сколько можно. Отобрали людей. На гибель их оставляли, на верную смерть, потому что до последнего должны они были драться, чтобы дивизия отойти успела. Все знали, что люди эти – смертники. И они знали, а все-таки остались.

– Но то ж война! – смущенно отозвался Муслим.

– А сейчас не война?! Еще какая война! А мы – заслон! Понимаешь? Главные-то силы на подходе – твой сын, мой внук! Война! Только воюем мы не с врагами, а со своими желаниями, мечтами! С прекрасными мечтами. Очень, мол, ты прекрасна, моя мечта, а недоступна! Внук, вот он тебя претворит в действительность, а нам не до мечтаний – дай Бог с делами управиться!

Чувствовалось, что Саламову нравится себя слушать. Он и слова старался подбирать красивые, книжные.

– Вот, к примеру, я. Никто и не подумает, какие мне другой раз мысли в голову приходят. Ведь после революции-то я учиться намеревался, философией думал заняться. А потом как закрутило – дай Бог на ногах устоять!.. В голове почесать, и то некогда. Какая уж тут философия! Вот так и прибило сюда. Огляделся, вижу – не на месте я. Я ведь и сам не раз думал уйти. Не получается. Лучше помоги мне – дело свое ты хорошо знаешь. И еще одна просьба к тебе. Если уважаешь меня, выполнишь.

– Пожалуйста, дядя Эюб... – Муслим и сам не заметил, как это у него вырвалось – «дядя».

– В заочный институт поступай! Понял? Трудно будет – скажи. Даешь слово?

– Даю, – Муслим поднял голову.

– Ну, все. Иди работай.

Муслим вышел из кабинета. Он изнемог, был весь как избитый. Больше всего на свете не хотелось ему сейчас встретиться взглядом с дядей Союзом. Не то, чтоб был он обескуражен или боялся вопросов. Придется разговаривать, а Муслим не хотел и не мог сейчас говорить. Он должен был побыть один. Уйти куда-нибудь далеко-далеко... Ему вспомнилась речка на краю родной деревни – мальчишкой он целыми днями торчал там с удочкой. Вместо крючка у него был приспособлен гвоздик, и он насаживал на этот согнутый гвоздик стрекоз, червячков, хлебный мякиш, – все, что попадало под руку. Он целыми днями не отрывал глаз от воды в надежде хоть что-нибудь поймать. И один раз поймал. Так обрадовался, что даже про удочку забыл – сразу бросился к матери. Никогда в жизни – ни позднее, ни раньше – не испытывал Муслим такого торжества, такой радости... Да, посидеть бы сейчас у речки!.. Да-леко: шесть километров туда, шесть обратно – за полночь домой вернуться...

Знакомая музыка прервала его размышления. Муслим сообразил, что подошел к клубу – перед сеансом всегда крутили эту пластинку из «Бродяги». Перед кассой толпились ребятишки – видимо, фильм был детский. Здоровый верзила погнался за малышом, орал, что убьет. «Пусти, дядя Сахиб!» – крикнул мальчонка и шмыгнул мимо контролера в клуб.

– Ты что, негодяй, к ребенку пристаешь? – набросился Сахиб на длинного. – Он же тебе, громила, по пояс!

Парень, хохотнув, вразвалку направился к стоящим поодаль мальчишкам.

– Порядок, Малик уже там! Обдурили! – нарочито громко сказал он.

Сахиб заметался, хотел броситься в зал, да от двери не отойдешь.

– Ладно, сукин сын!.. Посмотрим, как сам пройдешь!..

– А чего?! У меня билет! Права не имеешь!

Мальчишки вытащили билеты, показали. Не переставая ворчать и грозиться, контролер пропустил ребят в зал. Муслим взял билет и тоже пошел в кино.

То ли от веселого фильма, то ли от разговора с Саламовым, а скорее всего просто от свежего воздуха, который показался ему особенно свежим и чистым после клубной духоты, у Муслима заметно поднялось настроение. Хотелось повозиться с сынишкой, но мальчик уже спал. Говхар принесла чай. Сегодня она была какая-то особенно ласковая, мягкая. И Муслиму захотелось, в первый раз захотелось сказать какие-то ласковые слова. Он окинул жену внимательным взглядом. Говхар заметила это, с беспокойством оглядела себя.

– Деньги у нас есть? – спросил Муслим.

– Есть. Принести?

– Нет, я не к тому. Купила бы ты себе чего-нибудь... Разве это платье – стирано-перестирано!

Сердце у Говхар дрогнуло и стало вдруг таять, таять, как снег под весенним солнцем. Она даже не знала, как ответить на такие слова.

– У меня есть платье, – негромко сказала она. – Хорошее, шерстяное. Только я его не надеваю. Ходить некуда...

Она не жаловалась, она просто объяснила, и Муслим понимал это.

– Да, Говхар, не повезло тебе. Плохой муж достался. Никуда я тебя не вожу, ничего ты не видишь – с утра до вечера в четырех стенах!

Добавь он еще одно слово, Говхар не выдержала бы, разрыдалась. Но Муслим ничего больше не сказал. Он встал, потушил свет. Подошел к жене, погладил ее толстые косы. В темноте как-то проще. Снова погладил...

– У меня в Баку приятель живет. Недавно его видел. Очень звал к себе. Повезу тебя летом в Баку. Весь отпуск там пробудем.

Муслим говорил неправду – не было у него в Баку приятеля. Но сейчас ему так хотелось, чтобы был, чтобы можно было повезти Говхар в Баку. Поводить ее по кино, по театрам. Море ей показать. Желание это овладело всем его существом, и он почти верил, что все это сбудется. Он говорил, говорил... Потом прижал жену к груди и стал целовать ее щеки. Щеки были мокрые, в слезах... Комок встал у него в горле, в груди сделалось горячо.

– Над участью своей плачешь, да? – сказал он дрожащим голосом.

– Что ты, Муслим! – она быстро вытерла слезы. – Честное слово, нет! Я же счастливая! Правда – счастливая! – Говхар прижалась головой к его груди и, не в силах сдержать слезы, разрыдалась.

ЧАСТЬ II

Сначала Габиль и Султан-бек шли молча. Габиль не мог произнести ни слова, его душил гнев. Но свежий весенний воздух делал свое дело, постепенно Габиль остыл. У калитки он взял Султан-бека под руку.

– Осторожнее. Здесь яма.

– Я знаю. Еще днем приметил.

Они вышли на дорогу. Слабый свет фонарей освещал лишь небольшой кусок дороги, а дальше начиналась темень. Габиль шел уверенно, словно по собственной комнате, а Султан-бек то и дело спотыкался, проваливался в рытвины.

– Не спеши, Султан-бек! Иди за мной. Вот сюда...

Они вышли на центральную улицу. Улица была асфальтированная, да и свету здесь хватало – ярко горели огни витрин.

– Эх, Талыб, Талыб, накажет тебя Бог, – с горечью произнес Габиль, – весь вечер ты нам испортил! Ополоумел к старости. Хотя, как сказал бы Молла Насреддин, его и молодость-то не больно красила. – Он умолк ненадолго, потом сказал, сокрушённо покрутив головой: – Надо же – классовый враг! Классовая борьба! А того не соображает, что мы уже одной ногой в могиле! Какие уж тут враги, прости Господи!..

– Нет, Габиль. Он по-своему прав.

– Прав? Ну, знаешь, я тебя не понимаю!

– А ты пойми! Послушай, что скажу.

Они остановились посреди дороги. Поодаль стояли две бездомные собаки, бо-

язливо поглядывая на двух оживленно беседующих пожилых людей. Люди их не замечали.

– Видишь ли, братец, Талыб всю свою жизнь сражался с беками, защищал от них советскую власть. И вот вдруг снова является живой бек и садится против него за стол. Как же так? За что он тогда боролся?

Габиль молчал, озадаченный этими странными словами. Достал папиросу из кармана своего просторного пиджака. Закурил. Султан-беку он папиросу не предложил, хотя обычно угощал всех: и курящих, и некурящих. Похлопал по карманам, нащупывая спички. Спичек не нашлось. Султан-бек протянул ему коробок.

– А теперь гляди сам: бек я или не бек? Я же глаз не успел открыть – уже в медресе оказался. Шестнадцати лет отец меня в Турцию отправил, в духовную школу. До сих пор она у меня в печенках сидит, эта школа! А в двадцать первом году получаю от отца телеграмму – выезжай в Тебриз. И все. Какой же я враг? Ни друг я никому, ни враг.

– А Талыб, что ж...

Габиль вроде немного повеселел. Бросил на Султан-бека строгий взгляд, сейчас ему уже хотелось защищать Талыба. Султан-бек почувствовал это.

– Талыб – фанатик, – сказал он.

– Это как понять?

– Ну, значит, такой человек, который не осмысливает, не обдумывает свои поступки. Ломит напролом – и все.

– Это что ж, арабское слово?

– Нет, французское. Среди духовенства есть много фанатиков. Попадется такому книга со старинным алфавитом, он ее и целует, и на глаза себе кладет – священная, мол. А в книге и не молитвы вовсе: стихи, рассказы...

– А ты откуда по-французски знаешь?

– В Турции французский язык многие знают. А потом, я ведь три года в Париже прожил.

– Да, покатался ты по белу свету!

– Не приведи Бог!

– Почему ж? Не тот знает, кто в книжке читал, а кто глазами видал!

– Это все правильно. Только знаешь, Габиль, уж так человек устроен: оторвался от своего гнезда – конец, нигде больше не совет. И будет его гонять по белу свету, как перекасти-поле...

– А интересная страна Франция?

– Да. Очень.

– А что это мы здесь встали на дороге? Пойдем ко мне!

– Спасибо, Габиль, я в гостиницу. Поздно уже.

– Да где ж поздно?! – Габиль достал карманные часы. – Здесь близко! Потихоньку, и то за четверть часа дойдем!

– Да нехорошо вроде... Домашних твоих беспокоим.

– Нет, нет! Прошу! Мне тебя сам Бог послал! Расскажешь, где побывал, чего повидать довелось. Пойдем! – Габиль крепко взял Султан-бека под руку. – А знаешь, Султан-бек, Талыб, хоть и груб, а ты точно сказал: в общем, он правильный человек, честный.

– Как? Как ты сказал? «В общем»? – Султан-бек криво усмехнулся, затем рассмехался. Смех у него был странный: тело тряслось беззвучно, словно он смеялся

внутри себя.

– Нет, Султан-бек, без смеха. Талыб – мужик стоящий. На язык он, конечно, резковат, а человек настоящий.

– Конечно. Такие и создали советскую власть.

– Нам сюда, Султан-бек! Держись поближе ко мне. Темновато, но дорога ничего – ровная.

Они свернули в темный проулок. Впереди протекал большой арык. Где-то неподалеку он падал с переката, а потому шумел вдвое больше, чем положено ему было по размеру.

– Переходить надо? – Султан-бек показал на арык.

– Нет. Сейчас свернем.

Они повернули налево.

– Осторожно, Султан-бек, здесь три ступеньки. Свет должны были провести, да все тянут!.. Утром гляжу – ямы выкопали. Где ж вы, думаю, раньше-то были, сукины дети?!

Они поднялись по лесенке, вышли в узкий проулок. С одной стороны высился каменный забор, с другой – протекал арык. Султан-бек старался держаться ближе к забору.

– А скажи правду, Султан-бек, в тех местах, где ты побывал, люди как к нам относятся?

– К кому?

– Ну, к нашей стране.

– Это смотря кто. Простой народ Советский Союз любит. Очень любит. А газеты все больше бранят. Не все, конечно. Есть такие, что и хвалят. А народ к вам уважительно относится, достижения очень расхваливает. Особенно после Гагарина...

– Да, Гагарин – это здорово! Мы...

– Ой! – закричал Султан-бек.

– Что такое?! – Габиль бросился к нему. – Упал?

– Яма!.. – простонал Султан-бек откуда-то снизу.

– Тьфу ты, чтоб ей пропасть! Забыл! – Габиль протянул Султан-беку обе руки, помогая выкарабкаться. – Это ж они сегодня выкопали для столбов. Совсем из ума вон! Не повредил ничего?

– Вроде нет... Пстой, Габиль, не хватай! Я сам! Дай ухвачусь за тебя. Ногу, кажется, подвернул...

– Неужто?! – Габиль присел, пытаясь ощупать его ногу.

– Погоди, не тронь! Все равно ничего не видно.

– Ладно, Султан-бек, пойдём! Доползем как-нибудь. Опирайся на меня! Пятьдесят шагов осталось, не больше! Очень больно?

– Да ничего... Ступать можно. Испачкался вот только...

Талыб-киши

Пришла весна. Габиль зимой частенько наведывался в райком и в райисполком и выхлопотал Султан-беку жильё. Виделись они часто, и почти каждый раз заходил разговор о заграницах, о тех странах, где довелось побывать Султан-беку. Габиль не уставал слушать его рассказы.

В доме, принадлежавшем прежде родителям Султан-бека, помещалась школа.

Габиль заметил, что Султан-бек норовил почаще проходить мимо дома, и однажды вечером, когда они оказались неподалеку, сказал ему:

– А в вашем доме школу устроили.

– Я знаю.

– Может, зайдём? Посмотрите...

– Да вроде неловко.

– Чего ж неловкого? Занятия кончились. Пошли!

Они завернули на школьный двор. Габиль не отрывал глаз от Султан-бека. Тот старался сохранять спокойствие. Двор был зелёный, ухоженный. Повсюду новые саженцы...

– А ведь их не было, – прошептал Султан-бек, указывая на молодые деревья.

– Ни одного...

– Да, это школьники посадили.

Султан-бек взглянул на огромную старую грушу, привольно раскинувшуюся перед домом. На одной из нижних толстых веток был подвешен школьный звонок. Когда-то на этой ветке висели его качели. А рядом стоял низкий деревянный помост; тут, в тени развесистой груши, отец с матерью пили чай. Вот здесь они сидели. За все богатства мира не отдал бы Султан-бек эту старую грушу. Где бы он ни был, куда бы ни забросила его судьба, нигде не забывал это дерево... Деревья живут дольше, чем люди. Вот груша. Она пережила его отца, мать... и его, наверное, переживёт...

Габиль заметил, что Султан-бек переменялся в лице, как только взглянул на грушу, и ждал, что тот сейчас подойдёт к дереву, обнимет его или хотя бы погладит. У Габиля слёзы подступили к глазам. Султан-бек обернулся.

– Пойдём? – спросил он. Так спросил, словно они и пришли сюда только ради Габиля.

* * *

Наступила весна. Народу на улицах прибавилось, и ребятишек вроде стало больше, прямо под ногами шныряют. По тротуару вечером не пройти – повсюду куча мужчин: сидят, беседуют, делятся новостями. Новость, возникающая в одном конце города, через минуту-две достигает противоположного конца, успев в достаточной мере преобразиться. Сидят на тротуарах главным образом пожилые люди, а молодые прохаживаются мимо, давая сидящим обильную пищу для разговоров. Иногда те подымают кого-нибудь из парней. Если парень в это время курит, то в знак уважения к старшим он обязательно прячет папиросу и убыстряет шаги. Выслушав просьбу подзавашего его человека, он говорит: «Конечно, с удовольствием», и тут же бросается выполнить поручение. Парень идёт за спичками либо за папиросами, а тот, кто его послал, расхваливает его своим соседям, мол, такой уважительный юноша. Соседи охотно соглашаются, горячо выражают одобрение. «Молодец парень, умеет старшего уважить!» «Молодец!»

Если же кто-нибудь забывал произнести слово «молодец», сидящий рядом, возмещающая упущенное, несколько раз повторял это слово.

Что касается стариков, то они называли «молодежью» не молодых парней, а тех самых пожилых людей, что степенно беседовали на тротуарах. Те и правда вели себя со стариками как подростки, робели перед ними, не смели засмеяться, взять в рот папиросу. Но стариков на улицах было мало, их и вспоминали-то больше из-за детей: увидят сына или внука Габиля, поинтересуются самочувствием дедушки. За-

ходит речь о студентах, обязательно вспомнят Союна. «А что ж это Союн-то пропал? Давно его не видать... Уж не занемог ли?!» А вот Талыба никто никогда не вспоминал. Прежде всего потому, что уж очень все его боялись: и взрослые, и дети. Стоило старику показаться в конце улицы, подростков как ветром сдувало. Присмотрев, что при виде одинокого старика с палкой старшие ребята разбегаются, малыши тоже давали стрекача. Они думали, что все дело в его большой палке. А зря. Никто не помнил, чтобы старый Талыб не то, что побил, а даже отругал ребенка.

Вторая причина, по которой о Талыбе не вспоминали, была в том, что не было у него ни детей, ни внуков, ни другой какой-либо родни. Жил он один. Никто к нему не приходил, никто не открывал его дверь, кроме шестилетнего соседа – внука тётки Захры. Этот каждый день взбегал на веранду дома Талыба, но приходил не к хозяину, а к его пушистой рыжей кошке. Кошка так привыкла к мальчику, что каждое утро выходила на веранду и мяукала, глядя на его дом.

Талыб-киши никогда не кричал на мальчика. Наоборот, один раз даже дал ему конфету. Внук тётки Захры был единственным ребёнком в городе, который не боялся старого Талыба. А старушка с недавнего времени стала даже его уважать. «Вот ведь, – размышляла она про себя, когда рабочие пришли ремонтировать дом. – Три года пороги обивала, и хоть лопни, а тут сразу зашевелились!»

Время от времени Талыб-киши выходил на прогулку. Он отвечал на приветствия каждого, кто осведомлялся о его самочувствии, и также спрашивал о самочувствии других. Но если кто-нибудь говорил не то, что следует, старик делал такое лицо, что уж лучше бы просто отругал.

Притомившись, Талыб-киши обычно заходил в чайхану, выпивал стаканчик-другой, отдыхал малость и отправлялся домой. Так было раньше. Теперь же, после того случая, Талыб-киши в чайхану не заходил. Он и в город-то вышел всего раз. В больницу решил сходить. И то неудачно, хуже – только расстроился. Добрёл чуть живой, а врач оказался незнакомый, новый.

– Ты чей же, сынок, будешь? Что-то я тебя не признаю.

– А вы меня и не можете знать, дядюшка, я не здешний. Недавно только приехал.

– А-а... Ну, что ж, с приездом!

– Спасибо.

– Вот, сынок, посмотри-ка меня. Неможется что-то..

– А что ж всё-таки болит?

– Ты спроси, что не болит. И грудь заложило, и голову ломит. А ноги другой раз как примутся ныть!

– А сколько вам лет, дядюшка?

– Семьдесят девятый пошел.

– Вот от того все и болит.

– Что?! – Талыб-киши удивленно взглянул на парня. Тот улыбнулся.

– От старости все ваши болезни.

– Вот брехун! – Талыб-киши тяжело поднялся.

– Нет, нет, дядя, я серьезно, ваша болезнь – старость! – Врач снова улыбнулся.

– Годы дают о себе знать.

– Что ты мелешь, бездельник?! Еще врач называется! Вот привели бы ко мне, кто диплом тебе выдал, я б ему показал!.. Тьфу, чтоб тебе пусто было!

Старик вышел, хлопнув дверью.

– Дядюшка, – крикнул врач, выскочив за больным в коридор. – Извините! Я пошутил! Вернитесь, дядюшка! Я осмотрю вас! Лекарство пропишу!

– Плевал я на твоё лекарство! – Талыб-киши даже не обернулся. – Надо же: такого свистуна врачом ставят! Да, видно, ни на кого теперь надежды нет!.. Жулье кругом!

И не было гнева в его словах, только печаль. Гневаться не осталось сил. Нестерпимо резало в груди, больно отдавало в спину. Старик чуть живой доплелся домой и ничком улегся на постель.

И вдруг тёплый запах женских волос коснулся его ноздрей. От наволочки пахло так, словно покойная жена только сейчас подняла голову с подушки. Талыб-киши заплакал. Он не плакал с детства и даже вздрогнул, услышав собственные рыдания. Он тотчас умолк, перевернулся на спину, устремив взгляд в потолок. В горле стоял ком, из глаз текли слёзы. Текли, текли, словно солёная водица, за многие годы скопившаяся в его сердце, вырывалась, наконец, наружу – сколько же её!

Старику казалось, что чем больше вытекает из него влаги, тем меньше становится он сам. И почему он плачет, вроде бы не с чего? Нигде у него сейчас не болит, а они льются и льются...

* * *

Весна. Петухи поют спозаранку. Тётя Захра тоже поднялась чуть свет. Солнце только-только встало, умытое, свежее... Старушка разожгла самовар. Самовар она ставила каждое утро, даже когда была одна – такая уж привычка. Да и не только привычка – вдруг зять с дочерью наведаются.

У дочери четверо: три сына и девочка. самого младшего растит бабушка. Мальчик так привык к одиночеству, что, приезжая погостить домой, через несколько часов начинал тосковать и проситься обратно к бабушке.

Мальчик проснулся и сразу выбежал на террасу. Повернулся лицом к солнцу, протёр глаза, потянулся. Взглянул на соседскую террасу. Кошка ещё не выходила. Она мяукала где-то на террасе, прося дедушку Талыба открыть ей дверь.

Мальчик опять сладко потянулся.

– Оденься, сынок, – позвала его бабушка. – Застудишься...

Мальчик не слышал ее. Сидя на краю веранды, он болтал ногами. Глаза его были устремлены на густую кудрявую траву. Он зевнул.

– Тебе говорят – оденься!.. – уже в сердцах крикнула Захра, заваривая чай.

Мальчик нехотя поднялся. Немного погодя вышел одетый, снова сел на край веранды и принялся болтать ногами. Опять послышалось мяуканье. Мальчик вытянул шею, заглядывая на соседскую веранду – кошки не было видно.

– Завтракать иди! – позвала бабушка. Они ушли в комнату

Когда мальчик появился вновь, в руках у него был мячик.

– Бабуля! Гляди – куда запулю!

Красно-синий мяч, высоко подскочив в воздухе, упал посреди двора. Сейчас с веранды дедушки Талыба должна была выскочить кошка – она всегда выскакивала за мячом. Но кошка оставалась на веранде, царапала стекло и мяукала

Одному играть не хотелось. Мальчик присел на край террасы. Он ждал. Странное лицо было у этого ребенка. Худенькое, бледное, с огромными блестящими глазами. Они были чёрные-пречёрные, без зрачков, совсем как пуговицы от пальто. Внук бабушки Захры был немножко похож на человечка, которых рисуют дети: узкое

личико, огромные круглые глаза, тонкие ручки и ножки...

Кошка продолжала мяукать. Мальчик соскользнул с веранды и направился к соседскому дому. Оба дома были одноэтажные, одинаковой постройки, и разделяла их лишь неглубокая канава. Когда-то здесь был прорыт ров, и забор стоял. Потом ров осыпался, зарос бурьяном. А забор тетя Захра истопила. Сначала, боясь прогнать соседа, она делала это тайком, беря по дощечке, по две, потом увидела, что Талыб-киши молчит, осмелела. Так весь забор и пожгла в тендире.

Завидев поблизости мальчика, кошка еще отчаянней начала царапать стекло, еще жалобнее замяукала. Мальчик поднялся по лесенке и изо всех сил толкнул дверь. Она распахнулась, мальчик упал. Солнце ворвалось в распахнутую дверь, ярким светом залило пол. Кошка бросилась во двор. Мальчик вскочил и хотел побежать за ней, и вдруг на ковре, прямо перед собой, увидел большую неподвижную руку. Рука лежала вверх ладонью, большая, неподвижная, пальцы были странно скрючены. У мальчика подкосились ноги. Дедушка Талыб лежал перед ним на ковре. Глаза у него были как стекляшки, рот широко открыт – сейчас закричит на него! Ребенок зажмурился, съежился. Никто не кричал. Он открыл глаза, насколько раз моргнул. Хотел позвать бабушку, но голос пропал. Задом-задом мальчик стал продвигаться к двери. Сейчас рука схватит его, сейчас схватит! Мальчик опрометью бросился с веранды. И тут рука схватила его. Мальчик рванулся, забился, закричал, что было силы...

– Да что с тобой, деточка? – услышал он бабушкин голос. – Чего ты напугался, родимый? Успокойся, мой сладенький!

У мальчика зуб на зуб не попадал. Лицо было серое, губы дрожали. Он не мог произнести ни слова, все прижимался лицом к её груди. Тётя Захра быстренько опустила в чашку с водой дверной крючок и поднесла ребёнку ко рту.

– Выпей, деточка, выпей! Лапочка моя! Выпей во имя Аллаха!

Мальчик глотнул несколько раз, притих, успокоился.

– Бабуля! – судорожно всхлипывая, произнёс он. – Там... Бабуля!...

– Ну, что там, моё солнышко? Что, моя ласточка?

– Он там лежит, а пальцы скрюченные!... – мальчик показал рукой на дом Талыба-киши.

Старушка повернулась, взглянула. Дверь на веранду была распахнута настежь. Она направилась туда.

– Бабушка! Не ходи! Я боюсь! Бабушка!

– А ты не бойся, цветик мой аленький! Не бойся, родимый! Бабушка твоя сейчас воротится.

Через минуту бабушка Захра, вытирая слёзы, спустилась с веранды. Ушла куда-то. Затем вернулась и, плача, стала прибираться во дворе.

«За всех болел, бедняга, да всего ему дело было!.. Сам голый ходил, все людей обряжал... А помер, и глаз закрыть некому. Так и преставился без моллы, без молитвы!»

Весть о смерти Талыба-киши мгновенно разнеслась по городу. Начали собираться люди.

Пока не появился Габиль, в дом зайти никто не решился. Габиль был незаметным. Он собирал деньги на поминки, брал из мечети казан, самовар, посуду. Ежегодно, в день поминовения усопших, Габиля благодарили за то, что дорога к

кладбищу теперь асфальтированная – он выхлопотал.

Габиль, которого сопровождали два моллы, вошел во двор и тотчас начал распряжаться.

– Эй, парень, открой ворота пошире! Да будет земля ему пухом! – Поднял руки, приложил их к глазам, провел по лицу. – Алейхемдуруллазин рабуль алеймин! Эр-рехмани – рахим!

Разговоры тотчас же прекратились. Раскрыв ладони, все тихонько забормотали молитву. Габиль громко произнес: «Аминь!» Все потерли рукой об руку, провели ладонями по лицу. Габиль повернулся к стоящему возле него человеку с густой седой бородой.

– Начинай, молла! Читай заупокойную.

– Тюфячок молле дайте! – крикнул кто-то. – В доме возьмите!

– Габиль! – шепнул молла. – Тюфячок-то у соседей надо бы попросить. Не гоже без хозяина пользоваться. Грех...

– И правда! Захра, сестрица, дай-ка нам сюда коврик да пару тюфячков!

Захра и еще две какие-то женщины бросились выполнять поручение. Габиль с несколькими мужчинами вошел в дом. Увидел распростертого на ковре Талыба, и его словно ножом по сердцу полоснуло. Он вытащил платок, вытер слезу. Украдкой взглянул на Султан-бека. У того по щекам медленно катились слезы. «Хитрит, собачий сын, – с неприязнью подумал Габиль. – Притворяется». Он опустил на колени возле покойного, закрыл ему глаза, подвязал челюсть.

– Давайте-ка на кровать положим.

Талыба-киши подняли, отнесли на кровать.

– Прикройте ему лицо, – недовольно проворчал Габиль. – Вон, бязью! Да не той, вон, в головах висит!

Он вышел на веранду, увидел, что во дворе полно народу, на сердце стало полегче. И Союн пришел, и Муслим, и Эюб. Все трое молча стояли возле веранды. Муслим смотрел себе под ноги.

Габиль поманил пальцем Эюба. Тот неспеша подошел.

– Я вот чего, – встревоженно зашептал Габиль. – Ведь не простой человек помер. В райком бы сообщить, а?

– Правильно! Обязательно надо сообщить!

– И еще: прислал бы ты парочку плотников. Хоть лавки сколотить. Людей посадить не на что будет!

– Хорошо. Сделаем.

– Ну, тогда я пошел звонить.

Габиль вернулся в дом. Через несколько минут он вышел. И следа печали не было сейчас на его лице. Он был оживлен, маленькие глазки сверкали, как камешки в перстне.

– Райком сказал – без него не хоронить! Готовьтесь, сказал, в пять часов актив соберем, митинг проведем на кладбище. – Он сообщил это вроде бы одному Эюбу, но громко, чтоб всем было слышно. Сказал и почему-то взглянул на Султан-бека. Потом подозвал двух парней, послал их по соседним дворам – за стульями и скамейками. Люди все прибывали. Габиль вынул из кармана записную книжку, карандаш и обратился к собравшимся:

– Граждане, да упокоит Господь души дорогих вам усопших! Вы знаете, что почивший был человек одинокий. Денег от него не осталось. Предлагаю собрать, по

силе возможности, на помин души – кто сколько может. Пусть кто-нибудь запишет... – он окинул взглядом толпу. – Вот, хоть Союн! Давай, Союн-киши, поднимись сюда! Вот тебе бумага, карандаш, царство небесное твоему родителю! Меня первым пиши, – Габиль сунул руку в карман и достал десятку. – Да будет на благо!

– Да будет карман твой полным! – в тон ему ответил Союн и записал Габиля. Потом тоже достал десятку, положил ее рядом с первой и записал на бумажке свое имя.

Со всех сторон Габилю протягивали деньги. Он брал одну бумажку за другой...

– Пиши: Гасан – пять рублей. Геюш – пять рублей, Джалал – три рубля... Пусть будет на помин души!.. Пусть душа его успокоится!..

Среди тянувшихся к нему рук была и рука Султан-бека. Габиль притворился, что не видит ее. У всех взял деньги, а у Султан-бека не взял. Тот сунул десятку в карман, отошел. Габиль и сам не знал, почему он так поступил, но поступить иначе не мог.

В пять часов прибыл секретарь райкома. Все уже было готово к выносу.

Народу набралось много, можно сказать, весь город собрался от мала до велика. Люди особенно интересовались митингом, который должен был состояться на кладбище.

Когда процессия вышла на улицу, секретарь райкома подставил плечо под траурные носилки. Толпа заволновалась. Задние стали напирать на передних, каждому хотелось взять на плечо носилки. На глазах появились слезы, многие плакали навзрыд. Вдруг Габиль вспомнил про Султан-бека, поискал его глазами. Старик шел позади всех, одинокий, грустный. И зачем он осрамил старика – при всем народе деньги отказался взять? Габиль начал понемногу отставать, чтобы поравняться с Султан-беком. Некоторое время старики шли рядом, молчали. Габиль не знал, как начать. Видимо, Султан-бек почувствовал его муки.

– Знаешь, Габиль, – заговорил он, – я давеча, как увидел его, чуть не заревел, ей-Богу! Будто и не Талыб, а я сам мертвый на полу лежу. Ну, он-то еще счастливый: узнали люди, сразу все устроили. А мне, как помру, месяц, наверно, гнить без погребения...

– А ведь я тебя обидел, Султан-бек...

– Когда это?

– Да вот... деньги твои не взял...

– Бог с тобой, я не обиделся. Жизнь брат, такая штука – все у человека отнимает. Сначала детство, потом молодость, силу, потом уважение, честь. Смотришь, а уж тебе и беречь-то нечего – ничего не осталось. Одна смерть впереди.

– Послушай, Султан-бек, зря ты... – Габиль хотел сказать что-нибудь утешительное, есть, мол, у тебя друзья, знакомые... Промолчал, постеснялся после сегодняшнего.

А Султан-бек думал уже о другом – о том, что, слава Богу, не пережил его Талыб – не миновать бы ему бесчестья после смерти.

– Да, Габиль, видишь, как Талыба провожают? Сколько есть в городе людей – все за гробом идут. Ему-то от этого немного радости, зато живым наука: не напрасно, значит, человек жизнь свою прожил.

Неподалеку от кладбища Муслим занял место у носилок и чуть не наступил на ногу идущему впереди, не сразу подладившись под его шаг. Потом приноровился, пошел в ногу. «А трудно все-таки себе представить: Талыб, и вдруг мертвый!..» И

тут Муслиму пришло в голову – а что, если Талыб сейчас подымется? Вот будет потеха! Как все припустят! Муслим представил себе плотного, коротенького Саламова, катящегося впереди всех. Он даже обернулся, чтоб взглянуть на Саламова, и наступил на ногу впереди идущему. Переменил ногу. «А правда, ведь побегут, все побегут, если подымется! Габиль, тот в обморок брякнется. Как пить дать, брякнется. Нет, не нравится ему Габиль. А Султан-бек? Побежит? Пожалуй, нет... Вон, у него лицо-то какое – словно из бронзы. А Союн? – Союна Муслим почему-то не мог себе представить. – Как же все-таки дядя Союн? А с чего мне эта дурь в голову лезет? Вот наваждение! Царство тебе небесное, дядя Талыб!..»

Муслима кто-то сменил. Только теперь он заметил, что они уже на кладбище. Здесь все зеленело, все было покрыто молодой свежей травкой... «Надо же – и на кладбище весна пришла. Потом весна умрет. Каждая травка умрет и каждый цветок... И у каждого своя могила... Человека кладут в землю, засыпают землей, над ним поднимается холмик. Одна могила, другая, третья – земной шар медленно-медленно растет...»

Траурные носилки поставили возле могилы. Секретарь райкома, председатель райисполкома и второй секретарь стали в головах. Первый секретарь держал в руках бумажку. Видимо, собирался говорить речь. Стало тихо.

– Муслим!

– Я? – Муслим обернулся к Союну.

– Ты не знаешь, надо хлопать, когда он кончит?

– Ей-Богу, не знаю. Посмотрим. Как все, так и мы.

– Ну, правильно. Если положено хлопать, те, что стоят возле него, первыми начнут.

– Конечно. На них и будем смотреть.

– А как думаешь, без отходной похоронят?

– Не знаю.

– Молла-то здесь... Посмотрим.

Габиль и Султан-бек протискались к Муслиму.

– Послушай... – сказал Габиль, наклонившись к нему.

Но тут раздался громкий голос первого секретаря:

– Прощай, дорогой Талыб Халилов! Светлую память о твоей пламенной жизни, полной труда и подвига, мы навсегда сохраним в наших сердцах! Смерть бессильна перед такими, как ты, она умерла, сгинула в океане великих борений твоей души! Ты бессмертен, Талыб! Бессмертен в нашей благодарной памяти!

– Подумать только, какой грамотный человек!.. – восторженно прошептал Габиль.

– Да! Вон какие слова говорит!

А Мирза Союн все беспокоился, хлопать ли. У Габиля хотел спросить, не решился. Хлопать не пришлось – ни один из стоявших возле секретаря людей даже не шевельнул рукой. Потом вперед вышел секретарь райисполкома.

– Что это? Никак, тоже говорить собирается? – обеспокоился Габиль.

– А как же! Видишь – вперед вылез! – Союн недовольно покачал головой.

– Да куда ему! После такой красоты, что он может сказать, сын плешивого Муртуза!

– Надо же... – сокрушенно прошептал Союн. – Бедный Талыб! Из похорон, и то собрание устроили!..

Никто не разобрал, что говорил второй оратор – все оживленно разговаривали. Но когда под конец он сказал: «Похороним его по нашему народному обычаю», – это почему-то расслышали все.

Тело опустили в могилу, засыпали землей, но видели это, конечно, лишь те, кто стоял возле могилы. Потом послышался громкий голос моллы. Молла читал Коран.

* * *

Весна приходит как любовь. Кажется, что природа сама себя не вмещает: бурлит, клокочет, переливается через край. И откуда она взялась, эта весна? Дождем пролилась с неба? Пробилась из-под земли? Поди разберись: пришла и все!

В весенние дни Муслим часами мог сидеть неподвижно, устремив взгляд в одну точку. Сидел и молчал. Он ни о чем не думал, он наслаждался. Иногда ему казалось, что он слышит, как лопаются на деревьях почки, и из них тихонько выползают крошечные листики... Он затаивал дыхание, прислушивался... Эх, на речку бы сейчас, к воде!.. Весной она и течет как-то особенно. Бурлит, лопочет что-то, хорошо течет, весело... Сидеть, глядеть на нее, и чтоб никто не трогал, не заговаривал бы... Сдохнуть можно от этой вежливости! Вечером только говорил с человеком, а утром – все сначала.

– Привет, Муслим!

– Здравствуй!

Руку тянет... Ну, чего он ее тянет?

– Что нового?

– Да вроде ничего...

– На работе как?

– Спасибо, и на работе все нормально,

– Сынишка здоров?

Сказать бы ему сейчас: «Какое, мол, тебе дело до моего сына? Что тебе до моей работы? Иди ты, ради Бога, куда шел!»

– Спасибо, сынишка здоров.

Только от одного отделаешься, следующий тут как тут... И опять все сначала: «Как дела? Что нового? Как сынишка?» Этот отстанет, третий бездельник является – как же... уважение человеку оказывают!

После похорон Талыба-киши Муслиму ни с кем не хотелось говорить, никого не хотелось видеть. А Союз заставил этот Муслиму идти. Идти и выслушать все, что положено говорить на поминках.

Всему району уже давно было известно о разговоре Муслима с Саламовым. Передавали его по-разному. Одни утверждали, что Муслим больше на деньги напирал – не смей, дескать, транжирить государственные средства. И дом, мол, должен отремонтировать прежде всего тем, кто нуждается. С Захры разговор начался, из-за нее и схватились. Бесстрашный парень этот Муслим, не иначе, как волчье сердце съел...

Рассказала ему это Говхар. Вообще новости Муслим слышал только от жены. Последнее время Говхар стала заметно общительней. Каждый вечер пересказывала ему то, что слышала от соседки. Сначала Муслим смеялся, но большинство слухов оказывалось правильным, и Муслим стал слушать их с интересом. А авторитет его рос – все больше людей здоровалось с ним.

И вдруг в разгар весны где-то в глубине его сердца родился страх смерти. Он

чувствовал ее совсем близко, рядом... Скорей бы прошла весна – Муслим почему-то был уверен, что умереть может только весной. А земля весной мокрая... Он представлял себе, как его кладут в эту мокрую, холодную землю, и у него замирало сердце. Он видел, как сходятся на похороны люди, как плачет Говхар, как, пригорюнившись, сидит Союн: опустил голову и смотрит в землю. Слышал, как рыдает сынишка: кричит, зовет его... Комок подступал к горлу, по щекам текли слезы. Муслим старался отогнать эти дурацкие мысли. Хорошо хоть, что они лезли в голову только дома. Муслим тогда говорил жене, чтобы гасила свет, ложился, закрывал глаза и начинал думать.

В ту ночь после похорон он тоже лежал и думал. И снова Мохаммед плакал и кричал, чтоб не уносили папу, и глаза у Муслима наливались слезами. Да еще этот митинг на кладбище... Муслим чувствовал себя совершенно разбитым, раздавленным. И вдруг он повернулся и увидел возле себя жену. Он совсем забыл про нее. Он осторожно протянул руку и погладил жену по голове. «Спит? Конечно, спит. Пусть спит». Провел рукой по ее плечу. Ладонь сразу наполнилась теплом. Это было легкое, сладкое, светлое тепло. Оно мгновенно разлилось по всему его телу, хлынуло в сердце. «Спит. Пусть спит. Пусть...» Он положил руку ей на грудь. Какое тепло!.. А, теперь понятно: это оно, вот это самое тепло затопляет весною мир! И все отогревается, цветет, зеленеет...

Рука его была полна мягким теплом. Она плавилась, таяла, растворялась в этом тепле. Но что же происходит, когда мужчина хочет женщину?.. Хочет. Я хочу тебя. Какое пустое, плоское слово! Разве может оно вместить это тепло, эту нежную истому?.. И «люблю» – дурацкое слово. Два чужих человека, мужчина и женщина, хотят друг друга. Почему? Откуда это? Я коснулся ее руки, и тепло наполнило меня... И все это волшебство лишь для того, чтоб появился Мохаммед? Конечно, только ради этого! Неужели так? Почему у нас больше нет детей? Правда – почему? Муслим хотел спросить об этом у Говхар, потом передумал. «Пусть спит!..» Рука его, лежавшая на ее груди, чуть заметно дрожала, в виске стучало сердце. Стало горячо дышать. Он прилизил губы к губам Говхар.

– А? – сказала она сипловатым со сна голосом и открыла глаза.

– Ты спишь? – прошептал Муслим.

– Не-е... – она тихонько покачала головой. Повернулась и грудью прижалась к его груди. И сразу исчезла, растворилась, влилась в него.

Была ночь. Тихая весенняя ночь. Воздух, переплетенный тысячами радиоволн, был спокоен и чист, и не верилось, что в этой глубокой, чистой тишине на тысяче языков кричат правда, клевета, любовь, зависть...

Была ночь. Тихая весенняя ночь. Все спали в нашем маленьком городе: люди, деревья, улицы. Все, кроме старого Талыба.

Была ночь. Тихая весенняя ночь. Небо большое, глубокое. И вдруг упала звездочка – одна из бесчисленных звезд. И ни небо, ни другие звезды не знали, что погибла планета, погиб целый мир, миллион миллионов жизней – свершилось светопреставление.

Интересно, а где покоятся звезды, когда они умирают?

ЗЕМЛЯКИ

СЕРГЕЙ ЗОЛОТОВ (Россия, Астрахань)

Бывший бакинец, более 40 лет посвятил нелегкому морскому труду. Уже в 1984 году стал победителем «Конкурса одного стихотворения», проводимого журналом «Смена» – одним из самых популярных в ту эпоху. Член Союза писателей РФ, лауреат нескольких литературных премий. По определению А.Дементьева, «...Стихи Сергея Золотова обладают бесценными качествами – мелодичностью, мастерством, мажорностью... «Морские», лирические, гражданственные – все они истинно мужские: сильные, крепкие, ясные, добрые...» Стихи С.Золотова в переводе Сиявуша Мамедзаде публиковались в одном из недавних выпусков журнала «Улдуз».

Поэзия

**Поэзия бессмертна и нетленна,
Ей не страшны ни время, ни молва.
Из века в век летят по всей Вселенной
Рожденные поэтами слова.**

**Все пакости, все подлости разрушив,
Не признавая никаких дверей,
Поэзия распахивает души
И делает нас чище и мудрей.**

*** * ***

**Какое это счастье – просто жить:
румяным утром снова встретить солнце,
а в полдень у заветного колодца
живой водою жажду утолить.
О, как же это трудно –
просто жить!..**

**Какое счастье – быть самим собой:
не лгать, не лицемерить, не злословить,
из собственных поступков дом построить,
который называется Судьбой.
Как трудно –
быть всегда самим собой!..**

**Какое это счастье – всех любить:
святых, подонков, богачей и сирых,
и восхищаться всеми, что есть силы!..
Вот только силы может не хватить,
ведь это невозможно –
всех любить...**

Переулоч детства

Боже мой, как я давно здесь не был –
в городе, где бегал босиком,
где под знойным синим южным небом
сохранился старый отчий дом.

Только там давно живут другие –
так случилось...

Но не в этом суть.
В этом доме получил я имя,
с этого крыльца пустился в путь.

Подошел неспешно и неслышно,
глянул за оградное литье:
а в саду цветут не наши вишни,
и чужое сушится белье.

Память детства...

Как она упряма –
шлет и шлет из прошлого привет:
вот сейчас в окошко глянет мама,
крикнет, что давно остыл обед...

Пес меня отчаянно облаял,
значит, не зайти мне в этот дом.
На крыльце сидит другой хозяин,
и сосед мне тоже незнаком.

Непривычно громко бьется сердце,
и душа то плачет, то поет...
Я иду по переулку детства,
а меня никто не узнает.

* * *

Была любовь, в которую я верил,
как верит в Бога чистая душа.
Она ушла, так громко хлопнув дверью,
что я едва не перестал дышать.

О вере тоже разговор особый –
в ней много лживой фальши напоказ.
Я так разочарован в сей особе,
что и себе-то верю через раз.

Так, без любви, без веры,
я – невежда,
бреду упрямо в дебрях бытия.
И лишь надежда, только лишь надежда
пока жива...

А значит – жив и я.

* * *

Почему опять пишу о море?..
Может, потому, что с ним знаком?
Мы дружили, ссорились и спорили –
Разве всем расскажешь о таком?

Я пришел к нему еще мальчишкой,
Шумным, бесшабашным, как прибой.
Сколько ссадин, синяков и шишек,
Море, залечили мы с тобой!..

Я вырослел, в твоих штормах мужая,
Силы черпал я в твоей волне.
Может, потому предпочитаю
Гордый ветер затхлой тишине.

* * *

И снова ночь, которой нету дна.
Я время измеряю сигаретой,
И сизый дым струится из окна
Над городом,
 над ночью,
 над планетой.

В такую ночь совсем не до стихов –
Какие тут стихи, какие песни?!..
И смятые листки черновиков
Взмывают голубями в поднебесье.

Попутный ветер их уносит вдаль
И в клочья рвет в каком-нибудь овраге.
Бессонница...

 Такая вот печаль –
Сумбур и в голове, и на бумаге.

Все, вроде, хорошо. Но вот беда:
Рассеянна любовь, в смятенье вера.
Что там стихи –
 любая ерунда
Становится глобального размера.

Всё в эту ночь не так, и всё – не то...
И сердце бьется непривычно гулко.
А может, просто натянуть пальто
И побродить по сизым переулкам?..

И помолчать. И заглянуть туда,
Где счастлив был и безмятежен прежде,
И верить, что полночная звезда
Протянет через вечность
 луч надежды.

АБУЛЬФАТ АГЛИН

ТВОРИТЬ ДОБРО!

Я не специалист в художественной литературе, тем более – в самой ее сложной части – поэзии... Но творчество поэта Абульфата Аглина (Абилфата Паси оглу Кулиева) привлекает внимание даже далекого от поэзии человека. Потому что оно – настоящее!

Как говорил классик азербайджанской литературы Самед Вургун, «Настоящее произведение – как кувшин с вином: как бы ни изящна была его форма, главное – содержание!»

«Вино» стихов Абульфата Аглина приятно на вкус и не хмелит, а отогревает душу, заставляет думать о высоком и вечном: о совести, чести, справедливости и любви. Любви к родине, к матери, к природе и, конечно, к женщине.

О любви Аглин пишет как настоящий мужчина: с достоинством, благородством, восхищением и благодарностью за счастье, подаренное подругой. Даже о разлуках, потерях и ошибках сокрушается он по-доброму, не держит камня за пазухой.

А доброта эта берет начало, конечно же, с родины поэта – небольшого села в Имишлинском районе Азербайджана. В семье было двенадцать детей, он – самый старший.

По воле судьбы Россия стала второй родиной литератора – много лет прожил он в северных краях: в Тюменской области, в Тобольске. А больше четырнадцати лет назад его судьбой стал степной город Харабали в Астраханской области.

Здесь он на собственные деньги начал издавать литературный журнал «Золотое перо» на русском, азербайджанском и английском языках, где печатались авторы из нескольких стран. Тогда же началось сотрудничество Абульфата с известным астраханским писателем Юрием Щербаковым. Стихи Аглина в переводах Ю.Щербакова неоднократно печатались в «Литературной газете», в астраханских областных газетах, входили в различные сборники.

Астраханское отделение Союза писателей России выпустило коллективный сборник харабалинских авторов «Живи всем сердцем», название которому дало одно из стихотворений А.Аглина.

В 2006 году вышла первая книга Абульфата «Прозрение».

В 2012 году он стал лауреатом литературной премии имени П.Бляхина, обретя свой полноправный голос в астраханской литературе. Мне кажется, что это – хороший пример интеграции, взаимообогащения культур двух народов, живущих на одной земле.

В Астраханской области проживает много азербайджанцев, оставаясь самобытным народом, они проникаются духом великой русской культуры, берут из нее лучшее. Тот же Самед Вургун говорил: «Дружба поэтов – гранит, дружба народов – горы, сложенные из этого гранита!»

Вот и дружба астраханских поэтов – азербайджанца Аглина и россиянина Щербакова – еще один камень, который лег в фундамент дружбы двух наших народов.

Еще один пример нашей дружбы и сотрудничества – участие Фонда Гейдара Алиева в благоустройстве Астрахани, в ремонте школ, дорог, мостов, скверов этого приволжского города.

Уверен, что у стихов Абульфата Аглина в будущем долгая и счастливая судьба – как и у азербайджанско-российской дружбы в Прикаспии.

*Адалят Гусейнов,
председатель Астраханского отделения
Всероссийского Азербайджанского Конгресса*

Одной жизни мало

Как жизнь мала, как коротка,
А замыслов, поверьте –
Не на года, а на века,
Да что там –
на бессмертье!..

Как жизнь мала, как коротка
Для мыслей сокровенных,
Чтоб все, как есть, испить до дна
Премудрости Вселенной!..

Как жизнь прекрасна и длинна –
Отрада и награда.
Есть у меня любовь одна,
И больше мне не надо!..

Дума

Я думаю все время о тебе –
Моей мечте, избраннице, судьбе.

Проходит жизнь моя за годом год,
А дума эта, знаю, не пройдет

И не умрет... И мыслям все равно
В веках иных остаться суждено

Лишь потому,
что в счастье и в борьбе,
В трудах и в снах я думал о тебе!..

Два счастья

Понимаю, чувствую, люблю,
Раны сердца совестью солю,
Пропадаю, мучаюсь, терплю...
Счастье сознавать,
что я – живой!..

Ты плывешь –
подобно кораблю,
Что не подчиняется рулю,
Ты растешь, подобно ковылю...
Счастье быть бездумною травой...

Араз

На берегу его – знаком сюжет –
Обижен был я, зол на целый свет.

Такие вот печальные дела –
Девчонка на свиданье не пришла!

И стыдно, и обидно: «Почему?..»
Какая пища сердцу и уму!..

Но выкурив десяток папирос,
Я вычислил ответ на свой вопрос.

Не любит... И обиды без следа
Глотала, как окурочки, вода.

О, если б можно было утопить
Все, что мешает нам любить и жить!..

От гнева и обиды без прикрас
Избавь, великодушный мой Араз!

Уходишь

Любовь моя – и чудо, и беда –
Уходишь без возврата, навсегда.

И наше счастье смотрит из огня
Сиротскими глазами на меня.

Неужто счастье нами рождено
Лишь для того, чтоб мучилось оно?..

За что ему отчаянный позор
Несчастных обесчещенных сестер?

Неужто их тебе ничуть не жаль –
Тоску и Боль, Разлуку и Печаль?

Любовь моя, нам оправданья нет,
Что выпустили их на белый свет...

Разлука

С тех пор, как ты умчалась прочь,
И день не в день, и ночь не в ночь.

И до сих пор он душу жжет –
Разлуки нашей горький лёд.

Не разлюбить, не растопить...
Но держит тоненькая нить

Надежды. Разве виноват,
Что словом вызвал камнепад

Жестокий на судьбу свою?..
А было слово то –
«люблю»...

Без тебя

Устала душа от напрасной борьбы.
Заносит золою былё...
Рукою невидимой в свитке судьбы
Зачеркнуто имя твое.

И сам я – как старый холодный очаг,
Где новый огонь – лишь обман...
Как будто разграбил безжалостный враг
Надежды моей караван.

Заветной мечты на земле больше нет –
С любовью сгорела дотла.
Живу...
Только воздух и солнечный свет –
Объедки с чужого стола...

Вдвоем

Росла, выросла – горькая наука,
И вот уже состарилась разлука!

Но с дряхлою по-прежнему вдвоем
Мы почему-то до сих пор живем.

Как два пенсионера-молодца,
На лавочке скучаем у крыльца.

А мимо пробегает к счастью вновь
Ничуть не постаревшая любовь!..

Перевод Юрия ЩЕРБАКОВА

МОИСЕЙ БОРОДА

Уроженец Грузии, а в последнюю четверть века – гражданин Германии, Моисей Борода появляется на страницах «Литературного Азербайджана» не в первый раз. В минувшем году он уже был представлен читателям, как герой развернутого интервью, в котором речь шла о времени, о нашей боли – гарабахской проблеме, о литературе в современном мире... Тема Азербайджана для него – отнюдь не сторонняя, ведь уже много лет доктор музыкологии, профессор Моисей Борода в качестве консультанта энциклопедии MGG по Закавказью (сегодня это одна из самых авторитетных музыкальных энциклопедий мира), при активной поддержке азербайджанских коллег в лице Союза композиторов Республики, продолжает знакомить мировую музыковедческую общественность с творчеством азербайджанских композиторов и музыкантов как старшего, так и молодого поколения. Автор камерной и вокальной музыки, обладатель престижных международных музыкальных премий, он еще и признанный авторитет в области народной музыки, хорошо знакомый с пластом нашего народного творчества – мугамата, ашыгского искусства...

Однако круг «стратегических» интересов нашего сегодняшнего гостя не исчерпывается только музыкой – он автор четырех сборников рассказов, стихов, публицистики, переводов. Пишет на русском, немецком и английском языках, публикуется практически во всем мире. Член Международной Гильдии писателей и Объединения немецкоязычных авторов, проживающих в земле Северный Рейн-Вестфалия.

Но и это еще не все. Сегодня он активно продвигает сразу несколько общекавказских литературных проектов, основное назначение которых – заполнить информационный вакуум, восстановить творческие связи, познакомить западного читателя с тем, что происходит сегодня, в частности, в грузинской и азербайджанской литературах. В минувшем году в рамках такого проекта при его непосредственном участии был выпущен сборник «Путь дружбы», куда вошли и несколько наших современных авторов, а также прошла поэтическая публикация в журнале «Новый Ренессанс», выпускаемом Международной Гильдией писателей. Хочется надеяться, что впереди нас ждет еще немало интересных совместных начинаний.

Сегодня мы представляем нашего коллегу в качестве прозаика. О чем его рассказ?.. О жизни, о творчестве, о ходе истории, о сумерках, которые по какой-то сюрреалистической логике сегодня вновь сгущаются над Европой, о нашей общечеловеческой и личной ответственности за происходящее – и, конечно же, о любви...

Здравствуй и прощай

Он вошел в вагон, когда до отхода поезда оставалось пять минут.

Бог ты мой!.. Какая толчея вокруг! Кто, пытая от напряжения, катит за собой огромный чемодан, кто стоит в ожидании, когда сосед уложит свой багаж. Кто-то уже в третий раз прочесывает вагон, видимо, в поисках незабронированного места. Кто-то кого-то зовет, а между тем стоит в проходе, дожидаясь, пока позванный подойдет. Маленький ребенок бежит по коридору к предыдущему вагону, мать за ним.

Скорей бы уж ему добраться до своего места, сесть, отдышаться. Но нет – не протиснешься.

...Всё, перестали ходить туда-сюда, теперь он может пройти к себе и... Стоп! – это не его вагон! Его – на два вагона дальше. Надо же было так ошибиться!..

Наконец он нашел свое купе, вошел, поставил на верхнюю полку чемодан, задернул занавеси у двери, сел – и вдруг почувствовал, как на него навалилась тяжелая усталость.

...Что-то он в последнее время стал сильно уставать! И это задыхание по ночам, эта боль в груди, так что по временам не знаешь, куда от нее деться! Конечно, он уже не мальчик: сорок пять есть сорок пять, но...

Ладно, всё потом, когда он вернется. Сейчас – еще раз просмотреть доклад к завтрашней конференции. Съедется всё, что имеет вес в математическом мире в Германии, и не только. Его доклад поставили первым – на самое, так сказать, почетное место.

...Да, почетное место. А еще семь лет тому назад, переехав в Германию, он был рад трехмесячному контракту, да и тот пришел не сразу.

Он достал из кейса доклад, начал читать – и не заметил, как провалился в сон.

Проснулся он от ощущения, что в купе, кроме него, еще кто-то есть.

Перед ним, облокотясь на откидной столик, сидела женщина с книгой в руках. Он опустил голову. Первым его чувством был страх: он знал за собой привычку подхрапывать во сне, и сейчас ему было невыносимо думать, что сидящая напротив него женщина слышала его храп.

Он посмотрел на часы. По часам он спал больше полутора часов – когда же вошла она?.. Если в Ганновере – еще хорошо, по расписанию они только пять минут, как проехали Ганновер, но если она вошла раньше...

Шли минуты, а он все не решался поднять на нее взгляд. Женщина читала, с тихим шелестом переворачивая очередную страницу, и каждая перевернутая страница как бы говорила ему:

– Ну что же ты!..

Наконец он преодолел смущение, посмотрел на свою визави – и у него екнуло сердце.

Нет, красавицей в обычном смысле она не была – может быть, самым красивым в ее лице были миндалевидные темные глаза, мягко изогнутые, чуть утонченные к вискам брови, и линия губ. Но все это было озарено таким внутренним светом, излучало такое обаяние, сочетающее серьезность и женственность, сознание своей привлекательности и отсутствие кокетства, что у него перехватило дыхание.

Женщина продолжала читать, не обращая на него внимания, и его задевало это, а еще больше то, что он не знает, как с ней заговорить, чтобы не быть вежливо поставленным на место ее «Извините, мне не хотелось бы отвлекаться».

Он уже хотел тихо, не привлекая ее внимания, встать и выйти в коридор, когда взгляд его упал на обложку книги, которую она читала. Это был «Пропавший без вести» Кафки.

– Вам нравится Кафка?

Она подняла глаза.

– Простите, вы что-то сказали, я не расслышала.

– Извините, я не хотел вам мешать. Мне просто стало интересно. «Пропавший без вести» читают, насколько я знаю, редко, если вообще читают. Вам нравится Кафка?

– Да, и очень. Вы имеете что-нибудь против? – она улыбнулась.

– Нет, что вы! Я просто вспомнил, как, прочитав его «Процесс», я долго не мог прийти в себя. И прошли годы, прежде чем я взял в руки его рассказы.

– А «Зáмок»?

– «Замок» я уже не смог читать. После первых страниц понял, что дальше не смогу.

– А я прочла все, что Кафка написал. И сейчас перечитываю «Пропавший без вести».

Они разговорились. Ясность, неназойливая уверенность ее суждений его поразили. И все время, пока он ее слушал, прерывая только короткими фразами, приглашающими ее ответить, говорить дальше, он любовался ее излучающими матовый свет глазами, очертанием губ, ее вдруг озаряющей лицо улыбкой, тем, как она проносит слова.

Потом, может быть, почувствовав, что он скорее любит ее, чем слушает, она прервала себя на полуслове и, извинившись, взялась за свою книгу – как если бы ее чтение ничем не было прервано, и она была бы в купе одна, а его не существовало бы вовсе.

Он взял в руки свой доклад, попытался на нем сосредоточиться, представить, какова будет реакция коллег на вступительную часть, не стоит ли сгладить там пару полемических мест – но после нескольких минут рассеянного чтения положил доклад на столик.

Почувствовала ли она себя неловко из-за того, что резко прервала их беседу или ей передалось его волнение – но вдруг она, подняв на него взгляд, спросила:

– Как вы думаете, где бы оказался Кафка, если бы он дожил до того времени, когда его сюжеты стали... реальными?

Неожиданное обращение застало его врасплох. Он на миг замешкался и вопросительно посмотрел на нее.

– Но они... БЫЛИ реальными.

– Были?..

– Были. Только для многих это было – ну, под порогом чувствительности. Знаете, как в шахте, когда собирается рудничный газ, и его долгое время не замечают, а потом газ взрывается – достаточно маленькой искры, чтобы это случилось.

– Все, наверное, не так просто. Я немного знаю об этом времени – из прочитанного, из рассказов родственников, друзей. Культурная жизнь в те годы – она была на такой высоте!.. Журналы, книги, театры, кино! Всеобщее поклонение искусству. Цвейг, Шницлер¹, Гофмансталь², Макс Рейнхардт³, и это только первое, что приходит в голову, когда думаешь о том времени. Нет, все не так просто...

– Да, поклонение искусству. Журналы. Книги. Театры. А под всем этим уже текла раскаленная лава. И ждала только случая, когда она может выйти на поверхность. И затопить все. И когда эта лава дождалась своего часа, она...

– Может быть, вы правы. Может быть. Я раньше об этом не думала. Или не думала об этом так. Но все же: если бы Кафка не умер, если бы он дожил до... Что бы с ним было? Я часто спрашиваю себя об этом. Может быть, потому, что Кафка для меня – что-то совсем особенное. Еще и потому, что он так рано умер, ушел из жизни

¹ Артур Шницлер – австрийский писатель, драматург. Его пьесы ставили Мейерхольд и Таиров. Когда весной 1933 года по всей Германии началось массовое сожжение книг, книги Шницлера также попали на костер.

² Гуго фон Гофмансталь – известный австрийский писатель, поэт, драматург еврейского происхождения

³ Макс Рейнхардт – австрийский режиссер, актер и театральный деятель, до прихода к власти нацистов много лет возглавлял Немецкий театр в Берлине. Вошел в историю сценического искусства как новатор театральной техники.

неизвестным. Не понятым никем. Горько разочарованным. С просьбой, чтобы после его смерти сожгли все, что он написал. И тогда спрашиваешь себя: что было бы с ним, если бы...

– Что бы с ним было? То же, что с другими. Что было бы с... например, с Цвейгом, если бы он не бежал. Или с Артуром Шницлером, если бы он не умер раньше. С Максом Рейнхардтом, если бы он вовремя не понял, чем ему грозит будущее. Или... или с Малером¹, доживи он до этого времени.

– Цвейг?.. Кафка? Малер?..

– Что ж, разве они не были чужими среди чужих? И когда это стало возможно, этих чужих изгнали. Отовсюду. А потом – из жизни.

– Но... Нет! Это – нет!..

– Нет – потому что они были так значительны?.. Я не знаю, говорит ли вам что-нибудь имя Хаусдорф. Феликс Хаусдорф². Он был одной из ярких звезд в математике.

– Я слышала это имя от моего брата. Его диссертация была связана с Хаусдорфом. Мне даже запомнилось из заглавия... «Мера Хаусдорфа»... кажется, так. Потом брат работал как postdoc³ в этом... Хаусдорф-центре.

– Да, Хаусдорф-Центр. Хаусдорф-профессуры. Стипендии. Сейчас. А тогда... 1935-й год. Изгнание из университета. Годы и годы – семь лет! – жизни, когда каждый прожитый день превращается в цепь унижений. И наконец – финал. 1942-й, начало. Последние депортации. Накануне дня, когда он должен был быть депортирован, Хаусдорф покончил с собой... Это – о «значительных». Впрочем, что вообще такое «значительность»? Критерий, жить человеку или не жить? Знаете, когда дьявол выходит на охоту, напрасно ожидать спасения... Но не будем больше об этом говорить.

– Это моя вина. Я затронула эту тему.

– Нет, нет, все в порядке.

– Но вы рядом с Кафкой назвали Малера. Это было случайно – или вы думаете, есть какая-то связь? Что-то общее?

– Общее? Вряд ли. Впрочем... Кафка мог бы сказать о себе то же, что сказал когда-то Малер: трижды лишен родины – как чех в Австрии, как австриец...

– Я знаю это высказывание⁴. Но...

– Нет, Малера я назвал как пример, что даже такой гений не может быть спасен, когда...

– ...дьявол выходит на охоту.

– Тут просто неоткуда ждать спасения. Сатанинство захватывает всех. Как чума, как...

– Ну вот видите. Я опять навела вас на эту тему.

– Нет, это я виноват. Действительно, не надо больше об этом.

– Вернемся к Малеру. То, что вы сказали о нем гений – это ваше личное мнение? Или...

– Для меня Малер – это не просто музыка. Это – совершенно другое видение

¹ Густав Малер – известный австрийский композитор и дирижер, один из самых исполняемых симфонических композиторов в мире.

² Феликс Хаусдорф – немецкий математик, один из основоположников современной топологии, профессор нескольких университетов. В 1935 году был отстранен от преподавательской деятельности, в 1942-м перед отправкой его с семьей в нацистский концлагерь покончил с собой.

³ Постдокторантура (постдок) – в странах Западной Европы, Америки, Австралии научное исследование, выполняемое ученым, недавно получившим докторскую степень (соответствующую нашей степени кандидата наук)

⁴ Полный текст малеровского высказывания: «Я трижды лишен родины – как чех в Австрии, как австриец среди немцев и как еврей во всем мире – я повсюду незваный гость, везде я нежеланен...»

мира. Другое, чем было в музыке до него.

– В каком смысле – другое?

– Знаете, так получилось, что мое знакомство с его музыкой началось с Восьмой симфонии – услышал ее в концерте. Это было... ощущение мира как гигантской драмы. Гигантской развертывающейся драмы, в чем-то подобной катастрофам во Вселенной. Драмы, от которой веет дыханием Ветхого Завета. Трагедии, в которой Добро и Зло сталкиваются в огромных масштабах. И в центре этой драмы, этой трагедии, в ее эпицентре – человек. Потом, когда я послушал другие вещи Малера, это мое впечатление только подтвердилось. Впрочем, я ведь не музыкант, и уж тем более не музыковед. Когда я как-то сказал нечто подобное моему знакомому музыковеду, он только вежливо улыбнулся.

– А мое знакомство с музыкой Малера началось с Adagietto. До этого я долго – это, может быть, смешно – боялась слушать его музыку. Наверное, потому, что слишком много слышала о ней от моих друзей-музыкантов. Одни говорили, что это – одна из вершин музыки вообще. Другие – что талант Малера как композитора был меньше его концепций. Что в его музыке смешаны разные стили, что она эклектическая... Но вот я услышала отрывки из Adagietto, в этом фильме...

– «Смерть в Венеции».

– Да. «Смерть в Венеции». Эта музыка... она врезалась в сердце. Она – как прощание. Мир прощается с человеком. Человеком, который выполнил свое назначение и уходит. И мир прощается с ним. Все, к чему человек прикасался в жизни, говорит ему «прощай». В этой музыке так много... так много утешения. И слёз. Потому что плачет каждая вещь, которая расстается с уходящим. Потом я прослушала многое из того, что Малер написал. Что-то осталось в памяти, что-то исчезло. Не исчезло Adagietto. Я его слушала столько раз, что, наверное, знаю наизусть. Может быть, это лучшее, что создано в музыке о Прощании. Не знаю. Я ведь тоже не музыкант. Но... извините, я, кажется, вас прервала.

– Нет, что вы! То, что вы сказали сейчас об этой музыке... лучше сказать, наверное, невозможно.

Они разговорились о Малере, потом о музыке вообще. У них оказались близкими музыкальные вкусы, любимые композиторы, произведения, исполнители.

Зная за собой, что его немецкий хорош – или, во всяком случае, сносен – до тех пор, пока он не начинает волноваться и говорить быстро и много, он старался унять свое волнение, не дать ему проскользнуть в речь, в основном, слушать ее. И все же несколько раз он поймал себя на неловких, грубых ошибках – впрочем, она, кажется, не заметила их, а может быть, простила.

Но постепенно разговор их стал иссякать, и у него вновь возник страх, что сидящая напротив него женщина, вежливо ему улыбнувшись и поблагодарив за беседу, возвратится к своей книге.

Она уже, кажется, собиралась это сделать, когда в их купе заглянул разносчик кофе и спросил: может быть, господа желают...

– Нет, спасибо.

Разносчик прошел со своей тележкой дальше.

– О, извините! Я сказала ему «нет» – может быть, вы хотели кофе. Но он через пару минут вернется, и...

– Нет, нет, я не собирался – да и сейчас уже обеденное время. Может быть, имеет смысл пойти пообедать в ресторан. Он здесь неплохой: я часто езжу этим по-

ездом...

Она вскинула на него взгляд и улыбнулась:

– Да, я знаю. Но...

– Разрешите мне пригласить вас. Пожалуйста, доставьте мне это удовольствие.

Все время, пока они шли – она впереди, он чуть позади – он думал о том, как ему сделать, чтобы эта встреча не закончилась через несколько часов расставанием навсегда. Мысль о том, что он не знает о ней ничего, не знает даже, как ее зовут, мучила его. Может быть, она замужем? Может быть, она вообще живет в другой стране, а здесь проездом. Едет ли она до Мюнхена или выходит раньше?

Они уже входили в вагон-ресторан, когда он взял ее под руку. Она не отняла руки, не обернулась с удивлением, лишь слегка улыбнулась.

Они выбрали столик, сели. Из окна были видны раскинувшиеся вдалеке освещенные солнцем поля. По полям медленно, словно утомленные летним зноем, ползли тракторы и грузовики: шла уборка сена. И тракторы, и грузовики, и люди, скатывающие сено в тюки, издали казались игрушечными.

Подошел официант, принял заказ и отошел.

Некоторое время они сидели молча, глядя в окно, думая каждый о своем, или, может быть, боясь нарушить молчание какой-нибудь неловкой фразой. Он смотрел в окно, но не видел ни полей, мимо которых они проезжали, ни ползающих по полю машин, ни людей – не видел ничего, кроме ее освещенного солнцем профиля, на который он краешком глаза, не в силах оторваться, смотрел.

Может быть, почувствовав его взгляд, она обернулась, обернулся и он. Ее лицо в свете заходящего солнца показалось ему теперь особенно, необыкновенно, невыразимо прекрасным.

Вновь подошел официант, принес заказанное, расставил и, спросив, не нужно ли чего-то еще («Нет, спасибо»), отошел.

Их разговор быстро соскользнул на литературу, потом на живопись – впрочем, говорила сейчас, в основном, она. Он, редко пропускавший возможность посетить очередную выставку, не говоря уже о хороших музеях, слушал ее со смешанным чувством восхищения и досады – досады на то, что ему, считавшемуся в среде коллег чуть ли не знатоком живописи, на самом деле так мало известно. Имена почти забытых художников, то, что они создали, их эпоха, окружение упоминались ею так, как если бы она была их современницей.

– Вы – искусствовед? – скорее сказал, чем спросил он.

Она улыбнулась:

– Нет, я биолог. Но я из семьи художников, и мой отец... Извините, мне звонят.

Она достала из сумочки телефон, поднесла к уху:

– Ох, наконец! Я уже не знала, что мне думать, почему ты не звонишь... Когда?..

Его вдруг захлестнула волна ревности к этому «некто» – мужу?.. любовнику?.. другу?.. Он старался не слышать ее ласкового тона, нежности, с которой она обращалась к нему. Наконец со словами «Да, конечно. Целую тебя» она окончила разговор, уложила телефон в сумочку.

– Звонил сын. Я уже начала беспокоиться, почему он третий день не звонит. Но, слава Богу, все в порядке. Знаете, за детей беспокоиться, пока живешь. Ну, а потом им предстоит так же, пока живут, беспокоиться за своих детей. Впрочем... мужчинам это чувство, кажется, меньше знакомо?.. Или не у всех так?

Он ответил глухо – захлестнувшая его волна еще не отошла:

– Мне... трудно об этом судить. У меня, к сожалению, нет детей. Так сложилась жизнь. Вначале все поглотила наука, потом...

– Я понимаю. Мне самой было трудно решиться. Казалось, это конец моей работе, конец всему, что я с таким усердием начинала. Потом, когда родился сын, я поняла, что все мои переживания, все мысли о конце – это был... голос эгоизма. И сейчас я счастлива, что приняла такое решение. Нет, я не бросила работу, не бросила заниматься исследованиями. Многие вещи в своей специальности я даже стала понимать лучше. Но извините, может быть, для вас это...

– Нет. Просто у каждого своя дорога. А ваш... муж – он...

На какой-то миг тень пробежала по ее лицу.

– Мой муж, – она чуть опустила глаза, – он... Он оказался не готов к этому. Для него рождение ребенка было катастрофой, крушением его планов. И нам пришлось расстаться. Теперь это в прошлом, я могу говорить об этом спокойнее. Я даже могу его понять. Не все мужчины могут смириться с тем, что на их свободное время имеет право кто-то другой. Особенно маленький ребенок.

Возможно, почувствовав в ее словах какой-то упрек себе, он вдруг стал рассказывать ей о своей прошлой жизни, о том, чего ему стоило, покинув страну, для которой он с самого первого дня своего появления на свет был нежеланным пасынком, начать в сорок лет новую жизнь – в другой стране, в которой все, начиная с языка, было другим. В стране, в которой он тоже был нежеланным пришельцем и еще менее желанным конкурентом.

Он говорил, со страхом чувствуя свое возрастающее волнение, с которым всегда приходили ошибки в языке, тянущие за собой следующие ошибки – говорил, стыдясь своих обмолвок и того, что сидящая перед ним женщина может принять сказанное за попытку оправдаться.

В какой-то момент он на несколько секунд запнулся, подыскивая слово, поднял на нее глаза, и увидел ее улыбку.

– Мы можем говорить по-русски... Да, я знаю этот язык. Я учила его в школе. Потом на специальном курсе в университете. Потом я училась в аспирантуре в Москве. Мои русские знакомые говорят, что мой русский – аутентичный. Но это все же только красивый комплимент. Когда я некоторое время не имею шанс... возможность говорить по-русски, я замечаю, что какие-то немецкие конструкции или даже слова приходят как гости, которых не приглашали.

– Вы болгарка?

– Да. Как вы угадали?

– По акценту. У нас на факультете есть женщина-доцент из Болгарии, мы с ней иногда говорим по-русски, у нее такой же акцент, как у вас – легкий, почти незаметный.

– Да? Интересно, я об этом не думала. Но вы говорили... Вы рассказывали про вашу жизнь... там. Или, может быть, вам тяжело об этом говорить? Знаете, в нашем институте работают два... двое коллег из России; один из Москвы, другой из Новосибирска. Мы часто друг с другом разговариваем. И я многое от них знаю. Но мы в Болгарии тоже знаем, моя семья знает, какая тяжелая рука была у нашего «большого брата». Когда в Болгарию пришли «освободители», то дядю моей матери и его трех... троих сыновей сразу арестовали. Хотя они не были на стороне немцев. И только через много лет мы узнали, что их отправили в Россию, в лагерь. И они все там погибли. И такие случаи, как в нашей семье – их было не так мало.

– Я слышал, что Борис Христов¹ после 1945-го года не приезжал в Болгарию. Это правда?

– Христов... он вам нравится?

– Это лучший бас, какого я слышал. Мне он кажется даже более значительным, чем Шаляпин.

– Христов – он может быть больше... как это лучше сказать... больше европейский. Или более точно: в его пении соединяются болгарское и итальянское.

– Я знаю многие его записи. Его Филипп²! Каждый раз, когда это слушаешь, пробирает дрожь. Или Борис. Или Мефисто. Или Лепорелло. Или...

– Скажите, – она посмотрела на него с легкой улыбкой, – если бы я не была из Болгарии, вы бы вспомнили в нашем разговоре о Христове?

– Не знаю. Наверное, нет. Впрочем... может быть, если бы пришлось к слову. Знаете, есть даже очень хорошие музыканты, настоящие звезды, но их нельзя слушать много раз подряд. Христов для меня – редкий случай. Я могу несколько раз подряд слушать, как он поет эту арию Филиппа или «Для берегов отчизны дальней» – и каждый раз открываются новые краски, кажется, что он поет по-новому. А вообще, Болгария – страна басов.

Она рассмеялась:

– Ну, певцы – это не все, что у нас есть.

– Я знаю.

– Вы уже были... бывали в Болгарии?

– Да, дважды. Во второй раз я ездил туда уже из Германии. Встречался с коллегами-математиками из Софийского университета и Академии наук. Ну, и немного поездил – сколько хватило времени. Был в Пловдиве, в Варне, в Бургасе. Знаете, что меня в Болгарии особенно поразило? Спокойствие людей. А это были уже совсем не такие спокойные времена. До этого я был в Венгрии, там напряженность чувствовалась в воздухе. А тут – такое спокойствие.

– Нет, у нас все не так просто. К сожалению. Все сложно. Очень сложно.

– Счастливый вы человек! Вы говорите «у нас» – а ведь вы, наверное, уже долго живете в Германии.

– Двенадцать лет.

– И все же и сейчас говорите: «у нас». А для меня этого «у нас» нет, осталось только «там». Так вышло. Немногие друзья – они уже не там, жизнь разнесла нас на тысячи километров друг от друга. И может быть, для многих из нас этого «там» уже нет. А появилось ли новое «здесь», может ли оно вообще появиться...

– Может быть, оно появится у наших детей?.. О, извините...

Она положила руку на его руку и посмотрела ему в глаза:

– Я понимаю вас.

У него перехватило дыхание, горячей волной обдало сердце, он почувствовал, что еще секунда – и у него на глазах появятся слезы, и это может убить все. Сдерживая себя, он тихо сказал:

– Спасибо вам. Наверное, не надо об этом говорить. Может быть, и думать тоже не надо. Или нельзя... – и чтобы подавить в себе это состояние, улыбнулся ей и сказал: – Ну вот видите, пригласил вас пообедать, а обед между тем стынет...

Есть он почти не мог. Спазм сдавил горло.

Некоторое время оба молчали. Он то искося, то чуть подымая глаза смотрел на

¹ Болгарский оперный певец, его называли величайшим басом второй половины XX века.

² Ария короля Филиппа из оперы «Дон Карлос».

нее – смотрел, думая о том, что он все больше и больше привязывается к этой женщине, что через несколько часов они, скорее всего, расстанутся навсегда, она уйдет из его жизни, оставив ничем не закрываемую пустоту в душе.

Она вдруг повернулась к окну:

– Посмотрите, посмотрите!.. Там, слева! Видите?.. Журавли. Какая красота, какая стройность в полете!.. Какая стройность! Знаете, в детстве меня так притягивал этот полет! Над домом, где мы жили, пролетали журавли. Они летели и этот крик – или... я даже не знаю, как точнее сказать... да, наверное, крик – я всегда думала: почему они кричат, что значит этот крик?.. Я так хотела подняться туда, где они летели. Взлететь, оторваться от того, что притягивает к земле...

– ...Разрыва опостылевших оков...

– Простите, что вы сказали?..

– Мне вспомнилось одно стихотворение. Там есть эти слова «Разрыв опостылевших оков».

– Разрыв оков... Да, наверное, так.

– «Меня всегда притягивали птицы / Их вереницы в дальнем детском сне...» – так оно начинается.

– Их вереницы в... детском.... в дальнем детском сне. Но дальше?.. Как дальше?..

*– Меня всегда притягивали птицы
Их вереницы в дальнем детском сне
Их крики на границе небылицы
В закате окровавленном окне.
И тайна...*

М...м... – минутку, я сейчас вспомню...

*...И тайна их бесшумного полета
Разрыва опостылевших оков...
Взлететь бы хоть мечтою из болота
К их силуэтам возле облаков.
О чем кричат? Что век мой все короче?
На грани ночи свет звезды колюч...
Отчаянно печальный плач пророчеств,
К которым навсегда утрачен ключ...
Тоска – петлёй, и круг мой уже, уже –
Последние прозрения Души...
И птицы... Уж не те ли это Души,
Которые ушли, ушли, ушли...*

– Какие стихи!.. И как печально! Господи Боже, как печально!.. Птицы – как Души умерших!.. Эти стихи... они ваши?

– Нет, что вы!.. Я на такое абсолютно не способен. Все мое творчество – научные статьи, пара таких же книг. Эти стихи – моего друга и коллеги. Математика и поэт¹. А я – увы! – только читатель.

¹ Стихи Бориса Кушнера.

Она посмотрела на часы.

– Нам пора возвращаться. Спасибо вам. Мне было очень приятно.

– Спасибо вам.

Придя в купе, она сказала: «Извините, мне нужно ненадолго выйти» и оставила на столе сумочку. Телефон она из сумочки не достала, и это его немного успокоило.

Когда она вышла, его охватила никогда им прежде с такой силой не испытанная тоска. Было ли это тоской по скрашивающему жизнь тихому домашнему уюту, устроенности быта, милым мелочам, казавшимся ему еще так недавно убийцами творчества, засасывающими человека силой Кориолиса¹ в воронку, из которой ему не выбраться? Было ли это щемящим чувством, что он в свои сорок пять лет, достигнув многого из того, чего хотел добиться, не имеет в этом мире ничего, кроме щекочущих самолюбие фраз («впервые в мировой научной литературе»), завистливого уважения менее удачливых коллег и время от времени – восхищенных взглядов студентов, а чаще студенток – не без тайного желания использовать его, как трамплин.

Если бы его спросили, почему он в свои годы еще не женат, он бы смутился, не зная, что ответить. Иногда он спрашивал об этом себя, но каждый раз, внутренне усмехнувшись, говорил себе, что он, видимо, не создан – или не созрел – для женитьбы, или она не создана для него.

Слыша разговоры коллег об их семьях, об успехах их детей: «Нет, ну ты представляешь, в пять лет – и сочиняет такие стихи!..» или «Мы повели его на прослушивание, и надо же: блестящие музыкальные данные!» – он поздравлял, говорил, что да, замечательно, действительно достойно удивления – ну и все, что говорят в таких случаях, одновременно чувствуя, как это все от него далеко.

Те недолго делящиеся связи, что у него были за годы до его переезда в Германию и потом, не оставили в нем ничего, кроме ощущения какой-то обманутости, хотя встреченные им женщины были недурны собой, далеко не глупы и не притязали ни на замужество, ни даже на просто долговременные отношения. Каждый раз, когда очередная такая связь заканчивалась – почти всегда не по его инициативе – он чувствовал пустоту в душе, разочарование и одновременно облегчение, как если бы освободился от непосильной для него ноши.

Несколько раз, когда он уже работал в Германии, в него влюблялись студентки (он был вообще любим студентами, охотно прощавшими ему и строгость на экзаменах, и ошибки в немецком, и неизгладимый русский акцент), но во всех этих случаях он терялся, не знал, куда ему от этой влюбленности деться, говорил в ответ на признания какие-то тривиальности или пытался отделаться шуткой – и сквозь все это просвечивал страх перед неожиданно свалившимся на него грузом.

Потом, когда он уже был «Professor auf Lebenszeit»², он влюбился в свою смуглолицую аспирантку со звучным именем Лара О'Хара – гремучую смесь ирландца и индианки. Она пришла к нему с просьбой о научном руководстве ее на четверть уже написанной диссертации и поразила его в первое же знакомство сочетанием глубокого ума, своеобразной красоты и страстности натуры.

Все то время, пока они были вместе, его не оставляло ощущение, что часть его жизни, о которой он раньше думал со смешанным чувством сожаления и легкого стыда, понимая, что ее скорее нет вовсе – эта часть наполнилась содержанием. И

¹ Одна из сил инерции, названа по имени французского ученого Гюстава Кориолиса.

² Букв. «пожизненный профессор», в отличие от принимаемого на должность на определенное время.

все же, когда он был один, он часто спрашивал себя или невидимого собеседника, что будет с этой связью дальше, во что она выльется, как отразится на его жизни.

Он понимал, что долго это продолжаться не может, что женщина, которая была теперь рядом с ним, никогда не примирится со своим «подвешенным» состоянием, что он рано или поздно будет оставлен и что ему будет трудно справиться с этой потерей. И все же мысль о женитьбе была для него тяжела, картины семейного быта, которые он видел в домах своих коллег, вызывали у него страх; мысль о том, чтобы самому окунуться в такую жизнь, приводила его в отчаяние.

Как-то раз, когда они с Ларой, утомленные только что отшумевшей в постели сценой, лежали рядом, каждый отдавшись своим мыслям, она вдруг, как бы размышляя вслух, спросила: «Интересно, если у нас родится ребенок, на кого он будет похож – на тебя или на меня? Или на обоих?.. Или он вообще будет краснокожим, как предки моей матери? Как ты думаешь?» – и, обернувшись к нему и приподнявшись на локте, посмотрела ему в глаза.

Он почувствовал, как побледнел. Она, глядя на него с откровенной усмешкой, сказала: «Не волнуйся, мой дорогой. Он не родится», встала, медленно оделась и уже у двери, полуобернувшись, как бы продолжила: «Какой же ты все-таки одинокий. Мне тебя часто бывает жаль. И себя тоже».

Через три месяца она, защитившись, уехала в Штаты. Год спустя он узнал из ее письма, что она вышла замуж и родила дочь. В письме была и фотография: она с дочерью на руках; на обороте надпись: «В память о наших встречах». Тогда он впервые почувствовал, что в его жизни что-то надломилось, и прошло немало времени, прежде чем он справился с этим ощущением, убедив себя, что семейная жизнь с Ларой все равно кончилась бы крахом, что она не отвечает тому идеалу, который он в своем воображении создал, и что он, может быть, не выдержал бы ее вулканического темперамента, проявлявшегося во всем, чего бы она ни касалась...

Сейчас он с грустью думал, что встреченная им женщина вряд ли согласится на то, чтобы он как-то, пусть и сначала только от встречи к встрече, вошел в ее жизнь, в которой, судя по тону, каким она говорила по телефону с сыном, она была счастлива. И уж совсем невероятно то, что она согласится разделить с ним свою судьбу.

Все, что ему еще так недавно казалось настолько важным, что над этим не стоило и задумываться, внезапно потускнело, поблекло, съезжилось. Ему вдруг вспомнились слова из письма Лары, написанного через несколько лет после их расставания: «Ты одинок, как степной волк. Или как человек, рожденный в скорлупе. Может быть, потому ты так не боишься одиночества. Но не дай Бог тебе однажды ощутить, что этой скорлупы вокруг тебя нет, что кто-то разбил ее – пусть даже этим кем-то будешь ты сам». Воспоминание ударило ему в сердце, у него застучало в висках, заняло в груди.

Зазвонил телефон. В этот момент она вошла в купе. Взглянув на дисплей, нажала на отбой разговора. Потом, пристально посмотрев на него, обеспокоенно спросила:

– Что с вами? Могу я чем-нибудь помочь?

– Нет, нет, это у меня бывает, когда очень устану. – Он усмехнулся, усмешка вышла горькой, кривой.

– Может быть, вам надо лечь? Я подыму подлокотники, и вы можете...

– Нет, спасибо, это сейчас пройдет. – Боль в груди чуть утихла, но появилась боль в левой руке; рука как будто онемела. – Нет, в самом деле, мне лучше. Если вы

не против, продолжим разговор, который мы начали в ресторане перед тем, как уйти.

– Боюсь, что времени на это у нас не осталось. В Вюрцбурге мне выходить.

– В Вюрцбурге?.. – у него упал голос.

– Да. И мы уже приближаемся, будем там через... – она посмотрела на расписание, – двенадцать минут, так что мне уже нужно собираться.

Она уложила телефон и книгу в сумочку, сняла с вешалки плащ, поставила чемодан у двери, положила на него плащ и села на свое место у столика.

Он молча следил за ее движениями, но когда она села, он сказал:

– Можно мне проводить вас? Да, я еду дальше, в Мюнхен. Но у меня достаточно времени, чтобы поехать следующим поездом. Мы можем выйти в Вюрцбурге. Я там часто бываю, там есть несколько очень хороших ресторанов. Мы бы продолжили наш разговор, а потом...

– Спасибо. Нет. Не обижайтесь. Меня будут встречать... Сын и его жена. И для них было бы очень странным увидеть меня... Вы понимаете. Но даже если бы это не было так. Вы ведь совсем не знаете меня, я не знаю вас. Мы оба не очень молоды... Да, мы уже не так молоды, чтобы отдаться первой случайной встрече. Пусть эта встреча даже принесла нам радость. Пусть даже эта радость была неожиданно большой. Но – дальше?.. Идти дальше по дороге, которая есть только... только в нашем воображении? Что, если на этой дороге нас ожидает разочарование, горькое разочарование – что тогда? Кто знает, что может случиться, если не остановиться сейчас, не сказать себе: «Стоп. Дальше – нет!..»

А теперь нам надо прощаться. Поезд скоро подойдет к станции... Спасибо, чемодан я понесу сама... Нет, провожать меня к выходу не надо. Давайте попрощаемся здесь.

Она встала и протянула ему руку.

Он встал, пожал ее руку, задержал в своей и вдруг, повинувшись безотчетному порыву, обнял ее, прижал к себе и стал целовать ее волосы, глаза, лоб. Она мягко отстранилась и тихо сказала:

– Не надо, мой дорогой. Не надо, – повторила она еще тише. – Пожалуйста. Мне, может быть, тоже... непросто. Да, мне давно не было так свободно, так легко. И да, на какой-то момент пришло это ощущение – что я... счастлива. Что человек, с которым я так неожиданно встретилась, оказался мне... близким, может быть очень близким. Но все равно – не надо. Спасибо вам за все, за день, что мы провели вместе. А сейчас...

– Я... прошу вас, – он едва узнал свой голос, – я вас очень прошу: не уходите из моей жизни. Это звучит по-мальчишески, но – я не смогу без вас, без того, чтобы видеться с вами, моя жизнь, которая мне казалась – или была – устоявшейся, она станет без вас... пустой. Поверьте: я никогда ни одному человеку до вас такого не говорил. Если бы я услышал то, что сейчас говорю, еще день тому назад, я бы иронически усмехнулся, назвал бы все это парадом тривиальностей. Но сейчас у меня нет других слов.

Все время, пока он говорил, она молчала, опустив голову. Потом она подняла на него взгляд. В глазах у нее стояли слезы.

– Видите, – она улыбнулась, – у нас еще ничего не началось, а вы уже довели меня до слез. Что же будет дальше?.. – Она достала из сумочки платок, прикоснулась к глазам, положила платок обратно. – Дайте мне вашу визитную карточку, я вам позвоню... Я обещаю. Еще раз – спасибо за все.

...Он стоял и смотрел на нее, как она идет по коридору.

Потом он подошел к окну и увидел ее стоящей рядом с высокого роста мужчиной и молодой женщиной, держащей мужчину под руку. Потом все трое прошли, о чем-то разговаривая, к выходу в город. Они уже пропали из виду, а он все стоял у окна, не в силах двинуться – стоял и тогда, когда поезд тронулся, и сквозь пелену начавшегося дождя стали уже еле видны контуры исчезающего из поля зрения здания вокзала. Наконец он отошел от окна, вошел в купе и сел. Тупая боль в груди и под левой лопаткой, отпустившая его на время, пришла вновь. Он откинулся в кресле и закрыл глаза.

Еще несколько дней назад ему удавалось, полежав минуту-другую, снять боль, сейчас же она не проходила. Чтобы унять ее, он стал думать о встреченной им женщине, о том, как она позвонит ему, как они встретятся, и станут встречаться, и его жизнь обретет тот смысл, без которого он уже не сможет жить дальше. Он пытался представить себе картины их встреч, их совместной жизни, но боль была рядом, она мешала сосредоточиться, он отгонял ее, но она не уходила, сдавливая ему горло, мешая дышать. В какой-то момент он почувствовал, как его охватывает сон, и обрадовался этому.

Сквозь сон он услышал звонок своего мобильного, мгновенно проснулся и рывком потянул к себе портфель с телефоном.

Страшная боль в груди отбросила его к креслу. В голове что-то сверкнуло, и последнее, что пронеслось в его сознании, был столик в вагоне-ресторане, вереница птиц на ослепительно-голубом небе – и ее лицо, освещенное солнцем догорающего дня.

...Телефон прозвонил, с коротким перерывом, еще несколько раз. Потом за-
молк.

ВЛАДИМИР ЗАРУБИН

*** * ***

**Я пошёл на второе дыханье,
Терпеливо утюжа строку
И считая, быть может, нахально,
Что успел кое-что на веку.**

**Ничего не имел от державы,
Но нигде не плевал на неё,
А мерзавцев, чьи души шершавы,
Сразу ставил на место своё.**

**Не слагая с себя полномочий,
У соседей почти на виду,
До стихов и до жизни охочий –
На второе дыханье иду!**

*** * ***

**Тепловозное гудки,
Словно судовые –
Басовиты, глубоки,
Сердцу дорогие.**

**Как меня волнует их
Близкое звучанье!
Голосов летящий вихрь
Поздними ночами!**

**Сразу в памяти встают:
Мощь волны каспийской,
Валкость палуб, дрожь кают,
Далее – по списку.**

**А по списку – целый ряд
Приключений флотских,
Где любому был бы рад
На ветрах тех хлётких!**

**Но, от моря вдалеке,
Горько тешу мысли
В сухопутном городке
Эхом прошлой жизни.**

* * *

В дебрях памяти затерялась
Часть явления, что было мной –
Возрастная, видать, дырявость
Оказалась тому виной.

Но пытаться искать не стоит –
Можно лишь заблудиться вдруг.
Личной жизни своей историк,
Обойдусь без душевных мук.

И пока не свалила немощь,
Пусть не рвётся событий нить.
Что не Главное – это мелочь,
Основное бы сохранить.

* * *

Всю жизнь собою недовольный,
Её, что поле, перешёл,
Держа удар, как мяч футбольный –
Ведь путь был долог и тяжёл.

Благими мыслями ведомый,
Хоть не мостил дорогу в ад,
Но ощущать её медовой
Со всеми вместе был бы рад.

Как всё земное, в чём-то грешный,
Почти упёршийся в забор,
Давным-давно уже не прежний,
Но недовольный до сих пор.

* * *

Уже ничего не изменишь:
Что было – ушло навсегда,
Однако, ты шансы имеешь
Оставить хоть след от следа.

Сегодняшний день, как вещица,
Неброская с виду сейчас,
Когда через Время промчится –
Расскажет потомкам о нас.

Поэтому ныне живущим
Шипы отделять бы от роз,
Чтоб прошлое в мире грядущем
Менять никогда не пришлось.

* * *

Человеку стало плохо
Посреди толпы –
Рассчиталась с ним эпоха
Тяжестью стопы.

Он о столб опёрся грудью,
Медленно осел,
А вокруг сновали люди,
Занятые все.

Пробегая, думал каждый
О делах своих,
На других таких же граждан
Груз стыда свалив.

И, в итоге, меньше стало
На Земле большой –
Не ракетой из металла,
А одной душой.

В синеве порхали птицы,
Плыли облака,
А внизу чужие лица –
Целая река.

Десять строф о творчестве

1

Поэзия – вязанье слов,
И чем искусней спицы,
Тем ярче в кружеве узлов
Алмазные крупы.

2

На Поэта строчки льются сверху сами –
Стихотворец снизу тянет их с трудом,
Обливаясь потом, мучаясь часами,
По колено в землю уходя притом.

3

Настоящее вдохновенье –
Это шторм, а не дуновенье,
Вызывающий за мгновенье
Мысль на полное откровенье.

4

Когда не пишется – обидно
За время, прожитое зря,
Тогда на масло и повидло
Не претендуй, батон беря.

5

Лучше сказок нет литературы:
В них народа истинная суть,
Только правда – никакой халтуры,
И родник чистейший, а не муть.

6

Вроде те же слова, но поставлены так,
Как их прежде не ставил никто –
И сверкает червонцем потёртый пятак,
Незамеченный нами раз сто.

7

Во сне вдруг вызрели две строчки,
И наяву другие две –
Проклюнувшиеся росточки,
Мечтающие о листве.

8

Каждый день борюсь со словом,
Побеждаю – иногда,
И лечу на крыльях, словом –
Праздник честного труда!

9

Я бесконечно рад,
Что внёс в литературу,
В её мускулатуру,
Свой, хоть и скромный вклад.

10

Когда бы можно было Время
Поворотить обратно вспять –
Я б вставил ногу в то же стремя
И не давал бы музе спать!

Супруге Татьяне

Тебе – моей единственной, родной –
Слагаю сердцем строки, чтобы ими
В любви признаться в раз очередной
И навсегда твоё прославить имя!

Как женщина, как муза и жена
Не гения, но всё-таки поэта,
Всей жизнью, что в стихах отражена,
Ты, безусловно, заслужила это!

Ценой послевоенных детских лет,
С лишениями и горькими слезами,
Терпеньем, иногда себе во вред,
За годы, что незримо нас связали.

Какое благо, что в конце концов
Закончились невольные разлуки,
Что смолкли глотки недругов-лжецов,
Что в добрый час взрослеют наши внуки.

И что твоя живая красота
На фоне сверстниц явно отличима,
Что твой характер – многим не чета,
Что ты во всём – такая молодчина!

Что от тебя исходит ясный свет,
Дарящий людям радость даже в горе,
Что до сих пор семейный наш дуэт
Не хуже всех гребёт в житейском море.

И потому, целуя горячо
И поздравляя в рифму с Днём рожденья,
Желаю уйму счастья, и ещё –
За все свои грехи прошу прощенья!

ЭМИЛЬ АГАЕВ

История одного интервью

Я не возьмусь (во всяком случае, пока) писать о человеке, которого называют общенациональным лидером, отцом нации. Хочу только поделиться некоторыми воспоминаниями о Гейдаре Алиеве, связанными с его отношением к журналистам, к прессе.

Эти отношения отличались от его отношения к писателям, художникам и музыкантам, хотя Союз журналистов вроде бы тоже считался творческим союзом.

Оно и понятно: журналистов относили тогда к работникам чисто идеологической сферы и называли, со времен Хрущева, «подручными партии». Однако его отношение к журналистам не было прямолинейно однозначным. Зависело от того, кто этот журналист, какой орган печати он представляет и где последний находится – в республике или Москве; соответственно – как его ЛУЧШЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ. Не только в целях идеологических!

Соглашусь с одним из коллег, сказавшим, что Гейдар Алиев был первым в Политбюро, кто понял значение и стал использовать «пиар» КАК ОРУДИЕ ПОЛИТИКА. И это – во времена «железного занавеса», когда все, что было за бугром, называли не иначе как «их образ жизни»!

Да, Гейдар Алиев знал, КАК, и умел работать с прессой. Умел и заботиться, умел и проявлять строгость, иной раз – самую жесткую, даже жестокую.

Так, он «не слезал» с партийных и советских органов печати после получения республикой очередного «Красного знамени». Давил, требовал освещения («ОСВЯЩЕНИЯ»!) того, как «широко шагает Азербайджан». А вот я, корреспондент «Литературки», не чувствовал такого давления, хотя проработал в этой должности с 1971-го по 1987-ой год, то есть, практически в течение всего времени нахождения Гейдара Алиева во власти – сначала в Баку, затем в Москве, что и понятно: «Литгазета» – это не «Правда».

А когда возникла идея взять интервью у Гейдара Алиева в связи с борьбой против негативных явлений, которая развернулась в Азербайджане, согласие было получено немедленно.

Не все сейчас это помнят, дело давнее, но в те годы это интервью под названием «Пусть справедливость верх берет» прогремело на всю страну, стало своего рода политической сенсацией того застойного времени.

Речь шла о борьбе со взяточничеством, со всякого рода излишествами (пышное проведение свадеб и поминок) и так называемым «вещизмом», использованием служебного положения в личных целях и т.д. – с применением самых жестких административных мер. Так, скажем, работникам ЦК партии было запрещено покупать автомобили, их детям – поступать на юридический факультет (больше всего взяточничества было...в правоохранительных органах!), были и другие строгости. И вот, помню, как в этом месте приехавшая из Москвы спецкор «ЛГ» не удержалась от реплики: «Но ведь мы, Гейдар Алиевич, говорим о правовом государстве!», на что последний парировал – «А мы, когда берем людей на работу, предлагаем их об этом!»

Это интервью было опубликовано в «Литературной газете» – газете, выходившей тиражом свыше миллиона экземпляров, и оно наделало много шума (рассказывают, даже Брежнев позвонил Алиеву со словами: «Что вы там у себя делаете?», на что Алиев ответил: «Боремся с недостатками, на что вы нас и нацеливаете!»).

Интервью было перепечатано многими изданиями в стране и за рубежом, а потом на протяжении многих лет цитировалось. А сам заголовок – «Пусть справедливость верх берет»

– стал в своем роде политическим афоризмом того времени.

(Эту строчку из Низами прилетевшая из Москвы корреспондентка редакции газеты, специализировавшаяся на интервью с первыми лицами государства, выхватила из сборника переводов азербайджанской классики Наума Гребнева, который я тогда только что купил).

...Как сейчас помню первый прием, впечатление от кабинета Гейдара Алиевича. Первое, что бросалось в глаза при входе, – огромный, чуть ли не в человеческий рост глобус. Перед вами – вся планета! Этот гигантский глобус, видимо, должен был настраивать каждого входящего на широту и масштабность того, что происходило здесь, в кабинете, и, разумеется, – значимость его хозяина. За столом сидели члены Политбюро – Алиев умел придавать всему, даже встрече с журналистами, столь свойственную ему самому ЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ.

Садимся. Первый вопрос, как водится:

– Ну, как устроились?

Антонина Борисовна, так звали корреспондентку, с хамоватостью московской небожительницы возьми и брякни: мол, ничего, вот только...Что последовало дальше, дорогой читатель, вы ни за что не догадаетесь.

– ...Вот только в санузле, Гейдар Алиевич, знаете, нет...туалетной бумаги!

Наступило минутное замешательство. Все замерли в ожидании реакции Хозяина.

Гейдар Алиевич коротко взглянул в мою сторону, и я увидел, как меняется выражение его глаз – от стального до по-детски изумленного, даже наивного; он как бы примеривал на себя эти выражения вместе с вариантами решений, которые, по-видимому, вертелись у него в мозгу с быстротой компьютера – осадить, выгнать, по правительственной связи позвонить главному редактору – мол, кого это вы прислали, свести все к шутке...

– Тогда мы переведем вас, если вы, конечно, не возражаете, в нашу гостиницу, рядом с ЦК, – Гейдар Алиевич показал жестом. – У нас тут все есть! – последовал общий вздох облегчения, все рассмеялись. И тут же, после этой тирады, с подковыркой: – А вам сколько комнат? Одну? две? три?

– Ну, зачем так много, – не стусевалась москвичка. – Разве что вы, Гейдар Алиевич, в гости придете...

Опять все в кабинете напряглись. Кроме хозяина, который уже вошел в свою роль в этой шутилой пикировке:

– А вы что, думаете, мы тут только и делаем, что заседаем...Можем и отдохнуть, и рюмочку выпить. – И тут же мне: – Агаев, в «Гюлистан» ходили?

– Нет, не успели.

В тот же вечер мы сидели за лучшим столиком в ресторане «Гюлистан». Корреспондентка ела за обе щеки и чувствовала себя на коне.

А после этого...целую неделю прождала следующего приема и так и не дождалась. Сказали – ЗАНЯТ!

...А потом, после этого, она прилетала еще пять раз (!).

Первый вариант интервью Алиев зарубил на корню, хотя и сказал для начала: «Талантливо». По-второму прошелся решительно – все исчеркал. И, замечу, редактором он был незаурядным. Причем, очень дельно правил даже стиль материала.

Это меня поразило больше всего, поскольку я помнил первые, после избрания Гейдара Алиева первым секретарем ЦК публичные его выступления – на русском языке, как тогда требовалось, он говорил совершенно свободно, хорошо, но с чуть заметным акцентом...

«Надо же, как он преуспел в русском», – подумал я про себя!

Когда журналистка, прилетев уже в шестой раз (!) и, после долгих ожиданий, наконец попала в знакомый кабинет – в паузах я возил ее по республике! – она показала Гейдару Алиевичу свой указательный палец, сказав с мольбой в голосе:

– Посмотрите, Гейдар Алиевич, какую мозоль я натерла от ручки. Пожалейте, а!

От былой ее самоуверенности и хамоватости не осталось и следа.

Гейдар Алиевич молча прищурился, покачал головой и чуть ли не издевательски спросил, повернувшись ко мне:

– Ну что, поработаем еще?

Он не просто поставил ее на место. Он выжал из нее все, на что она была способна. И интервью получилось на славу, ни в какое сравнение не шло с тем, что выходило из-под пера этой, в общем-то, среднего уровня журналистки. Интервью мало того, что похвалили на редакционной «летучке» – вывесили на доску лучших материалов, что было крайне редко для кондовых в те годы материалов с официальными лицами!

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Встреча с Гейдаром Алиевым

...В это мартовское дождливое утро выходного дня один только взгляд в окно наводил тоску. Дождь уже накрапывал, когда я присоединился к удивительно доброжелательно настроенной толпе.

Вообще-то это было необычное для такой безрадостной погоды настроение. Именно это и заинтересовало меня.

Подняв сына на руки и получив статус «матери с ребенком», я стал пробиваться в середину круга, где должен был открыться секрет раскрепощенности обычно всегда такой угрюмой массы народа. Уже ближе я увидел знакомый силуэт статного мужчины, жестикулирующего перед интеллигентного вида дамой.

Головы людей пока мешали мне удостовериться в личности оратора.

Я сделал последний рывок, наступив на ступню огромного детины, упорно загораживавшего объект моего интереса. Детина взревел (очевидно, я наступил на его «любимый» мозоль) и повернул ко мне не очень радостное лицо. Я непроизвольно прикрылся малышом. Верзила мгновенно оценил ситуацию, как «не в свою пользу», и только решил изменить тактику своего возмездия, как кто-то властно позвал его «Азад!» Это мгновенно перегруппировало его сердитые эмоции в дружеские. «Проходи, брат», – родственно предложил он мне и отодвинулся. Моему взору предстала великолепная картина: «Общение главы республики с народом».

Гейдар Алиевич был, как всегда, в приподнятом настроении. Лицо его излучало доброжелательство и приглашало к участию в беседе.

Он, собственно, это и делал, опрашивая присутствующих.

На какой-то момент вопросы у участников встречи иссякли, и Первый секретарь оказался в неловком положении человека, настойчиво вытягивающего информацию.

Необходимо было выручать его, а раз там был я, то, как вы понимаете, эту миссию я должен был взять на себя. Тем более, что Гейдар Алиевич остановился прямо напротив меня.

Очевидно, как от «матери с ребенком» он ждал от меня какого-нибудь конструктивного вопроса на тему: «Увеличение пособия по беременности» или «Удлинение срока кормления ребенка грудью».

Он выжидательно посмотрел на меня и я, не долго думая, решился.

– У меня есть вопрос! – громко объявил я, так что даже сынуля вздрогнул.

– Да, я вас слушаю, молодой человек, – услышал я бодрый голос руководителя.

Я растерялся, ибо в то время я уже не был в ранге «молодого человека», и потерял нить вопроса, которого, впрочем, даже не было в уме.

Я попытался сосредоточиться.

– Да, у меня есть вопрос! – более решительно и даже угрожающе заявил я, не мигая глядя в глаза бывшего первого чекиста республики. Нутром я почувствовал, как рядом настроился «брат» Азад.

Однако Гейдар Алиевич был невозмутим. Чувствовалось, что опыт общения с различного рода начальниками закалил его психику. Народ напрягся и потихоньку, как-то незаметно, стал отодвигаться от меня. За секунды я остался в окружении Азада и других его «братьев».

Надо было решиться задать именно этот вопрос, который донимал меня с утра:

– Скажите, Гейдар Алиевич! А кто-то в республике может повлиять... – кандидат в депутаты насторожился, толпа вообще отхлынула – ...на изменение погодных условий? Ведь, как-никак, сегодня выборы, праздник, а погода такая противная, – закончил я тираду в такой абсолютной тишине, что было слышно покрапывание отдельных дождинок.

Народ настороженно и испуганно ждал реакции руководства.

«Братья», сразу посерьезнев, непринужденно замерли, как бы случайно окружив меня.

Я уже почти терял сознание и только необходимость держать на руках ребенка удерживала меня от полного обморока.

– А вы, оказывается, большой шутник, молодой человек. Но, к сожалению, даже Политбюро не в состоянии изменить погоду! – подхватил шутку Первый, видимо, весьма довольный создавшейся юмористической ситуацией, а еще больше своим удачным кавээновским ответом.

Толпа облегченно вздохнула и засмеялась одинаковым народным смехом. По тому, как по-родственному хлопнул меня по спине Азад, я понял, что неприятностей уже не будет. Уж очень чувствительным было похлопывание.

Гейдар Алиевич понял, что лучшего благоприятного момента он вряд ли дождется и поэтому стал с нами прощаться. И начал с меня.

Мы понимающе переглянулись, и я уловил в его глазах лукавую усмешку.

А дождь продолжал свое гнусное дело, нагло усмехаясь над бессилием Политбюро.

Я же тихо радовался обстоятельствам, вынесшим меня «сухим» из явно мокрой ситуации.

P.S. Читатели, сомневающиеся в правдивости этой истории, могут обратиться за подтверждающей информацией к бывшему агенту КГБ «брату» Азаду, числившемуся в списках этой организации в 1980 году.

Страна «белого золота»

Тему этого очерка подсказало застолье у моих родственников, праздновавших 60-летие их совместного брака. В числе приглашенных оказался колоритный гость, как две капли воды похожий на известного в советские времена азербайджанского певца Рашида Бейбутова.

(Автору повезло с ним познакомиться, оказавшись в 70-х годах попутчиком Р.Бейбутова – мы ехали в соседних купе в международном вагоне поезда «Нахичевань-на-Араксе – Баку. Певец возвращался из гастролей по Нах.АССР, а автор из командировки)

Неожиданно выяснилось, что и голос гостя был как две капли воды похож на голос народного артиста СССР. Это было замечательным сюрпризом, поскольку гости, собравшиеся в Нью-Джерсийском ресторане в большинстве своем были выходцами из Баку.

Известно, что репертуар Рашида Бейбутова был настолько обширен, что ему в пору было дать звание «народного артиста планеты Земля». Хотя достаточно и того факта, что азербайджанский артист был первым из эстрадных певцов Советского Союза, удостоенных звания Героя Социалистического Труда.

И вот именно песня двойника Рашида навела меня на нынешние размышления, ибо в ней пелось о колхознице-хлопкоробе Сурайе.

Песня была известна всей стране и, собственно, являлась визитной карточкой всех концертов Рашида Бейбутова. Один из куплетов переводился на русский язык. Только сейчас я обратил внимание, что перевод фразы:

«Гордо ты по полю ходишь, Сурайя» мог быть переведен не совсем компетентным переводчиком, поскольку по хлопковому полю не только гордо, но даже просто прямо ходить невозможно – надо пригибаться для сбора коробочек хлопка.

Я это знаю из личного опыта поездок на сбор хлопка, когда я учился в техникуме. Сбор этот очень тяжелый и утомительный, особенно для учащих, жителей города. Мы с большим

трудом одолевали норму в 20 кг сырца, чтобы получить за него зарплату. Другое дело студенты, приехавшие из районов – они с лихвой зарабатывали себе на проживание в городе во время семестра.

Правда, нас почему-то посылали на поля по второму заходу, когда на поле после первого сбора почти ничего не оставалось.

Во время исполнения этой эмоциональной песни я проникся трудолюбием хлопкоробов, «на гора» собиравших в один сезон тонны «белого золота».

Как тут было не вспомнить наших доблестных женщин, ставших первыми дважды Героями Социалистического Труда – Басти Багирову и Шамаму Гасанову.

Почему-то в период расцвета демократии их как-то подзабыли.

На смену рапортам о рекордных урожаях и славным именам звеньевых колхозов пришли имена участников свадебных шоу, банкиров, миллионеров, некомпетентных высокопоставленных чиновников, уголовников и олигархов.

Стране очень важно было знать, какую очередную нелепость могли сотворить вышеуказанные лица, обремененные наличием денежной власти.

Наконец-то выяснилось, насколько они были «угнетенными» предыдущей властью.

И «справедливость» восторжествовала!

Страна стала забывать своих не только хлеборобов, но и нефтяников, писателей, поэтов и даже композиторов, которые, как теперь выяснилось, «такие-сякие», идеализировали труд трудящихся. Многие из них подверглись остракизму.

Не слышно уже песен о Сурае, об азербайджанском хлебе и нефтяниках Каспия.

А звание «Герой Труда» никто не отменял, просто оно не вошло в перечень наград Азербайджанской республики, узаконенных вторым президентом, лидером Народного фронта, а потому тружеников села, да и промышленности, просто нечем награждать.

Правда, справедливости ради следует упомянуть Указ об учреждении медали «Прогресс», единственной в своем роде, которая выдается «За успехи, достижения в сфере промышленности и сельского хозяйства».

Однако за более чем 22 года существования медали в числе награжденных оказалось всего 10 человек, да и те были награждены за заслуги, весьма далекие от сельского хозяйства.

Хочу напомнить некоторые цифры достижений ведущих хлопкоробов Азербайджана.

Только звено Басти Багировой в 1946 году собрало по 105 ц. хлопка с 1 га. на площади 5 га. В том же году подобные показатели у другой звеньевой, Шамамы Гасановой, составили по 97 ц. с га. на площади 5 га

Им обеим 19 марта 1947 года страна, впервые за получение высоких урожаев в хлопководстве, присвоила звание Героя Социалистического Труда.

Но женщины не остановились на достигнутом и своим доблестным трудом продолжили свои рекорды.

Уже в следующем году Басти Багирова собирает свой рекордный урожай по по 111,2 ц. с 1 га на площади с 5 га. Не хуже показатели сбора хлопка и у Шамамы Гасановой. В результате указом Президиума Верховного Совета от 17 июня 1950 г. обе колхозницы награждаются второй золотой медалью «Серп и Молот» и становятся дважды Героями Социалистического Труда.

А в 1953 году обе звеньевые, соперницы в славном соревновании, возглавили свои родные колхозы, став их председателями.

Басти Багирова председательствовала в колхозе «Бахчакюрд» Касум-Исмаиловского района до самой своей кончины, 27 февраля 1962 года. Тогда же колхозу присвоили имя Басти Багировой.

Шамама Гасанова руководила колхозом «1 Мая» Физулинского района 40 лет, вплоть до распада колхозного сектора в Азербайджане. Скончалась в Баку 5 сентября 2008 года.

Что можно сказать об этих женщинах:

«Низкий поклон Вам и Слава!

Память о Вас донесут плоды обработки хлопкосырца, ставшие продуктом перевязочных материалов (вата, бинт), постельного белья, солдатских портянок и дамского белья, во-

енного обмундирования, да и вообще ситцевых платьев и рубашек, в конце концов. Необходимо напомнить, что эта продукция сыграла такую же важную роль в победе над фашистами, как и добыча нефти».

Возникает парадокс: кого и за что награждать, если постепенно исчезают четыре основные отрасли сельского хозяйства.

Площади посева хлопка и винограда по сравнению с советским периодом сократились на 15% (цифры отличаются в разных источниках), табаководство вовсе исчезло. По этому же пути «широко шагает Азербайджан» и в чаеводстве.

Оплата труда фермеров в стране в 2,5 раза ниже мировых цен.

Одновременно, необходимо отметить, что все другие награды носят военную направленность.

Очевидно, ни экономисты, ни финансисты, ни политики не вспомнили, как славен был Азербайджан своими успехами в развитии хлопководства.

Конечно, я не компетентен комментировать, что республике выгодно развивать, а что импортировать из-за границы. Просто мы подошли к мысли, что трудящихся можно не поощрять, поскольку невозможно произвести оценку их индивидуального производства. Исчезли критерии для их вознаграждения.

Точно так же, как невозможно оценить труд рабочего-станочника, нефтяника, рыбака и прочих трудящихся, работающих на хозяина.

Хорошо это или плохо – вот проблемы, которые могут обсуждать новые идеологи демократии на всем пространстве бывших социалистических государств Восточной Европы.

Отказавшись от строительства социализма, эти страны сделали шаг назад: кто к капитализму, а кто и (два шага назад) к феодализму. И дело не в том, что они отказались от большевизма, коммунизма, диктаторского режима Чаушеску, военного правления Ярузельского, идеологической концентрации Хоннекера, горбачевского пустословия и прочих злоупотреблений.

Главное, что потеряли эти страны и, к сожалению, никак этого не осознают, что исчезла вера в марксистское учение, основанное на социалистическом обществе. Строить капитализм с социалистическим уклоном весьма рискованно.

Ведь при малейших колебаниях экономики в сторону инфляции, выравнивание государственного бюджета всегда идет за счет урезывания социальных нужд трудящихся.

Увы, в этих странах строилось общество с искаженной пропагандой и насильственным давлением на идеологию человека.

Это противоестественное столкновение разумного и насильственного, в конце концов привело к отторжению большевистской болезни.

И как результат, возникновение националистического настроения, которое всегда проявляется в слабом звене государственности.

Примеров хоть отбавляй – стоит только оглянуться вокруг.

...И я вдруг подумал: «Пожалуй, автор песни о Сураие был прав, утверждая, что героиня гордо шла по хлопковому полю. У неё был повод «гордо» идти – на груди её красовалась медаль «Серп и Молот», а значит, она лучшая из лучших собирателей хлопка – она Герой Социалистического Труда!»

А может, она догадывалась, что заканчивается эра хлопководства, и скоро «Герои – труженики» исчезнут из её страны «Белого золота».

Зарисовка

Беременная,
переваливаясь гусыней,
тяжело вышагивает под обстрелом.
Еще не родившийся младенец –
уже участник войны...

Еще одна зарисовка

В клубе на аккордеоне
пел безногий инвалид,
как по лугу ходят кони,
как душа его болит.

А кругом жила эпоха –
никому не по уму...
Хорошо в ней или плохо
до сих пор я не пойму.

Наивный манифест

Дефицит по слезам,
по чувствам подлинным.
В мире подлунном,
в мире полуденном
сколько раз ни кричи:
«Сезам!..»,
не услышишь ответ.
Не откроются – заперты двери,
и не выскочит, щурясь на свет,
девочка с именем Вера...
Что же делать, как быть?..
Как вернуть эпоху наивную,
по-простому устроенный быт,
где никто никому не завидует
и человек человеку – родня...
Не от Вечности,
не с Пути Млечного,
а от печки плясать начни,
то есть, начни –
с себя.
Будто руки живые протер,
до любви первозданной зол,
видишь –
встал из золы костер,
из потухшей, казалось, золы.

Лира

**Поколение старшее
гибло на войне,
жизнь ведь – штука страшная,
а тогда – вдвойне.**

**И поэт вернувшийся,
горечью палим,
в слове разуверившись,
горькую палил.**

**В комнатенке муторной,
расчищая хлам,
лиру семиструнную
раздобыл я сам.**

**Мастером не ставленный
музыкальный строй –
как фальшиво, сдавленно
он звучал порой!..**

**В половодье силою
полнится река –
музыку красивую
выдала рука.**

**С тайною надеждою
вслушиваюсь в ночь,
в дверь услышать вежливый
стук совсем непрочь.
В мире на кумиров
не царит нужда...
Старенькая лира,
ты кому нужна?..**

*** * ***

**По небу проведи, Вергилий,
переведи через майдан –
вот снова мир людской повергнут
в безукоризненный бедлам.**

**И мысли только о насущном,
привычны будни похорон...
Вот на руинах ветер свищет,
на переправе ждет Харон.**

**Он, выйдя из оцепененья –
космат, неряшлив и костист,
миф о возможном возвращеньи,
гремя цепями, костерит.**

«Плодите и размножайтесь...»

Очень много людей
расплодилось – ей-ей!..
Нельзя шагу ступить,
чтоб этих гомо не зацепить.
Хитроумными были ахейцы –
схоронив под Акрополем сердце,
в дальних зёмлях решили развлечься:
ухватили, как цепкий кречет,
то ли славу, то ль мех овечий.
Где ахейцы, парфяне, троянцы,
где мужские суровые танцы?..
Флейты,
марши свистеть перестаньте:
тёмно, пусто в земном нашем стане.
Понимал что-то Папа Римский,
предъявивший арабам иски,
положивший на Гроб Господень
часть Европы и рыцарский Орден.
На кострах инквизиции столько
запалили!..
(Было бы толку).
Мор косил, разъедала проказа,
чумовая нас жрала зараза –
род людской не сдавался,
не глохнул...
Вот очерчен Америк контур.
Вроде нравы гуманнее, мягче,
мы гоняем не головы – мячики,
но Земли почти не осталось...
А над бездной звезда разгорается.
С пересохшим от ужаса нёбом
человечество смотрит в небо...
Ты молилась ли на ночь, звезда?..
«Неужели
они –
сюда?!..»

Если

Если срок придет умереть –
а завтра война,
Боже!.. Дай попотеть
еще, вне вечного сна.
Под пыткой корчиться,
воздух глотая,
от боли взывать...
Чем все закончится,
позволь мне узнать.

ФЁДОР ОШЕВНЕВ
(Россия, Ростов-на-Дону)

Болтыш и жаба
Рассказ

Конфликт этот стартовал в позднебрежневские времена.

У завуча-историка, в возрасте двадцати лет потерявшего на фронте ногу, ампутированную выше колена и, будучи еще начинающим педагогом заполучившего незавидное прозвище Раскладной – при ходьбе негнущуюся деревяшку приходилось выносить по дуге вбок, – было двое детей. По сути, из разных поколений. Дочь, пятидесятого года рождения, и сын, шестьдесят восьмого – когда он родился, дважды отцу уже стукнуло сорок четыре.

Последыша назвали Толей. Рос он вездесуще-суетливым, по любому поводу спеша высказаться. В каждой бочке затычка – это именно про него.

Впрочем, учился паренек почти на одни пятерки.

Еще с младших классов его, легко забывающего о своих обещаниях, окрестили Болтуном. Позднее прозвище это фатально переродилось в сходно-тухловатенькое – Болтыш: так называют неоплодотворенное, без зародыша, яйцо. Негожее ни под седку, ни в пищу. Толик не единожды дрался, не желая мириться с позорной кликухой. Раз даже к отцу воззвал: как бы от нее избавиться?

– А никак, – ответил тот. – Не удастся. По крайней мере, в этой школе.

– Между прочим, в нашей выучке тебя втихую тоже дразнят. Знаешь, кем? – раздраженно вырвалось тогда тайное у сильно раздосадованного мальчишки.

– Конечно, – разительно удивил его в ту минуту отец.

– И не обидно?

– Ну, еще бы... Ведь не сам же я себя по дурости ноги лишил. Или вот наш физрук Староконев – глаза. Ты про его-то прозвище в курсе?

– Ага. Косой. Говорят, вроде по пьяни прицелом на сук напоролся.

– Эх ты, охальник! Слышал звон... Василий Николаевич – фронтовой летчик.

После тяжелейшего воздушного боя – один против трех «мессеров» – чудом, с осколком в глазу, до своих дотянул, истребитель спас. Он этот осколок и им расположенный шлемофон как память о боевой юности хранит. Мы Родину от нелюдей защищали, а вы, по глупости малолетней да необъяснимой жестокости, за наши раны и кровь нас же – и носом в дерьмо. Не судите, да не судимы будете. Фраза хоть и библейская, а бесспорная. Впрочем... И с телесными изъянами надо стараться жить полноценно. Ну, а ты, сын, прозвище свое поделом заслужил. За язык без костей, за необязательность, за «и так сойдет».

– Но я ж не знал... – рефлекторно тронул мальчишка овальную плоскую родинку лентиги на левой щеке. – Про физрука, значит... А он сам не рассказывал... – окончательно съехал паренек с темы собственной кликухи.

– Зачем? Я ведь тоже всякому не объясняю, что в танке горел. Гадости же и про меня измышляют. Мол, во хмелю под поезд угодил и прочее в том же духе.

Толик смущенно отошел от отца...

Классным руководителем у мальчишки после «началки» стала русистка Алевтина Филипповна Полякова. Дородная с юности, она поначалу пыталась – впрочем, халтурно – бороться со склонностью к ожирению. Перепробовала кучу диет, с лентой иногда занималась гимнастикой... Однако после тридцати расплылась безнадежно. Вес женщины резво перевалил за сто кило, а на пухлом лице, обрамленном короткими светлыми кудряшками, обозначились обвисшие лоснящиеся щеки и вырос тройной подбородок, студнем сотрясавшийся при волнении. И никакие усилия – сдавливание теннисного мячика подбородком, медовый массаж, втирания всяких кремов и даже отчаянное лупцевание шейных складок скрученным в жгут мокрым полотенцем – к их исчезновению не привели.

Как и многие учителя той, да и иных российских школ, Полякова со временем заполучила прозвище. Не по характеру или сфере деятельности, а (так случается много чаще) по схожей наружности и весьма нелестное: Жаба.

Было время, когда она серьезно нацеливалась на место Раскладного, внушая на всех уровнях, что инвалид первой группы просто не в состоянии полноценно исполнять обязанности зав. учебной частью. Мол, здесь явно требуется кто-то и помоложе, и поздоровее. И что – ах, если бы только ей поверили и доверили...

Алевтина Филипповна даже пыталась надавить на директора школы и заврадионо через мужа – работника райкома. Не прокатило: директор, сам участник войны, прошедший ее в полковой разведке, натвердо придерживался иной точки зрения: в его школе всякий завуч должен быть только мужчиной!

Отношения у Поляковой с Толиком установились перманентно конфликтные. Начиная с того, что русистка яро не терпела забывчивости и трепа. Но главное: комплексуя по поводу неудавшейся педагогической карьеры и упорно продолжая считать, будто виновен в том именно не возжелавший «подвинуться» Раскладной, женщина свой субъективизм к отцу проецировала на сына. (Подобного рода поведение больше свойственно как раз детям, склонным переносить неприязнь к конкретному учителю на его предмет.) И стоило Толику в чем-то, пусть по мелочи, проштрафиться, классуха тотчас спешила наябедничать о поправлении школьных устоев начальнику-родителю, упиваясь недолгой специфичной властью над ним.

Вкушать это сладостное чувство винительнице ничуть не надоедало.

– Как же так? Вы – зав. учебной частью, опытный педагог, и нас, рядовых учителей, во всех вопросах воспитания должны направлять и поправлять... Сына же столь явно упускаете, – с наслаждением выговаривала Алевтина Филипповна Раскладному, вновь вторгнувшись на перемене к нему в кабинет. – Он же мне урок сегодня едва-едва не сорвал! Да! – И многоэтажный «бурдюк» русистики гневно заколыхался. – Убедительно требую уделять его воспитанию должный надзор!

– Нельзя ли поконкретнее? – прервал тогда историк поток возмущений.

– Можно и нужно. Значит, сегодня мы изучали фразеологизмы. В качестве одного из примеров я использовала идиому «кот заплакал». Пояснила, что хотя слезные каналы у кошек и есть, самих слез от них не дожدهшься. Отсюда и пошло упомянутое выражение, обозначающее ситуацию, когда кого-то или чего-то гораздо меньше необходимого или ожидаемого.

– Прошу прощения, – прервал мини-лекцию Раскладной. – А вот я где-то читал, что здесь имело место транслитерирование. То есть арабский оборот «коты наилак» – изначально лишь: «перестать получать достаточно денег», а по-нашему: «чтоб ты

жил на одну зарплату», передали буквами русского алфавита. Ну и потом еще подкорректировали. Только со временем смысл устоявшейся фразы почему-то резко расширился до значения мизерного количества уже всеохватно.

– В данном случае вариации генезиса не столь важны! – не позволила втянуть себя Полякова в этимологический спор. – Значит, я предложила подобрать синонимы к расхожему словосочетанию. Высказывались, надо сказать, активно. И «с гулькин нос», и «очень мало», и «всего ничего»... «Недостаточно», «на доньшке»...

– Ну, это-то я понял, – снова вклинился Раскладной. – Конкретно к Анатолию у вас какие претензии?

– Большие! – пришел в движение могучий подбородок. – Он на галерке сидит. Думал, не услышу. А я услышала! Знаете, что он ляпнул?

– Пока нет.

– Кот заплакал – кот накакал! Еще и с таким глубокомысленным видом! А весь класс триумфально ржал, громче табуна диких лошадей! Откуда в лексике шестиклассника, позвольте спросить, почти нецензурщина?

– Отнюдь. Вполне приличный глагол для обозначения естественных надобностей. По поводу же процитированной вами фразы – кажется, догадываюсь о ее корнях. У моей сестры сиамская кошка имеется. В кои-то веки нашли ей аналогичной породы жениха, случили. Ну, а одного мальчика из приплода придарили нам. Вот с переменным успехом учим теперь котика в противень с песком ходить, но вчера он посреди кухни нагадил. Ассоциация ясна?

– Да уж конечно! Только это вашего сына не оправдывает! И сегодняшний случай – вовсе не первый, когда он во время уроков несусветицы и завиральные идеи выкрикивает. Так дальше продолжаться не может! Еще скажите спасибо, что я пока до директора не дошла! А по большому счету давно следовало бы! Да!

Фронтоник, возраст которого на тот момент приближался к шестидесяти, классной руководительнице сына отнюдь не симпатизировал.

– Я-то, конечно, с ним поговорю, – пообещал он. – Но, на мой взгляд, вы опять палку перегибаете. Ничего такого, как вы утверждаете, чуть ли не криминального, Анатолий не совершил. Ну, брякнул с места глупость, так я и не оправдываю... Однако и вы не забывайте: ему всего-то двенадцать!

– Фундамент воспитания закладывается в детстве! Сами о том твердите! – ви-тийствовала Полякова. – Только к собственному сыну этот тезис почему-то не желаете применять! А он, чувствуя вашу поддержку, на голове готов ходить!

– Ну, это уж вы явно через край хватанули! Анатолий ничем не хуже сверстников! – возражал Раскладной.

– А должен быть примером для всего класса! – гнула свою линию Алевтина Филлиповна. – При таком-то заслуженном отце!

– В ваших последних высказываниях усматривается недобрая ирония. Ага, звонок. Что ж, напоследок – в коллекцию синонимов к заплакавшему коту. Две консервные банки плюс дыра от баранки. Извините, у меня урок...

«Банки-баранки... Яблоко от яблони... Не-ет, только к директору!» – распяляла себя не удовлетворенная разговором русистка, грузно топя по коридору.

Особо же следует рассказать, как в начале седьмого класса сын Раскладного угодил в серьезный переплет и разряд неблагополучных учащихся.

В один из сентябрьских выходных он собрался на новый фильм. Но в тот день даже до кассы кинотеатра не дошел. На подходе к нему попался на глаза хулигани-

стому дылде-девятикласснику из соседней школы, не подозревавшему, что перед ним – сын завуча, а то бы наверняка поостерегся связываться.

– Мелочишку на кинчишку... Ну-кась! Быстро карманы вывернул! – не особо страшась прохожих, в лоб потребовал дылда.

– У меня ровно себе на билет, – явно не спешил расстаться с деньгами Толик.

– В упор не колышет! – отрубил озлившийся девятиклассник. – Слышь, ты, чмошник тупорылый... Могу ведь для понятливости и по мордасам вкатить!

– Попробуй – пожалеешь... – решительно сжал кулаки Толик.

Но дылда «по мордасам» бить не стал. Он подло ударил несговорчивого паренька ботинком в пах. От дикой боли мальчишка моментально сложился вдвое, прижав ладони к ушибленному месту и тщетно пытаясь вздохнуть. Грабитель меж тем предприимчиво обшарил карманы жертвы, выудил несколько монет, разгреб их по ладони, деловито пересчитал.

– Вот выручил, – издевательски хлопнул он Толика по согнутой спине. – Теперь дуй домой и зубри, зубри, зубри. Ученье – свет, неученье – сумерки! Хо-хо!

И, донельзя довольный, поспешил к кинотеатру...

Жаловаться обиженный не пошел. Выслушал участливые слова двух параллельноклассников, наблюдавших бесчестный удар... А затем удачно отыскал на ближайшей мусорке кусок ржавой трубы-дюймовки с полметра длиной. Там же, в закутке, потренировался в обращении со своим «холодным оружием». Потом обернул его старой газетой и засел в засаде на лавочке.

Обидчика он нагнал в нескольких кварталах от кинотеатра, когда ничего не подозревающий дылда высматривал очередной объект для быстрого обогащения.

Трубой Толик с размаху врезал сзади. По затылку врага. Что есть силы.

Более чем удачно: девятиклассник неловко завалился набок, потом на спину. Пользуясь этим, ограбленный с прыжка безжалостно приземлился ему на гениталии.

– Понял теперь, как мне больно было? – уточнил он у скорчившегося в позе эмбриона жалисто взголосившего врага.

Улепетнуть вершитель справедливости не успел. Трое мужчин, один из которых оказался пенсионером МВД, привлеченные тоскливым воем поверженного, задержали драчунов, препроводив обоих в милицию.

Давно состоявший там на учете девятиклассник поначалу факт избиения и ограбления младшего отрицал. Однако свидетелей начальной фазы конфликта оперативно разыскали, и они стопроцентно подтвердили показания Толика.

В финале разбирательства принимала участие и Полякова. На следующий же день она наступательно высказывала свое «фу» отцу-завучу.

– С таких лет – и такая жестокость! – возмущалась Алевтина Филипповна. – Откуда? Напасть сзади, колотить люто, нещадно, металлом по голове! Он же человека убить мог! Да!

– Ну, а о том, что сей человек, который моего сына и старше, и сильнее, его раньше не менее жестоко избил, деньги отнял и кино лишил, вы почему-то забываете? Анатолий, в силу своих возможностей, нашел способ самостоятельно поквитаться с заведомо превосходящим его физически хулиганом! Заодно начинающему гопнику и мозги промыл... Уверяю: на будущее он трижды три раза подумает, прежде чем вновь решиться младших грабить!

– Однако каким именно образом ваш сын действовал! По сути, учинил форменный самосуд с явной опасностью для чужой жизни! Это не по-советски! Коль уж

так случилось – расскажи о том учителям, родителям. Они и будут принимать соответствующие меры. Кто ему мешал, если он знал, что хулиган на сеансе, быстренько домой возвратиться и об инциденте доложить?

– Скорее, заложить... Только кому? Мы с женой с утра к родственникам уезжали. В школе в воскресенье – разве сторож. Вашим же адресом сын не располагал. И даже если бы его выяснил, крайне сомнительно, будто из-за сорока-пятидесяти копеек вы бы немедленно помчались в милицию. Да и вообще: достойно он поступил! Как настоящий мужчина, не опускаясь до фискальства! Хотя признаю: палку перегнул. За что уже и поплатился. По полной программе.

– Как отпетый хулиган он поступил! Вы в корне неверно воспитываете сына! – школила завуча русистка. – Порочно! Несвойственно нашему строю! Да!

– Мне, как отцу и как педагогу, виднее!

– Я сильно в этом сомневаюсь!

– Ну, а я – нисколько! И по праву родителя сына защищать буду всегда!

– Были бы вы правы – не оказался б он на учете в милиции! – победоносно подытожила Алевтина Филипповна. – Жутчайший стыд и позор для нашей школы!

От дальнейшей полемики Раскладной тогда воздержался. Только губы сердито сжал и глубоко, страдальчески вздохнул.

Перенесемся теперь на несколько месяцев вперед.

Накануне Дня Победы Полякова запланировала читательскую конференцию «Великая Отечественная война в произведениях советских писателей». Толику же поручила, плюс к чтению наизусть отрывка из «Сына полка», еще и рассказать о боевом прошлом Раскладного. Ведь он оказался единственным в классе родителем-фронтовиком, остальные-то папы были гораздо моложе него. И надо же было так случиться, что подросток собирался поподробнее расспросить отца о пережитых баталиях именно накануне культурного мероприятия – чтобы назавтра в своем выступлении «по свежим впечатлениям» ничего не упустить, – и напрочь забыл подойти в тот вечер к родителю. Еще и книжный текст выучил через пень-колоду. Сама же классная руководительница захлопоталась, не проконтролировав малонадежного ученика. Впрочем, все это, как говорится, было бы еще полбеда, однако в класс – ну, совсем уж некстати! – нагрянул заврайоно.

Картина маслом...

– По обыкновению в своем репертуаре! – желчно распекала классуха Толика – пока один на один – после занятий. – Ни капли стыда! Да! Хоть кол на голове теши: никаких сдвигов к лучшему! Наобещает с три короба, а потом «с чистой совестью»: «Извините, заспал, упустил из виду, память отшибло!» Полнейшая безответственность! Интересно бы узнать: как ты дальше-то жить собираешься?

– Не хуже других, – насупленно огрызнулся семиклассник.

– Вот-вот! Не хуже! Свежо предание, да верится с трудом! – И огромный подборонок боевито заколыхался. – Э-эх, чудо беспоминное! Не выйдет из тебя ничего путного! Недаром Болтышом-то окрестили! Тоже никчемный и негодный ни на что растешь! Да!

– Ах, значит, я – Болтыш? – мгновенно ошетинился Толик.

– Во всяком случае, не я же тебе это зазорное прозвище прилепила, – саркастически усмехнулась Полякова. – Запомни: по заслугам и честь...

– Ага... Ладно... – И Толик раздумчиво коснулся крупной родинки на щеке: прыщичка-паразит. – Пусть я – Болтыш... – Подросток уперся в классную руководитель-

ницу упрямым жалящим взглядом. – Зато ты тогда – Жабба!

И после мини-паузы дерзко усугубил-утвердил, растягивая начальный согласный звук:

– Жжжаба! Жжжаба!! Жжжаба!!!

На какое-то время Алевтина Филипповна впала в ступор: застыла, надрывисто лова воздух ртом, с выпяленными глазами, исступленно сжимая пальцами классный журнал... Наконец, трудно сглотнув, рывкнула:

– Ты-и-и!

И со второй попытки неловко вскочила со скорбно скрипнувшего стула.

– Негодяй! Хам! Паршивец! Пошли! Бегом! К отцу!

Русистка воинственно стиснула тонкое запястье Толика своей крупной тестяной ладонью.

– Пусти! – упираясь всем худеньким телом, изогнулся мальчишка. – Не имеешь права! Хватать!

– Я т-те сейчас покажу права! – грубо поволокла его Полякова к двери в коридор. – Ты у меня в момент из школы вылетишь! Да! А-ай! – внезапно взвыла она: Толик впился зубами ей в руку пониже локтя, едва не прокусив до крови...

– Суть конфликта мне ясна, – выслушав обе враждебные стороны и внешне сохраняя спокойствие, заявил Раскладной, сидя за своим рабочим столом, перед которым угнездилась на стуле отчаянно трясущая подбородком Полякова и, набычившись, стоял Толик. – Сын, а ну-ка пойдди, погуляй пока в коридоре...

А когда мальчишка вышел, мрачно-раздраженно поинтересовался:

– Ну, Алевтина Филипповна, и как теперь из крайней ситуации выходить?

– И вы еще спрашиваете? – донельзя возмутилась русистка. – Для начала – пусть зарвавшийся мальчишка извинится! В присутствии всего класса! А дальше требую вынести этот вопиющий инцидент на заседание педсовета! Уж там-то живо дадут принципиальную оценку, в каком именно моральном духе зав. учебной частью воспитывает собственного сына! Да!

– Нет! Совсем не кругло выходит! – сгустил мечевидные брови Раскладной. – Как там у дедушки Крылова? «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Изначально-то ведь это вы Анатолия обозвали. И еще потом, разно-многократно. Плюс, непонятно по какому праву, посмели вслух перечеркнуть все его будущее. Ну и с чего вдруг такая уверенность, что мой сын в жизни ничего не достигнет? Где незабываемые на то основания? Лишь само время единственно и сможет рассудить, насколько вы прозорливы. Разумеется, личное мнение на сей счет вам никто не запрещает иметь. Но вместе с тем держите-ка его глубоко при себе! И – повторяю и акцентирую: зачинщиком конфликта явились именно вы!

Полякова при этих словах дернулась на стуле и слегка подалась вперед, явно собираясь возразить. Но Раскладной протестующее поднял руку.

– Минуту! Само собой, я сына ни в коей мере не обеляю, однако его выпад хотя бы объясним. Он ведь, как мог, защищался. И уж простите за эту параллель, примерно тем же макаром, как от хулигана, избившего его и обобравшего. Затевающий бой без правил всегда рискует огрести обратку на столь же беспринципный манер.

– По-озвольте! – в бешенстве взвопила Алевтина Филипповна. – За эдакое оскорбляющее сравнение... Я на вас! В суд! Иск!

– Без возражений, – хмыкнул, согласно разведя руками, Раскладной. – Только приплюсуем к словесным оскорблениям, что вы при любых обстоятельствах также

не были правомочны школьника, как преступника, за руку цеплять и тащить волоком. Это, пардон, никому не понравится, потому вас и укусили. А что Анатолию еще оставалось? Весовые категории разные, а чувство собственного достоинства, как и у любого другого, имеется. Вы же это чувство – через коридор, на виду у всех, волоком и в пыль растереть возжелали. Осознаёте?

Завуч повертел в руках толстый красно-синий карандаш, хмуро сунул его в гипсовый стаканчик с барельефным рисунком из ракушек.

– По справедливости если, так вы первая перед моим сыном извиняться должны, а уж он – следом. Только я уверен, что на это у вас мужества не достанет, хотя варварски нарушить каноны педагогической этики – пожалуйста. Так что вот вам мое предложение: забыть этот... ммм... схлест – другого слова и не подберу. Тем паче, что кроме нас троих о нем пока никто не знает и – со своей стороны могу вам твердо обещать – не узнает. Ну, а с Анатолием у меня дома состоится более чем серьезный разговор. И в чем он неправ, я ему сам подробно растолкую.

– Ни за что! – воинственно провозгласила Полякова. – Исключительно через педсовет! А за травму... – русистка еще раз продемонстрировала уже побледневшие следы укуса, – он у меня отдельно ответит! Если надо, и до района дойду! На сей раз сына, как обычно, не выгородите! Да!

– Архиглупо, –отреагировал завуч. – В таком случае вынужден буду поставить вопрос перед тем же районо, допустимо ли после содеянного вам заниматься педагогической деятельностью вообще.

– Вы... Вы его во всем покрываете! – задрожали шейные складки. – Используя служебное положение! А он уверен в безнаказанности за широкой отцовской спиной, вот и вытворяет... Такое!!! Я, к примеру, специально детей в другую школу отдала! Уж меня никто не упрекнет, что особые условия им создаю!

– Это сугубо ваше личное дело, – прокомментировал Раскладной. – А мне, знаете ли, удобнее, когда наследник под боком. На протезе-то далеко не разбежишься... Дочь, кстати, тоже у нас обучалась – и ничего, уже в люди вышла: институт окончила, работой довольна, прекрасная семья, сына-второклассника растит. Не отличник, но хорошист...

– Вы с больной-то головы на здоровую не переваливайте! – воинственно перебила Алевтина Филипповна. – Сейчас речь не о внуке, а о сыне вашем идет. До сегодняшнего дня меня еще никто и никогда в глаза Жабой не обругивал! Как у него только язык-то повернуться посмел?!

– А за глаза – в курсе? – жестко спросил завуч. – Или, может, будете уверять, что впервые в жизни о своем прозвище от Анатолия узнали? Что вы сами-то ему заявили? «По заслугам и честь», так? Так и кушайте то же с маслом, никуда теперь не денетесь. И он от ему прилепленного... по крайней мере, пока аттестат не получит. И я с наклеенным ярлыком помру, хотя, мыслю, ну никак его не заслужил. Про три четверти других наших учителей, в ту же линию «маркированных», сейчас промолчим. Поймите: с этим просто надо научиться жить, не принимая близко к сердцу. Однако остаюсь при своем мнении, что для школьника услышать его прозвище из уст педагога, а еще и классного руководителя, обиднее вдвойне и даже втройне, нежели наоборот. И руки нечего распускать! А теперь – скатертью дорога. Хоть в райком, хоть в обком, хоть на прием к министру образования!

«Тайну троих» сохранить-таки не удалось. Нетривиальный схлест выкатился за школьные стены, и судачили о нем многие. Однако подробности разбирательств

на директорском уровне и в районе широкой публике остались неизвестны. Достоверно лишь одно: вскорости Толика перевели в параллельный класс, в котором, отметим особо, Полякова не преподавала. И до самого выпускного бала подросток при встречах с бывшей классухой нарочито с ней не здоровался.

Время... Непреклонное бескомпромиссное время...

В тысяча девятьсот девяностом году Анатолий окончил Ярославское высшее военное финансовое училище, выслужив лейтенантские погоны, и был назначен на должность начальника финслужбы отдельного десантно-штурмового батальона.

Как раз тогда в России стартовала эпоха «горячих точек», и молодой офицер прошел их не одну и не две, повидав на своем веку немало такого, о чем еще долго не напишут открыто. В армии он получил и новое прозвище: Железный Финик.

После смерти его родителей – мать быстротечно съел рак, а немного погодя, вслед за нею в мир иной ушел и завуч-фронтовик, тяжело переживавший кончину супруги – бывший Болтыш на малую родину не приезжал много лет...

Но вот однажды, по весне за несбывшимся концом света, вдова и пенсионерка со стажем Алевтина Филипповна Полякова, страдавшая от целого букета болезней и потому ведущая малоподвижный образ жизни, сподобилась выйти на прогулку, заодно желая и прикупить кое-какую продуктовую мелочевку.

Доковыляв до главного райцентровского гастронома, женщина, вес которой вплотную приблизился к полутора центнерам, приостановилась, опираясь на клюку и астматично, с хрипотцой дыша. В эту минуту из дверей магазина вышел и спустился по облицованным клинкерной плиткой ступеням здания моложавый, но с густо серебриющимися висками подполковник-десантник в фуражке-аэродроме с высокой тульей. Остановившись неподалеку от Поляковой, он поставил на асфальт серый дипломат, достал зажигалку и пачку «Парламента»...

Алевтина Филипповна скользнула взглядом по мужской фигуре в ладно пригнанной военной форме – и вдруг углядела коричневатую-красную родинку лентиги на лице прикуривавшего. В аккурат на левой щеке. Присмотрелась повнимательнее... И сквозь толщу десятилетий внезапно проступил знакомый детский облик.

«Неужели он? Ведь определенно похож на отца!»

– Толя? – осторожно-полутвердительно спросила бывшая учительница.

Подполковник в свой черед затаенным прощупывающим взором нацелился на безобразно оплывшую сгорбленную старуху с рыхлым лицом, на котором сильно выделялись глазные впадины, а радужка самих глаз почти выцвела; с густо-морщинистой шеей, кажущейся утопленной в грудную клетку; с отечными деформированными суставами пальцев рук и слоновьими ногами. Глубоко, жадно затаился. Рефлекторно дотронулся до приметной родинки. Наконец кратко, отчужденно обронил:

– Да...

Подхватил дипломат. И стремительно зашагал прочь.

ВЛАДИМИР ГОМОЗОВ

Дикий пляж

Я вновь на пляже юности далекой
Как будто здесь я что-то позабыл...
Всходили здесь мои сырые строки
На гребнях волн, на пляже Загульбы.
Они со мной под солнцем загорали,
И рифмы, нежась на морском песке,
Со мной обнявшись, в море уплывали,
Чтоб вечером родиться на листке.
Мы это взморье «диким» называли,
И сами превращались в дикарей,
На этом пляже девочки сгорали
На солнцепеке юности своей.
Мы уносили в море их отважно,
А у костра хозяйничал Нептун,
Смотрел он в оба,
 чтоб на «диком» пляже
В порыве чувств никто не утонул.
И вот тогда я плавать научился,
Дельфином среди девушек нырять.
В одну из них тогда же и влюбился,
Но стали нас завистники «спасать»...
Теперь живет та девочка в Нью-Йорке,
А я на «диком» пляже в Загульбе
Ищу следы той юности далекой –
И прошлое опять живет во мне!..

Нам по пути

На Нефтяных нелетная погода.
На Нефтяных который день штормит.
Нам по пути, но нету вертолета,
И Абшерон по-прежнему закрыт.

Но мы с тобою облачность развеем –
Любую непогоду укротим.
Нам по пути, мы всё с тобой сумеем,
Мы всё сумеем, если захотим.

И пусть стоит нелетная погода –
Мы все равно с тобою улетим.
Для наших чувств не нужно вертолета,
Ведь нам с тобой по жизни по пути.

Ход времени

Летят листки календаря,
В небытиё летят они.
По капле тает жизни моя,
Идут на убыль дни мои.
А в этих сорванных листках
Чреда событий и времен:
Родился Пушкин, умер Бах,
Взошел на трон Наполеон...
Чреда побед, чреда потерь,
И снова буйная весна:
Гагарин в космос полетел.
Заколосилась целина.
И в единении знамен
Победно шествует страна.
Летят «Союз» и «Аполлон»,
В Берлине рухнула стена...
Летят листки календаря
Как сто, как двести лет назад,
Все так же вертится земля
Под календарный листопад.
Но снова осень моросит,
И снова тучи над страной,
Как будто сдвинулся с оси
Наш шар единственный земной.
И не поймешь, кто друг, кто враг,
Кто виноват, ошибся в чем?..
Но снова плещет в небе флаг,
И жизнь идет своим путем.
А за окном уже январь,
А за окном метель метет...
Купил я новый календарь –
И начал заново отсчет!..

Посвящение бакинскому бульвару

Бульвар моей жизни, бакинский бульвар,
К подкове своей ты меня приковал.
И нет в моей жизни подковы ценней,
Чем эта, в сиянье бакинских огней.
Нет, я не забыл, мой старинный бульвар,
Какими салютами ты полыхал –
Казалось, весь город в тот миг ликовал
На этих аллеях –
ты помнишь, бульвар?..

Бульвар моей жизни, бакинский бульвар,
Я поступь свою с твоим пульсом сверял.

К тебе приходил я с невестой своей,
Купался я с нею в пуху тополей.
Под ивой плакучей ее целовал –
Безумству влюбленных был отдан бульвар.

Бульвар моей жизни, тряхнем стариной –
Давай по душам потолкуем с тобой.
Я хлеба краюху с собою принес,
Решив накормить белокрылых стрекоз,
Твоих обитателей –

чаек твоих...

Видишь, как много слетелось здесь их?
Они все такие, как в те времена –
Не тронула крыльев годов седина,
Но ёкнуло что-то, замкнуло во мне,
Аукнулось прошлое в их белизне.
Скажи мне, бульвар – самый лучший из мест,
Свидетель свиданий, разлук и торжеств,
Ответь на закате оставшихся лет:
– Где нашей любви

сумасшедший рассвет?..

И где лабиринты каналов твоих,
И остров зеленый – тот рай на двоих?
Регаты, летящие вдаль по волне?..
Мы плыть перестали по чьей-то вине,
Летать перестали... Где нынче искать
Элиту твою, «королевскую рать»?
Прощай, ухожу я, мой старей бульвар!..
Последнюю корку я чайкам отдал...
Последнее слово теперь за тобой...
– Прощай!.. –

мне седой отвечает прибой...

Посвящение Шекспиру

Пусть лично с ним я незнаком,
Но все же кланяюсь Шекспиру
За то, что в творчестве своем
Воспел он Цезаря и Лира.

Раздвинул занавес времен,
Заставил плакать и смеяться,
И потому достоин он
Признаний наших и оваций!..

За возрождение эпох
Я ныне кланяюсь поэту!..
За выдох кланяюсь и вздох,
За Гамлета и за Джульетту.

Упрек классику

*...Беседа об исторических связях
азербайджанского и армянского народов,
Самед Вургун когда-то сказал:
«Мы живем не рядом, мы живем друг в друге...»*

**– Ошибся, видно, ты, Самед Вургун,
Когда сказал, что мы живем друг в друге,
И что твой город, солнечный Баку,
Всегда открыт для преданного друга.
Видать, ошибся ты, Самед Вургун,
Когда в овце волчонка не заметил,
Когда зашла отара в Зангезур,
И Гарабах стал вотчиной соседей.
Прости меня, великий мой поэт,
Прости за тень нависшего упрека –
Вон руки к морю распротер сосед,
Поправший нагло братские пороги.
У нас для всех была открыта дверь,
И, не таясь, мы хлеб и соль делили,
И боль, и смех. И мягкую постель
Мы на коврах своим гостям стелили.
Нас щедростью Аллах не обделил,
За доброту вознаградил богатством –
Земную твердь он нефтью напоил,
Омыл Хазаром наше государство...
Но ты, поэт, ни в чем не виноват,
Душой и сердцем чист перед народом,
И твой неугасающий талант
Вознесся до орлиного полета.
Ну, а сегодня, с этой высоты
Затянутого дымом небосвода
Твои, поэт, расстреляны мечты
Рукой того же «братского» народа.
Но нет – не ту избрали вы мишень!..
Не расстрелять бессмертие Вургуня,
И мы еще отпразднуем свой день
На родине Вагифа и Бюль-Бюля!**

АЛЕКСЕЙ САПРЫКИН – 60

В одном из публикуемых в этом номере журнала рассказов Алексея Сапрыкина есть такие слова : «...Он добровольцем пошел на войну. Потом его часто спрашивали:

– Зачем тебе это надо было?

– Как это зачем? – удивлялся он. – Я пошел защищать свой дом, свою семью...»

А. Сапрыкин защищал свою страну, свой народ, свою семью, он воевал в Гарабахской войне. Он был одним из тех, кто ходил в разведку, неоднократно бывал в тылу противника. Противника коварного, потому как бывший добрый сосед, вдруг, в одночасье, превратившийся во врага, особенно коварен. Ведь стал он им осмысленно и осмысленно, не только по командному велению, пошел на тебя войною.

А Алексею, русскому человеку, ходить в тыл врага было опасно вдвойне: попадись он, враг, маскирующийся христианскими идеалами, призывающий христианский мир к солидарности с ним, его бы не понял, пощады бы не было. Но он снова и снова, собрав мужество в кулак, отправлялся в тыл врага. Разведчик – это особый статус. Не зря говорят: «С ним можно идти в разведку...» С Алексеем Сапрыкиным в разведку ходили.

Вернувшись с войны, он написал о ней множество рассказов. Они составили целых два тома его произведений. Многие из тех рассказов публиковались и в «Литературном Азербайджане».

Алексею Сапрыкину, писателю, актеру театра Русской Драмы исполнилось 60 лет. Адаптация к мирной жизни людей, прошедших через войну, видевших смерть, всегда проходит сложно.

И писатель Алексей Сапрыкин постепенно к ней привыкает. Теперь он, как писатель, разведывает мирные пласты жизни. Он снова как бы в разведке, но в этой разведке опасность и удача находятся уже внутри самого писателя. Он сам себе противник и напарник.

Поздравляя Алексея с Днем рождения, мы предлагаем читателям несколько рассказов нашего давнего автора, желаем ему здоровья, мира, счастья и удачи его семье.

Чёрное и белое

Сентябрь неторопливо бродил в осеннем камуфляже. Трава под ногами была ещё зелёная, а деревья и кусты уже покрылись всеми оттенками желтизны, местами переходящей в тёмно-красную гамму. Даже летом в этих местах было жарко днём и холодно ночью. А теперь сам Бог велел. В землянке ротного было тепло. Треща и гудя, пылала печь. Рахман помешивал кочергой прозрачные, налитые золотым жаром головешки, курил сигарету за сигаретой и думал. За два дня на их спокойном участке обороны снайпер сбил одного офицера, двух сержантов и двух бойцов. Работал снайпер хорошо.

– «Почему, собственно, снайпер? – подумал вдруг Рахман, – по правилам снайпер работает с напарником в паре. Значит их двое? Чёрт!»

Утром он собрал на инструктаж всех командиров и поставил задачу создать группы наблюдения по всей линии обороны. Смотреть в оба! Вести себя тише травы, ниже радара, и прекратить любые шатания на позициях. Весь день Рахман переходил от одних наблюдателей к другим. Всё было тихо, и только под вечер снайпер проявился. Один из наблюдателей не очень осторожно решил сменить позицию и получил пулю. К счастью, в момент выстрела боец споткнулся, и пуля, пробив шапку,

вырвала клочок волос и оцарапала макушку. Крови было много, а толку мало. Парня перевязали и отправили в тыл. Рахман, дав ряд поручений офицерам, вернулся в землянку. Пока боец разводил огонь в печи, он стал чертить план определённого участка. Через некоторое время подтянулись офицеры. Они доложили, на каком участке были потери от снайпера, приблизительное направление стрельбы, время и обстоятельства. Обложившись полученными данными, Рахман долго колдовал над планом участка. В конце концов, он вычислил примерное место расположения вражеских снайперов. Кое-что нужно было уточнить, но это уже завтра, а пока он рисовал карточки огня для своих бойцов. Он вспомнил слова своего преподавателя:

«Разработка любой операции – это умение сложить воедино многие «мелочи» и максимально устранить случайности».

Чуть рассвело, а Рахман уже был на НП. Вооружившись биноклем, он жадно стал осматривать место предполагаемого нахождения снайперов и делать пометки на своём плане. Это был небольшой скальный участок, поросший густым ельником. С левого фланга ельник переходил в смешанный лес, чем дальше, тем более редкий. С правого фланга небольшое скальное плато через пару десятков метров резко обрывалось в глубокую расщелину. Рахман до боли в глазах всматривался в каждую скалу, в каждую ёлку, прекрасно понимая, что, конечно же, снайпера так не обнаружить. А вдруг?! Как только солнце поднялось, и его лучи стали заливать скалы и бить снайперов по глазам, Рахман решил провести задуманный эксперимент. Наблюдатели устремили свои взоры на место предполагаемого нахождения снайперов. По команде двое бойцов приподняли чуть больше, чем нужно, каски, надетые на черенки лопат. Два выстрела щёлкнули как удар бича почти одновременно. Сбитые каски покатались по дну окопа. Как ни старались наблюдатели, они не увидели вспышек выстрелов, но направление было определено верно. Рахман подал команду, и группа бойцов стала скрытно выдвигаться по левому флангу к смешанному лесу. Чуть пропустив их вперёд, стали выдвигаться две остальные группы. Рахман шёл по правому флангу. И почти сразу, с закрытых позиций заговорил АГС. Первую банку стрелок выпустил короткими очередями. Вторую – точечно-одиночными выстрелами. Третью – опять короткими очередями. Как только группы достигли исходного рубежа, АГС по команде замолчал. Бойцы всех трёх групп короткими перебежками двинулись вперёд. Прозвучало несколько выстрелов. Двое бойцов были легко ранены. В ответ залёгшие бойцы стали бить из подствольных гранатомётов. Через некоторое время воцарилась тревожная тишина. Бойцы стали выдвигаться вперёд. Первым снайперов увидел один из резвых бойцов.

– Они здесь! – закричал он.

– Не стрелять! – несколько раз крикнул Рахман.

Через несколько метров Рахман увидел их. Возле замшелого, иссечённого осколками камня сидели две небольшие фигуры в камуфляже. Неподдалёку валялись две разбитые винтовки.

«Что же они такие хлипкие?» – мелькнула мысль у Рахмана.

Подойдя чуть ближе, он понял, в чём дело. Перед ним сидели... две девчонки, лет двадцати с небольшим. Одна – светленькая, другая – тёмненькая. Обе с короткими стрижками и в разорванных местах камуфляжах.

«Какая же мерзопакостная штука война! И какая странная эта штука – жизнь. То чёрная полоса, то белая. А бывает вместо белой и серая. Но основные: чёрная и белая».

Беленькая сидела, опираясь на подругу. Она зажимала правое плечо и между пальцами сочилась кровь. По измазанному лицу текли слёзы. То ли от боли, то ли от страха. Её темноволосая подруга полуобнимала напарницу, бросала злобные взгляды на приближающихся бойцов и периодически цедила сквозь зубы:

– Не реви, дура. Не реви.

Понимая состояние своих бойцов, Рахман пытался их успокоить, представляя, что могут сделать с этими девчонками его бойцы. Но он прекрасно понимал, остановить бойцов, на глазах у которых были ранены двое парней, практически будет невозможно. Чёрненькая тоже ощущала всю напряжённость момента. И в тот момент, когда бойцы были готовы броситься вперёд, чёрненькая обняла одной рукой подругу и проговорила:

– Прости.

Беленькая удивлённо взглянула на неё, и в тот же момент чёрненькая из-под руки выстрелила ей в сердце. Все оторопели. А девушка, зло посмотрев на окружавших её бойцов, выругалась на одном из языков «братских» прибалтийских народов и выстрелила себе в сердце.

– Займись ими, – дал команду взводному Рахман, повернулся и пошёл к своим позициям.

Остановившись, он запрокинул голову и тупо уставился в небо. Грустные барашки серых тучек торопливо набегали на обосновавшееся было на небе солнце. Заморосил нудный холодный моросятник. Настроение у погоды быстро портилось, как и настроение Рахмана. В голове роились какие-то непонятные мысли.

«Чёрная и Белая. Станные всё-таки существа, эти женщины. Застрелиться в голову более надёжно. Но она не могла испортить лицо. И после смерти женщина должна выглядеть красивой. Надо было бы ещё глаза подвести и губы накрасить... Вот тебе и женское начало. Чего им не хватало? Адреналина? Романтики? Денег? Молодые девчонки. Им бы на свидания бегать, любить, замуж выйти, детей рожать. А они? Срываются, куда-то едут. Тоже мне «белые лифчики», «чёрные колготки». Мать твою! Чёрная...Белая...»

Памяти Актёра

Товарищу по цеху Ю.В.Трубину

Умер Актёр...

Старуха смерть не раз подходила к нему очень близко, но каждый раз ему каким-то чудом удавалось обмануть её. Она понимающе ухмылялась и отступала. Большую часть времени он теперь проводил на диване. Сидя. Лежать ему было трудно, он всё время задыхался. Особенно трудно было по ночам. Он подставлял к дивану стул, опирался на него и с нетерпением ждал утра, изредка забываясь в туманном полусне. Днём он старался хотя бы ненадолго выйти из дома. Прогуляться. Иногда до магазина. Иногда бесцельно. Ему казалось, что на улице с ним ничего не может случиться. Что эта Старуха не осмелится сделать своё дело на улице. Порой он целый день сидел у окна и вспоминал свою жизнь. Получив режиссёрское образование, он поколесил по городам и весям, пока не оказался в этом южном городе. Ставил спектакли, служил актёром. А ведь неплохие работы получались. Спектакли и роли мелькали как в калейдоскопе. Русская и зарубежная классика, пьесы совре-

менных авторов, сказки. Он вновь и вновь проигрывал всё это в своей голове. Устав, он откидывался на спинку дивана, пытаясь немного отдохнуть. И тут накатывалась липкая, зелёная тоска. Такая тоска наваливалась, когда заканчивались ёлочные компании или сказочный карнавал. Затихают шумные улочки, пустеют залы, порывы ветра гонят оборванные афиши, бумажные гирлянды, серпантин, конфетные обёртки, сброшенные маски, жалобно скрипит старая вывеска, под ногами мандариновые шкурки, пустые алюминиевые банки и при всём при этом какая-то непривычная тишина и полное недоумение: «Неужели всё это закончилось?» И сердце сжимается как-то растерянно и непонятно. И очень грустно. Вот и сейчас он с сожалением смотрел на эти старые выцветшие обои, чёрные разводы в углу от протекающей крыши, понимая, что вряд ли он сумеет сделать ремонт. Не хватит ни сил, ни денег. Десять лет он ухаживал за больной мамой, всё надеясь, что она скоро встанет, и тогда он сразу сделает ремонт. Но не получилось. Ни одно, ни другое. Болячек становилось всё больше и больше, а работы и денег – всё меньше и меньше. Хорошо ещё не забывал сын, забегающий по возвращению из своих многомесячных плаваний, да старая подружка, учительница, присылающая ему обеды. Он всё время с нетерпением ждал телефонных звонков. А их становилось всё меньше и меньше. Он всё прекрасно понимал, но от этого не становилось легче. Поэтому он так старался наговориться когда всё-таки звонил телефон. А потом долго сидел, переваривая ещё и ещё раз весь разговор, не замечая ни старых обоев, ни грязных стёкол, не видя ничего вокруг. Потом ему поплохело, и сын успел перед очередным выходом в море положить его в больницу. Его подлечили, и казалось, что теперь всё будет хорошо. Друзья уже решали, в какой санаторий отправить его по весне. Но не успели. Старуха подкралась к нему, когда ночь осторожно начала переходить в утро. «Ну, вот, кажется и...», – только и мелькнуло у него в голове. На этот раз старуха-Смерть всё-таки забрала его с собой.

Актёр умер...

Рябиновый багрянец

Обычно накануне юбилея известной личности средства массовой информации начинают публиковать воспоминания современников, отрывки из произведений, хвалебные статьи. Вот и теперь, в юбилей Сергея Есенина, я тоже решил внести в это дело свою маленькую лепту. Эта история случилась много лет назад, в славные советские времена.

В восьмидесятые годы в посёлке Мардакяны было решено построить макаронную фабрику. Кому же строить, как не итальянцам? И в Мардакянах высадился десант итальянских специалистов. Возглавлял их инженер по имени Карло. У наших людей он получил прозвище – папа Карло. Имея первоклассное оборудование и работая как «ударники капиталистического труда», питомцы папы Карло закончили работу качественно и в срок. Фирма «Замбони» была на высоте. Технологическая линия длиной более ста метров и высотой с трёхэтажный дом работала как часы. И через четырнадцать часов после загрузки высококачественного сырья, на финише операции, выходили различные макаронные изделия. Но стоило чего-то не доложить, как начинали реветь сирены, и вся линия останавливалась. Это не устраивало тех, кто принимал работу. И было решено: после официальной приёмки объекта вызвать

местных спецов, чтобы исправить создавшуюся ситуацию. Итак, наша бригада монтажников прибыла на фабрику со своим «доисторическим» оборудованием. Времени было мало – работы много. Пришлось обжиться в административном корпусе, дабы не ездить домой и не терять время.

В один из жарких летних вечеров, успешно поработав, бригада отправилась отдыхать. Начальство устроило очередной «банкет», но у меня не было желания работать утром с головной болью, и я решил побыть один и немного почитать. Не зря за пристрастие к чтению меня в бригаде прозвали «Профессор Пеночкин». Заварив чайку, я взял первую попавшуюся книгу, открыл её и стал читать. Стихи не всегда попадали под настроение, и сегодня был именно такой случай. Сейчас было не до стихов Есенина. Я стал перелистывать книжку, нашёл фотографию Сергея Есенина 1925 года. Взгляд задержался на этой фотографии. В дверь постучали.

– Да, – отозвался я, продолжая рассматривать фотографию.

Дверь приоткрылась.

– Можно?

– Войдите.

Я поднял голову и оторопел. Передо мной стоял... С. Есенин с той самой фотографии.

– Ради Бога извините, но, по-моему, я заблудился. Никак не могу найти выход.

– ?!?!?!...

– Ещё раз простите за беспокойство...

– Ну что вы, – пробормотал я, – проходите, Сергей Александрович, вы меня абсолютно не беспокоите.

– Вы меня знаете? – удивился гость.

– Да вот, читаю ваши стихи, – и протянул ему книжку.

Есенин взял книжку и стал её перелистывать.

– Да вы проходите, присаживайтесь, – пригласил я.

Продолжая рассматривать книжку, он присел на краешек стула.

– Ты посмотри, какое хорошее издание. Год издания – 1962? Не понял! Это как?

– Здесь много чего непонятного, – ответил я, пытаюсь взять себя в руки. – Без поллитра точно не разобраться.

– Ну, вот это как раз не проблема. Я же, собственно, за этим и пошёл. И нашёл очень симпатичный винный погребок хозяина дома. Я – сейчас.

Когда он вышел, я попытался привести мысли в порядок.

«Надо успокоиться! Ну, переработали. Ну, показалось. А как же иначе? Вот она, волшебная сила искусства! Будет, что завтра мужикам рассказать. Стоп! А может, это просто розыгрыш? Кто мог это проверить? Чёрт! И подумать-то не на кого. Из знакомых никто этого сделать не мог. Может, договорились с кем-то из актёров? Но у нас нет такого типажа. Да и грима я не заметил. Ладно, посмотрим, что будет дальше».

В дверь опять постучали.

– Да, войдите, – напряжённо ответил я.

В дверях появился Есенин с литровой бутылкой какой-то бесцветной жидкости.

– Будем пить тутовку. Хозяин порекомендовал. Вы как?

– В общем-то, я – за. Кстати, меня зовут Алексей.

– А меня Сергей. Вот и познакомились.

– Да, столько лет знаком с вашим творчеством, наконец познакомился лично.

- В смысле?
- Мы ваши стихи ещё в школе проходили.
- Не понял.
- Чего же тут непонятного? Вы – классик советской литературы, и ваши произведения проходят в школе уже много лет.
- Много лет? А ... какой сейчас год?
- 85.
- Какой??? – оторопело спросил он.
- 1985.
- Так. Стоп! Сейчас 1985. Книжка выпущена в 1962. Ерунда какая-то. Здесь точно без поллитра не разберёшься. Наливай!
- Вот только с закуской у меня напряг.
- Да вот же яблоки есть. Думаю, нам хватит. Мы же русские люди. Да и с чего здесь напиваться?
- Всё-таки чача – крепкая штука! Особенно, когда гонят для себя и из закуски только яблоки.
- Ну что, Лёха, после первой и второй – промежуток небольшой. Наливай! Несколько минут мы провели в молчании, похрустывая яблоками.
- Теперь давай разбираться. Я пошёл в винный погреб, куда меня отправил хозяин дома, где я остановился. Потом я вышел, но дверь не нашёл. Я пошёл по коридору. Две двери были закрыты. Я постучал в третью, и вот я здесь. Понятно. То есть, не совсем понятно. Точнее – совсем непонятно. И главное: вышел в 1925 году, а пришёл в 1985! Чертовщина какая-то. Тебе не кажется?
- Говорят, когда кажется – надо креститься.
- Ну, это не проблема, – сказал он и трижды перекрестился.
- Получается, что не кажется. Тогда не знаю... Может быть, вы попали во временной портал?
- Это как? – удивлённо спросил он. И после небольшой паузы продолжил: – И давай перейдём на ты. Мы с тобой одного возраста.
- Давай перейдём. Через временной портал за счёт искривления пространства и времени можно попасть в будущее или в прошлое. Ты попал в будущее.
- Но так не бывает!
- Значит, бывает. Ты же здесь. Есть ты. Есть я. Есть книжка твоих стихов тридцатилетней давности. Есть бутылка чачи, наконец. Хотя, честно говоря, я и сам никак не пойму, как это произошло.
- Временной портал! – улыбнулся он.
- Точно. Серёга, наливай. А почему ты написал так мало прозы? – решил я «взять быка за рога».
- Стихи у меня получаются лучше. Проза слабенькая.
- Я, конечно, не большой специалист, но мне очень понравилось. Мне чертовски нравится, как ты нанизываешь жемчужинку слова на паутинку дождя, на лучик солнца или на струйки времени.
- Весьма поэтично. Ты, случайно, стихи не пишешь?
- Да нет, конечно. В юности пытался что-то писать, как и все мы. Даже написали с друзьями пару песен, но всё это, конечно, несерьёзно. Дело надо делать либо хорошо, либо совсем не делать.
- А я, кроме как писать стихи, больше ничего не умею, – грустно произнёс Есе-

нин и, ненадолго задумавшись, произнёс: – Мне кажется, что наши стаканчики высохли. Продолжим.

Захрустели яблоки.

– Мне, право, неловко. Тебе, наверное, надоели такие просьбы, но я возьму на себя смелость попросить тебя что-нибудь почитать из твоих стихов.

– Зачем же так витиевато? Будь проще.

Несколько мгновений он грустно смотрел на меня, а потом начал читать. Первые же строки завораживали. Чем дальше он читал, тем больше загорался изнутри. Сказать, что это было потрясающе – значит, ничего не сказать. Слова растекались и заполняли всю комнату, и комната наполнялась рябиново-багряным цветом. Какие-то стихи были давно знакомы, какие-то, казалось, я вообще никогда не слышал. Но один к одному они складывались в волшебную мозаику. Внезапно он сделал паузу, сделал большой глоток и, лукаво глядя на меня, стал читать любовную лирику. Мне казалось, что я парю в багрянце безвоздушного пространства. Как он читал! Это был совсем другой человек! Вроде бы тот же самый, но, по сути, совсем другой. Он был прекрасен. Я слушал стихи Великого Поэта из его уст! И закончил он «Персидскими мотивами». Благодарить было как-то неловко, да и глупо. Мы немного помолчали. Он разлил остатки тутовки по стаканам и произнёс:

– За любовь!

– А ты помнишь Като? Учительницу из Батума?

– Като? Это сестра Шаганэ? Такая милая девочка.

– Она на тебя здорово обиделась.

– Она-то за что? – встрепнулся он.

– Ты не посвятил ей ни одного стихотворения, в отличие от её сестры.

– Но согласишься, я же не мог посвящать стихи всем девушкам, с которыми общался.

– Наверное. Но, в общем-то, это было бы здорово.

– И сильно она обиделась? – спросил он.

– Куда уж сильнее. В 1965 году она даже не приехала на юбилейные торжества.

– В каком году?

– В 1965.

– Да, да, я забыл. Ведь сейчас 19..

– 85 год.

– Ну да. Я забыл... Временной портал... Чёрт! И выпить больше нечего... Пожалуй, схожу ещё за одной.

– А может, не стоит? По-моему, хватит.

– А по-моему, нет. Я быстренько.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Глаза слипались, и я присел на кровать. Я не заметил, как сон сморил меня. Проснулся, как от толчка. Сел на кровати. Светало. В комнате, тая на глазах, курился рябиновый багрянец. В голове завертелись сумашедшие мысли.

«Так, странный тающий багрянец. Тутовка. Стихи. Есенин. Стоп! Бред какой-то. Наверное, приснилось. Но цвет? На столе пустая бутылка, два стакана и тарелка с двумя яблоками! Значит, не приснилось? Но этого быть не может. Но стихи-то были! Значит, был и... Есенин? Точно, бред! Может, я просто перепил? Но с кем? И откуда эта бутылка? Чертовщина какая-то!»

Я встал, стараясь привести мысли хоть в какой-то порядок. Подошёл к столу,

взял сигарету. Взгляд упал на страницу раскрытой книги. Рука с зажигалкой повисла в воздухе. На открытой странице, наискосок через всю фотографию, я прочитал:

«Алексею с наилучшими пожеланиями от автора.

С. Есенинь.

Пос. Мардакяны.

1925-1985 г.»

P.S. А технологическую линию мы всё-таки перевели на социалистические рельсы.

Фантасмагория

Они оба родились в этом городе. Здесь жили их родители. И родители родителей. По пыльным солнечным улицам они бегали в школу. Казалось, только недавно они поступили в школу и вот уже выпускные вечера, расставание с любимой школой и встреча рассвета на Приморском бульваре. Они встретились в Театре, случайно, а может быть и нет, и «конечно же, сразу полюбили друг друга». Как было здорово! Молодость, любовь, театр! Чего стоили посиделки после репетиций, – хорошая музыка, стихи любимых поэтов, сухое вино, танцы до упаду. Всё было так искренне, что иногда даже не верилось: неужели так может быть? Может! Время шло своим чередом. Все переженились. Обзавелись детьми. Кто-то успел развестись. Как потом выяснилось, они остались единственной не разбежавшейся парой! Не зря про них говорили: «Люди, ушибленные любовью». А время всё шло и шло. Потом подул ветер перемен. «Процесс пошёл». Наступило смутное время. Страну охватили революции, смены режимов. Стали уезжать лица некоренной национальности. К счастью, не началась гражданская война. Хватило ума. Зато началась другая. Враг захватывал районы этой благодатной страны. Он добровольцем вступил на сцену этого театра Абсурда. Потом его часто спрашивали:

– А зачем ты пошёл? Тебе это надо было?

– Я пошёл защищать свой дом, своих детей, – удивлённо отвечал он.

Из Театра Абсурда он вернулся в свой Театр. Стал писать. Вроде бы, получалось неплохо. Его даже печатали.

Страна богатела. Точнее, кто-то богател, а кто-то – наоборот. Менялась идеология. С минаретов всё громче пели муэдзины. Опять стали звучать слова: «...езжай в свою Россию». И вот нашёлся один очень умный господин, который, прикрываясь благими целями, закрывает старый Театр. Но поскольку всё пока должно выглядеть пристойно, труппа переводится в другой Театр. «Для усиления коллектива!» Жизнь становилась всё лучше и лучше... для одних, и всё хуже и хуже для других. Прошло ещё несколько лет. И тогда другой очень умный господин в один прекрасный момент решил, что в этой стране такой театр не нужен. Для кого? Ведь почти все уехали. А тех, кто ещё остался, так мало, что обойдутся и без театра. И театр закрыли, а людей выбросили на улицу. Молодые ещё могли бы куда-то устроиться, а как быть тем, кому до пенсии осталось совсем чуть-чуть? Да за ради Бога! Выживает сильнейший. И стали они искать работу. Да куда там? Кому нужны люди предпенсионного возраста, да ещё практически не знающие государственного языка?

Пение муэдзинов с каждым днём всё больше заглушало звуки большого города.

Выживать им помогали сердобольные соседи, прожившие с ними бок о бок всю

свою жизнь. Но и им самим нужна была помощь. Она умудрялась из ничего создавать потрясающие блюда. Она была Хозяйка – волшебница. И продукты, и работу надо было ещё найти...

Они вернулись домой в сумерках. Весь день они бродили по городу, пытаясь найти хоть какую-нибудь работу. Но как ты её найдёшь, если тебе уже шестьдесят? Пенсии ещё нет, хотя стажа хватает на две пенсии, но возраст не вышел. Работы уже нет. И вряд ли будет. Вот и приходится мыкаться в поисках хоть какой-то работы. А вдруг?!

Они везде ходили вместе. Он не мог оставить её одну. Она и не хотела оставаться без него. У них больше никого не было. Так уж случилось, что на этом свете они остались одни, совсем одни.

Когда они вернулись домой, оказалось, что дверь заперта изнутри. На их стук дверь открыл здоровенный бородач. Они вошли и остолбенели. По их квартире, в которой они прожили всю свою жизнь, бродили какие-то молодчики. Вещи были разбросаны по всему дому. Он возмущился этому беспределу. Но здоровяк, взяв его за грудки, сильно прижал к стенке и, нагло глядя в глаза и дыша перегаром, сказал:

– Это наш дом. Теперь мы живём здесь. Убирайтесь отсюда.

Их окружили нагло ухмыляющиеся молодчики.

– Позвольте нам забрать кое-какие вещи.

– Вещи нэт. Это наше.

– Простите, но ...

– Давай быстрее, и убирайтесь отсюда.

Он взял коробку с документами, до которой ещё не добрались молодчики, диски с текстами, трубку с остатками табака. Она успела вытащить из рамок несколько фотографий любимых детей. Громила порылся в коробке с бумагами и с сожалением цыкнул. Не было у них ювелирных изделий. Кулончик с цепочкой из белого золота и скромное колечко с малюсеньким бриллианчиком они давно уже продали. Двери за их спинами захлопнулись. Так они и стояли какое-то время с маленьким целлофановым пакетиком.

– И куда мы теперь? – уставшим голосом спросила она.

– Что-нибудь придумаем. Будем живы – не помрём, – ответил он своей любимой присказкой, пытаясь хоть как-то успокоить её.

Они сидели на парковой скамеечке, недалеко от фонтана, курили две последние оставшиеся сигареты и пытались найти хоть какой-нибудь выход. В этом парке особенно отчётливо слышалось пение муэдзинов. Мечеть была совсем рядом.

Идти им было некуда. Друзей у них не осталось, кто-то уехал, кто-то не прошёл естественного отбора. Знакомым они не хотели доставлять неудобств. Они ведь знакомые.

– Ты знаешь, – проговорил он, – здесь недалеко есть офис какого-то международного гуманитарного союза. Давай сходим.

– Не верю я им, не думаю, что они нам помогут.

– Верю, не верю! Вдруг помогут. Спать-то где-то надо.

У неё на глаза навернулись слёзы.

– Господи! Да за что же нам всё это?

– Перестань, родная, успокойся. Всё будет хорошо. Вот увидишь.

Встретили их действительно хорошо. Усадили, напоили чаем с бутербродами. Когда они стали заполнять анкету, в графе профессия, они написали – актёры. Во-

лонтёры оживлённо залопотали.

– Он ещё и писатель, – гордо сказала она.

– Военный писатель, – поправил он, – впрочем, кому это надо?

Им выдали байковые одеяла и показали койки в комнате. Сегодня, кроме них, никого не было. То ли все уже уехали, то ли ещё не дошли до офиса. Бог их знает. Посидев около неё, он подождал, пока она уснет, и вышел покурить. Сил у него больше не осталось.

Утром, позавтракав, они отправились в город. Попрощаться. Вечером они должны были навсегда покинуть этот город. Эту страну. Хотя город был ни в чём не виноват. Не торопясь, они бродили по узким улочкам этого южного города. Вот это место первого свидания, в этом садике они любили посидеть на своей скамеечке, вот здесь жили старые друзья, и здесь, и здесь. Здесь они заключали брак, а в этой школе учились их дети. Вот центральная улица, по которой раньше удавалось пройти с большим трудом: здоровались почти с каждым встречным, с каждым вторым останавливались и болтали. Да и улица теперь была не та. Модные дорогие магазины, зачищенные до белизны стены домов и чёрная гудящая толпа. Дольше всего они пробыли около своего старого Театра. Она не скрывала слёз, а он пыхтел своей трубкой, стараясь скрыть набежавшие слёзы. В каждом месте, которое они посетили, они оставляли частичку себя. И становилось так тоскливо, что просто хотелось выть. Выть ранеными одинокими волками.

На пирсе собралось довольно-таки много народа. У кого-то были чемоданчики, у кого-то вообще ничего не было, как у них. Всех их объединяло одно – серые скорбные лица. Кто-то плакал, кто-то пребывал в протрации. И только глаза – пустые и отрешённые. Хорошо ещё, что из провожающих были только волонтёры и больше никого. Не было той жаждущей крови толпы, как в последний раз, когда людей также вывозили с этого причала. Да и корабль был тот же. Когда-то самый большой корабль этой флотилии, а сейчас – ржавый пенсионер, доживающий последние дни. Они поднялись на корабль в числе последних. Вот уже подняли трап. Отдали швартовы. И корабль, дав прощальный гудок, пошёл к выходу из бухты. Они стояли на верхней палубе, прижавшись друг к другу, и смотрели на удаляющийся берег. Чёрная грозовая туча накрыла город. Дождь, забивающий пение муэдзинов, пустился догонять корабль. Задул норд. Знакомые с детства звёзды, прощаясь, мелькали в последний раз и прятались в набегающих тучах.

Он нежно погладил её по щеке. Заглянул в усталые, но такие любимые и родные глаза.

– Я люблю тебя, – сказал он. И обнял.

Из её глаз потекли слёзы. Она не знала, отчего плачет. От радости или от горя. Она сильнее прижалась к нему и прошептала.

– Я тебя люблю. Очень. Очень.

Отстранившись, они несколько мгновений смотрели друг на друга, стараясь запомнить каждую клеточку родного лица. Потом, взявшись за руки, взглянули в небо и, сделав глубокий вздох, шагнули за борт...

Его сердце не выдержало, он с детства боялся высоты.

А она просто не умела плавать.

НАМАЗ МУСТАФАЕВ

АЗЕРБАЙДЖАН И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.В.БАГРИЯ

(125-летию профессора А.В.Багрия посвящается)

На современном этапе развития общества в этом глобализирующемся мире наблюдается противостояние религий, растет национальная нетерпимость, расширяется география терроризма, увеличивается количество региональных военных конфликтов.

Поэтому особенно актуален вопрос взаимодействия, расширения диалога между народами.

Исторически в Азербайджане, в благоприятных условиях дружбы, братства и взаимопонимания совместно проживают представители различных религий. Все они прекрасно адаптировались и развивают свою культуру. Это является следствием толерантности, миролюбия, благожелательного отношения азербайджанского народа к другим этносам.

В новых условиях национально-культурного развития особое значение имеет впервые принятое и поддержанное всем азербайджанским народом Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 11 января 2016 года «Об объявлении 2016 года в Азербайджанской Республике Годом мультикультурализма», которое является призывом к объединению народов и к миру между ними.

Сегодня мы хотим представить вниманию наших читателей статью о научной деятельности крупного украинского ученого, профессора А.В.Багрия, чья жизнь в Азербайджане является ярким примером дружбы между азербайджанским и украинским народами.

Азербайджанский народ, имеющий многовековую, самобытную культуру, внес свой вклад в развитие культуры народов Востока и всего мира. Находясь на рубеже Востока и Запада, Азербайджан развивался под воздействием как восточных, так и западных ценностей.

Чуткое отношение к нашему историческому прошлому – составная часть государственной политики нашей страны. Уважение наших духовных ценностей является ярким свидетельством проявления этой политики.

Развитию науки в Азербайджане способствовало создание в 1918 году первой на Востоке Азербайджанской Демократической Республики (АДР).

В 20-е годы прошлого столетия большое участие в становлении науки, подготовке азербайджанских научных кадров и формировании научных учреждений в Азербайджане принимали ученые различных национальностей и вероисповеданий.

Многие из них навсегда связали свою судьбу с Азербайджаном.

Как писал ученый-историк И.Гассиев, «Среди ученых, приехавших в Баку и внесших большой вклад в культуру и науку, следует назвать профессоров И.Г.Есьмана, Н.И.Кузнецова, П.Д.Гуляева, А.О.Маковельского, В.В.Бартольда, А.В.Багрия и многих других).

Одним из молодых и талантливых ученых, приехавших в эти годы в Азербайджан, являлся украинский ученый, профессор Александр Васильевич Багрий, который был глубоким знатоком русской и украинской литературы.

Александр Васильевич Багрий в 1922-1949 гг. жил и творил в Баку, столице Азербайджана, в стране, ставшей для него второй Родиной, которой он отдал все свои творческие силы и накопленные знания. Следует подчеркнуть, что из его 38-летней научно-педагогической деятельности 26 лет прошли в Баку.

За этот периода работы в Азербайджане он внес огромный вклад в изучение и популяризацию русской и украинской литературы, устного народного творчества азербайджанского

народа.

Он родился 23 апреля 1891 года на Украине, в поселке Летичево Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области в семье чиновника, вышедшего из среды крестьян. Его отец был писарем, но специального образования не имел, мать была неграмотной. Однако несмотря на это обстоятельство родители сделали все возможное, чтобы их дети получили хорошее образование. В 1900 году юный Александр поступил в Уманскую гимназию, которую завершил с золотой медалью и премией за «Юбилейную работу о Н.В.Гоголе». В 1909 году он поступил на Русско-славянское отделение историко-филологического факультета Киевского университета.

В 1912 году он досрочно окончил Киевский университет и был оставлен знаменитым академиком В.Н.Перетцем на кафедре русского языка для подготовки к получению ученого звания. Он был одним из лучших студентов В.Н. Перетца, хорошо владел французским, немецким и польским языками. Позже А.В. Багрий переехал в Петроград и в качестве доцента приступил к чтению лекций в Петроградском университете. В 1917 году молодой ученый стал профессором русской литературы в Самарском Высшем Педагогическом Институте, где заведовал кафедрой до 1920 года.

Знания, полученные им в студенческие годы, огромный совместный опыт научно-исследовательской работы с такими известными учёными и педагогами, как академики В.Н. Перетц, А.Р. Баранников, В.П. Андреянова-Перетц, С.Д.Балахута, участие в деятельности научного общества историко-филологического факультета способствовали углублению его знаний, расширению его научного кругозора.

В 1920-1921 гг. по поручению Наркомпроса РСФСР А.В. Багрий принял участие в учреждении Кубанского Государственного университета и Высшего Педагогического института.

Именно в 20-х и начале 30-х годов XX столетия наступил наиболее плодотворный этап в научной деятельности профессора А.В. Багрия.

Это был период зарождения азербайджанской науки.

В 1922 г. ученый приехал в Баку, где был назначен преподавателем русской литературы Азербайджанского Государственного университета им. В.И.Ленина. В 1925 году он защитил диссертацию на тему «Т.Г. Шевченко и русская литература» и был удостоен степени доктора филологических наук по специальности «Русский язык и словесность».

А.В. Багрий принимал активное участие в создании одного из первых научных центров республики – «Общества обследования и изучения Азербайджана». Инициаторами создания общества выступили видные общественные и государственные деятели Азербайджана: Н.Нариманов, С.Агамалыоглу, писатель-публицист А. Ахвердов, а также ряд профессоров: А.Самойлович, А.Багрий, Е.Байбаков, П.Жузе, Х.Мелик-Асланов, Н.Шахтахтинский и другие.

По поручению правительства республики, 5 мая 1922 г. коллегия Народного комиссариата просвещения Азербайджанской ССР приняла постановление об учреждении «Общества обследования и изучения Азербайджана» – первого научного центра республики – и утвердила его Устав.

На организационном собрании «Общества...» (2 ноября 1923 года) его Организационная комиссия приняла решение о создании при ЦК «Общества...» Библиографического отдела и назначении его руководителем профессора А.В.Багрия, который сыграл большую роль в становлении библиотечного дела в Республике.

В статье, посвященной 80-летию Института литературы им. Низами Национальной Академии Наук Азербайджана, директор Института, академик И.Габиббеيلي отмечает, что «Общество обследования и изучения Азербайджана» являлось начальной моделью Национальной Академии Наук ...» (2014 г.).

В 1924-1925 гг. А.В.Багрий создал свой первый научный фундаментальный труд «Материалы для библиографии Азербайджана» в трех томах с приложением к нему вспомогательного указателя, опубликованного отдельным изданием в 1926 году. Существенной особенностью этого исследовательского труда является то, что он охватывает огромный период деятельности органов печати (1820-1923 гг.). В этом труде А.В.Багрий представил вниманию читателей обширный библиографический указатель по фольклору азербайджанского народа. Этот труд ученого, будучи востребованным учеными и педагогами того времени, и се-

годня сохранил свою актуальность.

Следует отметить, что в статье профессора Азербайджанского Государственного университета З.Алиева «Из истории образования и развития библиографии в Советском Азербайджане» отмечается, что в труде описано более 4800 научных трудов, охватывающих историю, литературу, географию, экономику, этнографию (1959 г.).

Это исследование А.В. Багрия способствовало созданию в Азербайджане отраслевой библиографии. В течение восьми лет (1920-1928 гг.) в Республике было составлено три направления указателей отраслевой библиографии, которые охватывали филологию, сельское хозяйство и экономику.

В 1923-1929 гг. А.В. Багрий работал председателем Библиографической секции «Общества...», а с 1929 по 1932 гг. – старшим специалистом-библиографом Азербайджанского Государственного Научно-исследовательского института (Аз ГНИИ).

А.В. Багрий принимал активное участие в издании журнала «Известия Общества исследования и изучения Азербайджана», ставшего одним из самых популярных научных изданий в республике в те годы. В издании этого научного журнала активная роль принадлежала таким ученым и писателям, как Х.Зейналлы, Ю.Чеменземинли, Р.Эфендиев, В.Хулуфлу, А.Абид. В его различных номерах публиковались научные статьи известных российских ученых-академиков И.Мещанинова, В.Гордиевского, профессоров В.Сысоева, В.Зуммера, А.Фитуни и других. Первый номер «Известий Общества...» был издан в 1925 г. на русском языке. А с 1926 по 1928 гг. было издано 7 номеров этого журнала, сначала на русском языке, а в 1928 г. – на азербайджанском языке.

В 1926 г. по инициативе «Общества...» А.В.Багрий принимал непосредственное участие в подготовке Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, рассмотревшего вопрос реформирования арабского алфавита в алфавит на латинской основе и другие историко-этнографические проблемы тюркских народов.

В ходе подготовки к съезду методическому кабинету в составе А.Багрия, К.Алекперли, А.Ахвердова, С.Мумтаза было поручено в кратчайший срок обеспечить размещение выставочного книжного фонда в новых помещениях библиотеки. При этом раскрылся огромный опыт А.В.Багрия в организации библиографической, информационно-методической работы, высокий научный профессионализм в предоставлении необходимой информации о книгах, имеющейся различной тематической литературе.

В результате кропотливой работы ученых, участники и гости съезда смогли ознакомиться с предоставленной их вниманию литературой, получить необходимую библиографическую информацию.

Особое место в научной деятельности А.В.Багрия занимает изучение им фольклорного наследия профессора Л.Лопатинского, который был создателем и главным редактором издания «Сборник для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), лично отредактировавшим 25 его выпусков. После его смерти, в 1927 году, группа ученых в составе профессоров Л.Генко, А.Субханвердиханова и А.В.Багрия впервые систематизировали наследие Л.Лопатинского в области фольклора, этнографии, лингвистики, истории.

А.В.Багрию принадлежит важная роль в исследовании устного народного творчества, изучении и обобщении фольклора азербайджанского народа и других народов Кавказа. Так, в 1925 г. в первом номере журнала «Рабочее просвещение» А.В.Багрий опубликовал научную статью «К изучению азербайджанских пословиц», а в 1929 году в журналах «Народный учитель» (№ 1) и «Известия восточного факультета АГУ» (№ 4) была опубликована статья «К изучению азербайджанских сказок».

В 1926 г. А.В.Багрий был избран членом редакционной коллегии «Известий Азербайджанского Государственного университета», а также редактором серии «Общественные науки», входившей в вышеуказанное издание.

Анализируя научно-исследовательскую и педагогическую деятельность профессора А.В.Багрия, необходимо отметить, что в центре его внимания всегда находились проблемы изучения положения женщин Кавказа. В своих научных статьях он всегда хотел привлечь внимание общественности к этой важной проблеме.

Так, А.В.Багрий опубликовал ряд статей: «О вопросе жизни женщин Кавказа» в «Известиях АГУ» в серии «Общественные науки» (1926 г.); «К вопросу о быте женщины Кавказа» в «Известиях АГУ» (1928г.); «Женщины на Кавказе» в Библиографических материалах «Пути изучения Азербайджана» (на азербайджанском языке, № 3-4, 1930 г.) и др.

В 1930 г., под редакцией профессора А.В.Багрия, на русском языке была издана литографическая фольклорная серия «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран».

В первой томе этой серии А.В.Багрий впервые представил читателям сказки народов Кавказа. Значительным достижением в данном исследовании является то, что ученый, собирая и записывая сказания коренного населения, представил фольклор Нухинского, Гянджинского, Шушинского, Шамахинского и Лянкаранского районов Азербайджана. Во втором томе автор представил легенды и сказки таких народностей Кавказа как кумыки, ногайцы, туркмены, лакцы и другие. В третьем томе отдельными разделами представлены: тюркский фольклор, сказки ширванских армян, фольклор черкесов, чеченцев, ингушей, осетин, абхазцев, а также карачи (цыган).

С 1933 по 1939 гг. профессор А.В.Багрий являлся директором Фундаментальной библиотеки Азербайджанского филиала АН СССР (АзФАН).

В 1935 г. по инициативе известного фольклориста Х.Зейналлы А.В.Багрий в соавторстве с ним впервые перевел и опубликовал сборник на русском языке «Азербайджано-турецкие сказки» (т.е. «Сказки азербайджанских тюрков»).

В этом сборнике были собраны 72 сказки, одна легенда и дастан. Главной задачей авторов книги было ознакомление русскоязычных читателей с азербайджанскими сказками.

Профессор А.В.Багрий, живя в Азербайджане и общаясь с представителями научной интеллигенции Республики, всегда стремился познакомить их с литературным наследием лучших русских и украинских писателей и поэтов.

Именно поэтому в этот период он пишет и публикует ряд статей, которые принесли ему широкую известность в СССР, как крупному исследователю истории литературы.

Так, в журнале «Путь школы» (1924 г.) А.В.Багрий опубликовал статью «Поэт двух миров» (В.Я.Брюсов); в «Известиях» АГУ, Баку, 1925 г. – «Заметки о Н.Д.Щербине»; в «Известиях» АГУ, Баку, 1927 г. – «Западноевропейские драматические жанры и их отражение в старинной русской драматической литературе» и др.

Особое место в литературоведческом наследии бакинского периода жизни профессора А.В.Багрия занимают его фундаментальные труды, посвященные жизни и творчеству великого украинского поэта Т.Г.Шевченко. Широкую известность в 30-е годы XX столетия в СССР получили такие его исследования как: «Т.Г.Шевченко в литературной обстановке», Баку, 1925; «Шевченко в русских переводах», Баку, 1925 г.; «К рукописной традиции распространения «Кобзаря» Т.Г.Шевченко», Баку, 1927 г., «Шевченко и Восток», Баку, 1929 г. Следует отметить, что все эти труды были опубликованы в «Известиях» Азербайджанского Государственного университета им. В.И.Ленина.

Профессор А.В.Багрий является основоположником новой научной области в Азербайджане – шевченковедения. Он подготовил целое поколение шевченковедов.

Особый интерес представляет его труд «Шевченко и Восток», где А.В.Багрий раскрывает содержание творчества Т.Г.Шевченко, его главную поэтическую направленность.

Впервые о Востоке, как отмечает автор, Т.Г.Шевченко упоминает в одной из его первых исторических поэм «Іван Підкова» (1839 г.).

В статье А.В.Багрий раскрывает живой интерес Шевченко к восточной этнографии и археологии, к восточным языкам, к некоторым обрядам, в особенности туркменам и киргизам.

Отрадно, что в этой статье А.В.Багрий еще раз раскрывает свой высокий патриотизм, и с чувством гордости и уважения представляет наш Баку, как один из крупных портов на Каспии. Так, А.В.Багрий пишет, что Т.Г.Шевченко в записи от 18 июня 1857 года сообщает о начале пароходной деятельности на Каспийском море, где была создана коммерческая кампания пароходства, и поэтому морские офицеры, директора, и администратор, с которыми он общался, едут в Баку занять вакантные места.

Подчеркивая огромную значимость Т.Г.Шевченко, А.В.Багрий приходит к выводу, что

он был и остался исключительно национальным украинским поэтом, действительным выразителем народной жизни, для которого жить и не творить было невозможно.

А.В.Багрий принимал участие в организации филологического факультета Азербайджанского Государственного университета. В 1939 г. профессор А.В. Багрий был назначен первым деканом Филологического факультета АГУ. При его содействии в 1939/1940 учебном году на факультете были открыты семь кафедр по азербайджанскому и русскому языкознанию и литературоведению. До 1942 года он работал деканом, руководителем аспирантуры и заведующим кафедрой русской литературы университета.

С 1942-1949 годы А.В.Багрий работал заведующим отдела языкознания и литературы Азербайджанского Научно-исследовательского Института педагогики.

А.В.Багрий не ограничивался только проведением научных исследований в области литературоведения, библиографии, фольклора, он всегда искал новые возможности для применения своего таланта. Поэтому ученый сумел раскрыть свой научно-педагогический профессионализм и в области издания русскоязычной литературы, различных методических материалов по изучению русского языка. Так, следует отметить его статьи, опубликованные в 1948-1949 гг. в журналах: «В помощь учителю», «Русский язык в нерусских школах», «Таблица русской грамматики для азербайджанских школ» Баку,(1948 г.). «Ушинский как методист русского языка и литературы», «Что делать?», «Капитанская дочь», «А.М.Горький», «Молодая гвардия», «Литературные беседы» (в 3 –х статьях).

Профессор А.В.Багрий был прекрасным педагогом, подготовил огромную плеяду педагогических кадров – специалистов по литературе и языковедению, библиографов, фольклористов. Среди его последователей следует отметить академиков Мамед Арифа, Гамида Араслы, доцента-фольклориста Ханефи Зейналлы.

А.В.Багрием было опубликовано более 100 статей, различных научных трудов и исследований по вопросам литературы, фольклора и библиографии.

Ученый принимал активное участие в общественной жизни молодой Республики.

Он являлся членом Всесоюзного Совета Секции научных работников. С 1922-1930 гг., работая в должности председателя Секции, провел большую организаторскую работу по привлечению внимания общественности к проблемам материального положения ученых, улучшению условий их быта и труда, вопросам получения ими ученых степеней и званий. В результате его активной деятельности Азербайджанская Секция научных работников была признана одной из лучших в СССР.

В 1923-1930 гг. он избирался членом Бакинского Совета рабочих депутатов трех созывов; а в 1933-1934 гг. Ворошиловского райсовета двух созывов (ныне Сабаилковский район).

24 июня 1949 года после продолжительной болезни страна потерял прекрасного Человека – А.В.Багрию. О его значимости для общественности Азербайджана говорит церемония прощания с ним. Здесь присутствовали представители ректората АГУ им. С.М. Кирова, руководство партийной организации и общественных организаций Азербайджанского Государственного Учительского Института им. М.Ф. Ахундова, ректората Азербайджанского Государственного Института физической культуры им. С.М. Кирова, известные деятели науки, товарищи по работе, родственники и студенты, (газ. «Вышка» 23 июня 1949 г.; «Бакинский рабочий» 25 июня 1949 г.) *(отмечено нами – Н.М.)*.

В Азербайджане всегда дорожили именем и памятью профессора А.В.Багрия.

Так, имя А.В.Багрия включено в издание Азербайджанской Советской Энциклопедии 1976 года (т. 1, стр. 529). Научная и педагогическая деятельность украинского ученого также освещена в Азербайджанской Национальной Энциклопедии, изданной в 2011 году.

В 2013 году в Баку проводились юбилейные мероприятия, посвященные 80-летию Института Литературы им. Низами Национальной Академии Наук Азербайджана. В связи с этим, 17 октября 2013 года было принято распоряжение Президиума Национальной Академии Наук Азербайджана, подписанное президентом НАНА, академиком А.Ализаде, «О проведении 80-летнего юбилея Института Литературы им. Низами», в котором отмечалось, что «... В период возрождения азербайджанской науки при участии Ханефи Зейналлы, Али Назима, Салмана Мумтаза, Эмина Абида, Александра Багрия и научно-организационном руководстве выдаю-

щихся ученых, в Институте литературы сформировалась плеяда таких блестящих ученых, как Мамед Ариф, Микаил Рафили, Гамид Араслы, Мир Джалал, Мамедгусейн Тахмасиб, Фейзулла Гасымзаде, Мамед Джафаров, Мирзага Гулузаде, Азиз Мирахмедов, Кямал Талыбзаде, Мирали Сеидов, Бекир Набиев, Кямран Мамедов, Яшар Гараев, Азад Рустамов и другие.».

В центре города Баку, на проспекте Азадлыг установлен памятник выдающемуся украинскому поэту Т.Г.Шевченко, как символ глубокого уважения азербайджанского народа к великой украинской поэзии, славному прошлому Украины, ее истории, культуре.

Многие азербайджанские ученые регулярно выступают на различных конференциях, симпозиумах, в СМИ с различными докладами, публикациями о научной, педагогической и общественной деятельности выдающегося украинского ученого.

Среди них следует отметить таких ученых, как академики Национальной Академии Наук Азербайджана: Кямал Абдуллаев, Иса Габиббейли, Теймур Керимли, Наила Велиханлы; члены-корреспонденты НАНА Мухтар Иманов, Азад Набиев; доктора филологических наук, профессор Теймур Ахмедов, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки, профессор Магеррам Гасымлы; доктор исторических наук Земфира Гаджиева; доктор политических наук, профессор Камран Иманов; директор научной библиотеки БГУ, заслуженный работник культуры Сара Ибрагимова; доктора филологических наук Газанфар Пашаев, Асиф Рустамли, Захид Халил, Бахлул Халилов; доктор филологических наук Айбениз Алиева-Кенгярли; доктора философии по филологии Тамилла Керимова, Агаверди Халилов и другие.

Так, заслуженный работник культуры, поэт-переводчик Аббас Абдулла, в своей фундаментальной монографии «Азербайджано-Украинские литературные связи» (Баку, 1982 г.) пишет, что: «А.В.Багрию принадлежит огромная заслуга в формировании Мамед Арифа, как одного из основоположников шевченковедения в Азербайджане, а также Гамида Араслы, как одного из крупных исследователей азербайджанского литературоведения.

Автор пишет, что Гамид Араслы, вспоминая своего учителя, отмечал: «Работая в филиале библиотеки Академии Наук Азербайджана, Александр Васильевич направлял мою научную деятельность. Первую мою научную работу, связанную с исследованием библиографии революционной периодической печати, я начинал по его рекомендации. В период моей работы в библиотеке мы с Александром Васильевичем дважды выезжали в научные командировки в Ленинград. Там в библиотечных фондах мы выбрали большое количество книг, связанных с Азербайджаном».

В аналитическом труде доктора филологических наук, профессора Исрафила Аббаслы «Этапы возрождения азербайджанского фольклора», опубликованном в 2002 г., подчеркивается особая роль А.В.Багрия в исследованиях и развитии азербайджанского фольклора и фольклора народностей Кавказа.

Широкое внимание читателей, поэтов, переводчиков, студентов привлекает статья доктора филологических наук, шевченковеда Тамары Шарифли «Изучение и популяризация наследия Т.Шевченко в трудах А.Багрия» (2004 г.).

В центре внимания ученых, исследователей, изучающих историю создания НАНА, находится статья молодого ученого-фольклориста Акифы Халил (Нейматова) «Об участии А.В.Багрия в деятельности «Общества обследования и изучения Азербайджана» (2003 г.).

В Азербайджане постоянно проводится работа по популяризации научного наследия А.В.Багрия.

В 2013 году Общественным Объединением «İnkışaf və Dünya» («Развитие и Мир» – председатель Н.Мустафаев) был проведен ряд мероприятий, посвященных памяти профессора А.В.Багрия.

Так, в апреле месяце была опубликована статья «А.В.Багрий и Азербайджан» в журнале «Фольклор и Этнография» на русском языке (2013 г.).

А в июне того же года в рамках Дней культуры Украины в Азербайджане, проходивших в Бакинском Славянском Университете, по инициативе этого Общественного Объединения, при поддержке академика К.Абдуллаева и активном участии Азербайджано-Украинского культурного Центра БСУ, а также студентов факультета изучения украинского языка, был проведен «Круглый стол, посвященный научному наследию А.В.Багрия».

В проведении мероприятия приняли участие ученые Национальной Академии Наук Азербайджана, Института фольклора НАНА, представители азербайджанской интеллигенции, украинской диаспоры, студенты БСУ, сотрудники посольства Украинской Республики в Азербайджане.

Выступившие участники «круглого стола» ознакомили присутствующих с многогранной научной, педагогической и общественной деятельностью ученого.

Многие наши соотечественники с особым вниманием и чуткостью относились к семье А.В.Багрия.

Так, семья ученого всегда чувствовала поддержку Народного артиста СССР Рашида Бехбутова и его супруги Джейран-ханум.

Легенда советского футбола, Заслуженный футболист и Заслуженный тренер СССР Алекпер Мамедов тепло отзывался о высокопрофессиональной врачебной деятельности Людмилы Павловны (супруги ученого). Она была спортивным врачом, работала доцентом кафедры гигиены и спортивной медицины АзГИФКа им. С.М.Кирова, эффективно лечила наших многих футболистов от полученных травм. Её дочь Ирина стала тоже врачом.

А.В.Багрий прожил в Азербайджане плодотворные и лучшие годы своей жизни. И поэтому он всегда считал себя азербайджанским ученым, настоящим гражданином, безгранично любящим Азербайджан и азербайджанцев. И эта любовь вдохновляла его желание жить и работать в этой стране.

Историко-филологический факультет Азербайджанского государственного университета. 1925 г. Во втором ряду третий слева А.В.Багрий.

НАИЛЯ НАДИР

Первая публикация

Наиля Надир по профессии врач, стихи пишет с детства, правда, как она сама признается, подчас с перерывами в годы...

Свой первый сборник «Говорить с тобой» она посвятила памяти своего отца, известного в Республике государственного деятеля, неординарного человека Надира Балакишиева.

Печаталась в газете «Мир литературы», в коллективных сборниках (так, в 2010-м году ее стихи вошли в сборник «Однажды в Шуше»).

Представляя ее сегодня нашим читателям, хотелось бы отметить объективно сильные стороны ее поэзии – это искренность, доверие и уважение к своему читателю, выраженная авторская интонация. Немаловажно, что в отличие от многих сегодняшних авторов, ее мир не замыкается границами собственного «эго» - ее волнует и тревожит то же, что и всех нас, ее современников. А, как известно, именно такое неравнодушие и есть один из главных признаков настоящей поэзии.

В ее строках явно проступает образ интеллигента наших дней, того самого профессионального читателя, которого отличают хороший вкус и истинная любовь к поэтическому слову. Автор не боится экспериментировать с размером и стилем, врожденное чувство меры помогает ей сохранять равновесие между традицией и новаторством.

Конечно, ее стихи не свободны от определенных технических и стилистических проблем, но это поправимо, если автор не поживает на лаврах (зачастую сомнительных), а сохраняет в себе способность к развитию, динамике, если он или она любят поэзию в себе все-таки больше, чем себя в поэзии... Все сказанное с полным правом можно отнести к Наиле Надир.

Надеемся, что эта публикация станет еще одним стимулом для ее дальнейшего творческого роста и совершенствования.

В добрый час!

Папе

**Недописанная страница,
Недокуренная сигарета...
Я с тобой не смогла проститься,
И на все это нет ответа.**

**И на все это нет ответа –
Черный мрамор передо мною,
Улыбаешься ты с портрета,
На минутку б, с живым, с тобою...**

**На минутку б, с живым, с тобою,
Рассказать обо всем на свете!..
Черный мрамор передо мною –
Ничего ты мне не ответил...**

Вы умеете?..

Вы умеете молчать в строках?
До удара тишины – током,
До укушенной в кровь губы,
До тоскливого «если бы...»?

Вы умеете сказать – молча?..
И не станет судьба пророчить.
На балкон лишь ложится свет
Не упавших с неба комет...

Вы умеете молчать в строках?..

* * *

В строки вплести молитву,
Кажется, удалось...
В бешеном жизни ритме
Каждый бежит свой кросс.
Титры мелькают быстро,
Время несется вскачь...
Лист предо мною чистый,
Чертит рука: «Не плачь»...

Тринадцатый этаж

Небо серое и низкое
Расстелилось надо мной,
Как с тринадцатого близко мне
Облака достать рукой.

Прикоснуться к ним нечаянно
И, прикрыв глаза, стоять...
А что в сердце боль запаяна –
Стиснув зубы, промолчать.

Прикоснуться к ним тихонечко,
Вслед за ними улететь –
Мотыльком, букашкой, строчкою...
Лишь бы грусть с души стереть.

Рассказать им все?..
Наверное,
Мне в ответ водой прольют.
И дождевики легковесные
На тринадцатый падут...

* * *

Белые костяшки пальцев
трасса, скорость
 ветер в окна –
 холодный, резкий, морось
радио 107 FM на полный, джаз
душу наизнанку – контрабас
душу наизнанку – саксофон...
И судьбой объявлен
 следующий кон.

Правила пунктуации

Память хлещет дождями,
Бьет по лицу, рассудку...
Брошенный метко камень –
Сломанная посуда.

«Склеить нельзя на свалку» –
Точки расставьте сами.
Станет страница алой,
Крови сцедив по грамму...

Вслед за дождями – снегом,
Вьюгой покроеет сердце,
Красное рядом с белым –
И никуда не деться...

Что ж вам, и этого мало?!..
Страх овладел домами.
«Склеить нельзя на свалку» –
Точки расставьте сами...

Минутное

Дети растут,
Годы летят.
Кто-то – как Брут,
Нечто – как яд,
Что-то – как мед,
Некто – как Бог...
Время идет,
Каждый как смог.

О смысле жизни

Есть ли смысл о чем-то жалеть?..
О несбывшихся встречах, надеждах,
И о том, что смеемся все реже –
Но мечты продолжают нас греть...
Есть ли смысл на что-то роптать?
На детей, на друзей, на работу,
На судьбу, нас лишившую взлетов –
Но ведь мы продолжаем летать...
Есть ли смысл о чем-то грустить,
Провожать облака тусклым взглядом,
Не ценить тех, кто столько лет рядом –
Но ведь мы продолжаем любить...
Есть ли смысл?..

Он в истине спрятан,
Затаился в листках, мною смятых,
И в строке, не нашей приюта,
В полных счастья
бесценных минутах...

Декабрьское настроение

(Стихи с продолжением)

1

Ветер с моря. Он волны пригонит,
Пеной выбросит их на песок,
И задует, и в душу заронит
Каплю горечи, чей-то упрек...

Зашумели деревья, и будто
Головами качают они.
Ах, как пасмурно зимним утром!..
И так тускло мерцают огни...

2

Такой же он, точно такой же,
как дюжину лет назад –
бакинский декабрь. Гложет,
та горечь и тот же взгляд.

Такое же настроение,
и ветер с моря ревет...
И новыми волнами пенными
накроет и этот год.

Полуночный чай

Хорошо у друзей на балконе!..
Все заботы в бокалах утонут,
Растекутся по рюмкам, стаканам.
Ночь бальзамом на старые раны...
А дела и серьезные темы,
И насущные (как бы) проблемы
Уступают улыбкам и смеху –
Время злое друзьям не помеха!
Угольки тихо тлеют в мангале,
Даже звезды мешать нам не стали.
Память в прошлое дверь открывает,
Отхлебнув полунóчного чая...

И ведает только Бог

Туман, дым или смог –
Перестаю различать.
За норму принят порок.
Уже не в силах кричать,
Губами беззвучно шепчу:
«Судьею судимый не стань.
В очереди к палачу
Попробуй шаг отчекань...»
Безадресный ропот. Зачем?..
И есть ли смысл роптать
И сотней заезженных тем
Пытаться свой страх оправдать?
Туман, дым или смог...
Как рыба хвостом об лёд.
И ведает только Бог
Кто мертвый,
а кто живет...

Шутливое

Привет вам всем от Козерога!..
Трудна во всем моя дорога,
Судьбы нелегкий выбран путь –
Всё постигаю жизни суть
И редко радуюсь, но все же –
Я сильная!.. Сатурн, похоже,
Недаром покровитель мой,
Не для меня –
порт, штиль, покой!..

* * *

Как высоко мы метили!..
Да спустились с небес.
Средний возраст мы встретили
Без особых чудес.
Дочки-умницы выросли,
Что же, главное – Мать...
Но отброшу все мысли и...
Буду снова писать!

Собирайте камни

Нараспашку окна,
Нараспашку души.
Взгляд у неба мокрый –
Опустите ружья!..

Побросайте ружья!
Как мы очерствели...
Воронье все кружит
Над земной постелью.

Воронье все кружит,
Нам войну пророчит,
Дальше только хуже –
Снова сердце в клочья.

Снова душу в клочья –
Не затушишь пламя.
Ставлю многоточье –
Собирайте камни...

АЗЕР ЭФЕНДИ

РУКА ДАЮЩЕГО

Рассказ

Ему послышалось, что кто-то резко и коротко его окликнул: «Элик!», – и он проснулся... Не понимая, где – во сне или наяву – раздался оклик, он первым делом посмотрел вбок: натурщица, которая заночевала у него, спала и тихо посапывала. Он надел шлёпанцы и в смутном беспокойстве подошёл к открытому окну, но и во дворе никого не было. «Странно, я так ясно слышал... Неужели во сне? – подумал он. – А-а-а... после вчерашней стрелки с Олегом в голове все рамсы попутались... сон, тоже рванный, как трофейная плёнка...», – и мысль самовольно скакнула далеко назад, и трофейный «Тарзан» на белой простыне, натянутой под куполом мечети в деревне Нигюды, выскочил из памяти, как из джунглей... плёнка всё время рвалась, а потом вырубилось электричество, и все ждали-ждали, и никуда не расходились... но свет за окнами мечети стал угасать, и мать увела его, робкая дачница: ей страшно было возвращаться в сумерках по дну оврага, заросшего репейником и бурьяном, а дальше дорога шла мимо старого кладбища... Элик завис на несколько секунд между прошлым и настоящим, машинально сквозь зубы пришёптывая: «Ни-гю-ды, Ни-гю-ды»... и в такт слову, цокая ногтями по подоконнику... От такого пробуждения во всём теле ощущалась лёгкая дрожь, как у вспугнутого оленя – и ложиться опять в постель не хотелось. Элик прошёл на кухню – там в дальнем углу маячил самодельный душ, зашторенный полупрозрачной, местами заляпанной красками плёнкой. Он повернул вентиль. В трубах захрипело, заклокотало, и ржавая головка душа как будто выхаркнула с трудом одну большую тяжёлую каплю ему на голову. «Опять воды нет... может – во дворе?..» – без всякого всплеска эмоций себе под нос прогугнил Элик. Его мастерская – она же и комната проживания – находилась на втором этаже двухэтажного дома в Ичери Шехер. Он спустился во двор. Во многих дворах за крепостной стеной ещё оставались от старых времён дощатые, выбеленные извёсткой туалеты, а рядышком обычно торчал позеленевший медный кран с водой. Во дворе, как он и ожидал, вода шла, но сочилась издевательски тонкой струйкой. Она щекотала ему ладонь, пока он набирал побольше воды, чтобы промыть глаза. Потом он обернул кран махровым полотенцем и стал дожидаться, пока оно набухнет. Птицы уже расчирились вовсю, приветствуя восход солнца, и осы, тяжело жужжа, подлетали к решётчатому навесу, увитому виноградником, и затихали в сладких янтарных гроздьях... В будний день здесь, у крана с водой, уже кто-нибудь торчал бы, но ранним воскресным утром двор отсыпался. Элик не стал отжимать полотенце – шмякнул его себе на спину... по спине побежали прохладные ручейки... и начал растирать своё жилистое, мускулистое тело. Обычно он делал это с удовольствием и картинно (как «Купание красного коня»), упираясь довольным взглядом в рельефные квадратики на животе, но сейчас не замечал даже их – просто гигиеническая процедура. Когда он растопыривал пальцы, растирая полотенцем грудь, на правой руке его, на растяжке между большим и указательным пальцами – обнаруживалась наколка в виде не-

большого якоря. Этот якорёк вызывал зависть (не теперь) у дворового пацанья, потому что был кастовым знаком выпускника мореходки. Да, Элик успел даже поработать в отряде водолазов до того, как полностью погрузился в изобразительное искусство. Он был среднего роста, пропорционального сложения, с львиной гривой золотисто-пепельных волос, и смотрелся как эдакий «морской дьявол» из команды Кусто, особенно когда возникал из воды в блестящем гидрокостюме на закате солнца... Естественно, что в добровольных натурщиках у него недостатка не было. Одна из них и сейчас спала в его постели, но он не стал будить её, вернее, перестал замечать, как скомканную простыню – тихо надел джинсы, выгоревшую на солнце голубую майку, кроссовки, в которых любил ходить и летом, бейсболку с длинным козырьком на голову... да, и главное – тёмные очки. После вчерашнего толковища с Олегом они сделались особенно нужны ему – в них он чувствовал себя непроницаемым и защищённым от взглядов людей. Элику некуда было спешить, за ним только к десяти часам к метро «Ичери шехер» должны были подъехать друзья-художники и увезти на дачу. Но ему не сиделось, и казалось, что в движении можно скорее вышагать и мелкую дрожь под ложечкой, и чувство загнанности в угол после вчерашнего разговора с Олегом. Вчера Олег сказал ему: «...выхода нет... Аббаса надо мочить...». «Да... надо мочить...», – обречённо эхом отозвался Элик... Аббас действительно стал очень опасен, но одно дело сказать, а другое – сделать!.. Они работали, как им казалось, идеальный план, и план этот теперь камнем на сердце лежал у Элика и не давал свободно дышать.

«Легко ли?! – думал он, – завалить человека! Ух!.. А тут – ещё и друга с щенячьих лет!..»... Элик стал петлять по узким крепостным улочкам, не выбирая маршрута, ноги вели его, куда вели. Запах горячего хлеба, который пекли недалеко от Гошá-гапы, ударил в нос и отвлек его от горьких размышлений. Элик купил поджаристый, обжигающий руки чурек и откусил самый краешек хрустящей корочки.

– Илюшка, – неожиданно подступил к нему Моня, полубезумный старик, которого бросили родные, уехавшие в Израиль, и который теперь кормился вокруг кябальной, – Илюшка, дай-да манатик, а?

Манатик он просил всегда, как только Элик попадался ему на глаза. Это раздражало Элика, у которого денег бывало негусто, и часто он просто ускорял шаг и отрицательно махал рукой. Но сегодня протянул лепту охотно, в смутной надежде, что где-то кем-то это зачтётся. Принимая деньги, Моня вцепился в его руку, пытаясь её поцеловать. Элик едва успел выдернуть её.

– Моня, ты что?! Совсем с у... – он хотел сказать: с ума сошёл, но удержался, вспомнив, с кем говорит.

– Ну что ты делаешь?! – в замешательстве вскрикнул он.

А Моня вдруг наклонился и как священную тайну прошептал ему на ухо: «Рука дающего – всегда рука Бога!»... Элик с удивлением взглянул на Моню.

– Илюшка, ты плохой еврей... – некстати и уже громко добавил тот и ушёл таскать уголь для самоваров...

«Вот козёл! Лепит, что в голову взбрёт! – вспылал Элик. Сказывалось напряжение, в котором он пребывал со вчерашнего дня, и которое заискрило тотчас по первому же случайному поводу. – Лепит тоже: плохой-хороший!.. Можно подумать, когда я пятнадцатилетним юнгой месяцами мотался по Каспию на геологоразведочном судне, много мы думали тогда, кто есть кто!.. и здесь, в Ичери шехер, кто только не жил!.. разве что армян почему-то не было... Плохой еврей!.. Интересно, что эта

дурья башка имела в виду?.. что я никогда не был похож на толстопых очкастых мальчиков из благополучных еврейских семей? Ну, не похож... и где тут моя вина?! Нет, не то... А может, намекал, что я в свои сорок пять ещё ни разу в синагоге не был?.. Может, это он имел в виду?.. Но что же делать?! Ну, не могу я верить в то, чего не понимаю!.. Жизнь – умора! – усмехнулся Элик. – Для одних – плохой, для других – самый настоящий!», – он вспомнил, как его подвёл пятый пункт в анкете, когда он подавал документы в учебку, где готовили военных спецназовцев-подводников...

Умные ноги тем временем обогнули пустырь, поднялись по длинной крутой лестнице и привели его к восточным воротам в стене, окружавшей территорию дворца Ширван-шахов – отсюда оставалось два шага до места встречи с друзьями. Элик уселся на ступеньках под нависшим резным порталом, и взгляд его, как птица, пролетел над пустырём, над крышами прибрежных домов и вырвался на простор сверкающего зыбью залива... Белые, невесомые корабли еле заметно перемещались по бухте, а вдалеке, за Наргином, на рейде стояли, как в театре теней, несколько серо-стальных военных катеров... Элик отламывал кусочки горячего, поджаристого чурека, корочка хрустела на зубах – и не мог остановиться... вот так и с Аббасом, в детстве, они сидели здесь – два голодных волчонка – уплетая горячий хлеб... У обоих не было отцов, а матери целыми днями пропадали на работе. Мать Аббаса была учительницей, и у них в доме была хорошая библиотека. «Но мы тогда не читали – чего там! в семь лет мы носились по Крепости... соревновались: кто в этой путанице узких улиц найдёт кратчайший путь домой и прибежит первым». Однажды, когда они тут сидели, мимо пронёсся здоровенный кот, гремя консервной банкой, привязанной к хвосту. За котом следом, улюлюкая, неслась босоногая ребянтня, и впереди всех бежала рослая девочка, рыжеволосая, в длинной цветастой юбке. Увидев их, сидевших так тихо, она резко остановилась. «Эй!.. хочешь, сфотографирую?!», – крикнула она, обращаясь непонятно к кому. «Да!», – встrepенулись оба и приготовились, выпятив грудь вперёд и обняв друг друга за плечи. Она отошла подальше, скомандовала: «Внимание!.. Улыбайтесь!..», – и задрала на секунду юбку, под которой не было трусов. Все, кто был с ней, и она сама – умирали со смеху. «Я растерялся... а Аббас ринулся и врезался головой ей в живот!.. и нас сильно поколотили... Ох!.. неисповедимы пути... лет через семь-восемь – ну да, нам было уже по пятнадцать – она стала первой женщиной для Аббаса...»... Она была старше всего на пару годков, но уже вся в соку. Они вечно задирали друг друга: он её иначе, как Рыжая – не называл, а она огрызалась: Негр... У Аббаса, действительно, была очень темная кожа, только вот если у негров на лице сразу же выстреливает блеск белков, то у Аббаса глаза сверкали, как разлитая на солнце нефть. В тот вечер он возвращался с посиделок, где он и ещё два пацана долго тянули одну папиросу «Казбек», туго набитую травкой. Анаша слегка опьяняла его, и он чувствовал себя настоящим мужчиной. Карман был набит семечками, которые он с аппетитом грыз на тот случай, если мать ещё не заснула и придётся переброситься с ней парой слов. Аббас шёл неспеша. Летом он вообще любил допоздна петлять по узким улочкам Крепости. Шёл и посмеивался, глядя на дома. Летом все дома в Крепости оживали... Идешь... вокруг – ни души... и вдруг кашель... рыхлый кашель старого куряки... Понятно: окна, балконные двери везде нараспашку, но в темноте казалось, будто это сам дом заходит в кашле и отхаркивается в тряпочку, а другой – тот, что напротив – уже захрапел. Аббас проходил мимо тёмного зарешёченного окна и, почувствовав, что за ним кто-то стоит, машинально остановился, но всё же сумел в последний момент удержаться и не повернуть головы

– он считал западло заглядывать в окна соседей. Аббас сделал вид, что остановился, чтобы порыться в кармане. Достал оттуда пригоршню семечек и, взяв одну, стал медленно подносить её ко рту...

– Эй, Негр!.. – услышал он, – что ж ты?! один грызёшь... вдвоём веселее!..

Аббас повернул голову. В темноте Рыжая стояла, как привидение, в длинной ночной рубашке. Аббас подошёл вплотную к окну и протянул ладонь. Она просунула пальцы сквозь решётку и попыталась ухватить побольше семечек, но они просыпались.

– Ой!..

– Ты чего не спишь? – тихо спросил Аббас.

– Жарко...

– А ты рубашкуними... – лукаво ухмыльнувшись, посоветовал он.

Рыжая молча уставилась на него, как бы взвешивая, принять совет или нет...

Вдруг дерзкий огонёк вспыхнул в её глазах – она сказала:

– Снять, говоришь?.. Ну, тогда зайди, помоги...

Аббас не мог понять: она прикалывается или... и быстро зыркнул вглубь комнаты, благо, дверь в коридор была открыта для сквозняка, и там, ещё дальше, на кухне, тускло мерцала маленькая лампочка. Рыжая, перехватив движение его глаз, усмехнулась:

– Не бойсь, я одна. Предки в Астрахань уехали – там бабке моей чего-то плохо...

Аббас, не дослушав, юркнул в узенькие ворота в полушаге от окна...

В коридоре несколько секунд они стояли молча, глядя в глаза друг другу. В полутьме слышалось тяжёлое и шумное дыхание обоих. Аббас взял её за плечи и ему показалось, что десять сердец застучали в кончиках его пальцев. Он притянул её к себе и, как хищник, сначала лизнул от ключицы к уху... Обоих обдало жаром, их тела сделались горячими и сухими. Аббас нашёл её губы, его дыхание несло в себе аромат семечек и анаши, она стала задыхаться в этом потоке сладостного дурмана... в голове мелькнуло: «Наконец...», и она обмякла... Аббас потащил её в комнату и завалил прямо на полу, на паласе... Он миллион раз уже проделывал это в своей голове, но сейчас, когда ткнулся, ему стало больно – этого он совсем не ожидал и растерялся. Рыжая ожесточённо прошептала: «Ну же!.. Сильнее!.. Я помогу!..» и сделала резкое движение вперёд!.. «Ой!..», – вскрикнули оба, и с облегчением почувствовали: дело сделано!.. И понеслась!..

Когда фейерверк вспыхнул в его голове, он обхватил её бёдра, ещё плотнее прижался к ней, и они стали кататься по полу... Он совершенно обалдел от счастья!.. Это было, как солнце!.. Но не то, которое светит всем, а его... только ему принадлежащее солнце!.. Озарённый, он летал, и хотел, чтобы это не заканчивалось никогда!.. И вдруг ледяная игла прошла позвоночник, шею и впилась ему в затылок! Он вздрогнул, как проколотая бабочка! Рыжая почувствовала что-то:

– Что?! Что с тобой? – спросила она.

– Ничего. Пить хочу. Лежи. Сейчас приду.

Она смотрела, как он – голый, гибкий, поджарый выходит из комнаты, улыбалась и не хотела ни о чём думать... она уставилась в потолок и накрыла рукой свою виджайну...

Он прошёл на кухню. Игла в затылке растаяла, но отравила голову тихим бешенством, он еле сдерживал своё дыхание... свет был тусклый... его взгляд метался по сторонам... в мойке он увидел немытую разделочную доску и стальной косарь с

чёрной эбонитовой ручкой... «Угу...», – согласился Аббас... осторожно, чтобы не греметь, вытащил из мойки косарь, и выскользнул в подворотню... Он выглянул на улицу.

Да, всё было так, как ему и показалось: какой-то мужик стоял, пригнувшись, оттопырив зад в сторону ворот, и заглядывал в самый уголок окна. Если бы у него были волосы! Лысина подвела его!..

Аббас не думал. Косарь хрястнул мужика по позвоночнику, норовя отсечь любуюпытную задницу... а потом – по голове, по голове!..

«Да, точно... нам было по пятнадцать... Аббас загремел тогда в колонию для малолетних, а меня – ну, понятно, мать испугалась: забрала с улицы – пристроила на корабль... Хорошо, что у меня вестибулярка оказалась крепкая, а то блевал бы без конца – на Каспии штиля нет... Аббас вернулся совсем другой. Сколько же он просидел? Подожди... Он же ещё и в тюрьге, кажется, кого-то замочил!.. В общем, оттуда вышел совсем не тот Аббас... разговаривал, как авторитет... поэтому они и с Олегом вечно цапались... Подожди, но их не я свёл... Нет... Они сошлись, когда Аббас стал травку художникам «толкать»... Олег же тоже – та ещё егозá, когда выпьет, да ещё подкурит...»

Олег был прекрасным художником, с внешностью, которая вызывала смятение в женских рядах, но всего этого ему было мало. Его так и тянуло откалывать всякие штуки, иногда загоня самого себя в ловушку. Вспомнить хотя бы... его друг, скульптор, отправил в добрый путь очередного Ленина. По сему случаю в мастерской всю ночь шёл зацикленный лей-пей... Правда, вместе с тем тот же скульптор, тяжело вздохнув, умудрялся декламировать Есенина:

*Так грустно на земле,
Как будто бы в квартире,
В которой год не мыли, не мели.
Какую-то хреновину в сём мире
Большевики нарочно завели...*

Эту стопку все опрокидывали с чувством подрезанных большевиками крыльев. Позже шли стихи повеселее, начиналось с необычным пафосом:

*«Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгий, стройный вид!»* (тут скульптор делал паузу, а потом, быстро-быстро)
*Снимите вовремя варенье,
А то оно перекипит!..*

А под утро вспоминалось совсем весёлое, из студенческой поры (всем им в суриковском институте преподавал академик Алпатов, у которого была бородка: à la Шоу), и кто-нибудь начинал, и все подхватывали:

*Алпатов, от ума большого,
Хотел бы походить на Шоу!
Но то, что хорошо у Шоу,
У Алпатова не хорошоу...*

Взрыв хохота... по последней... но ни спать, ни расходиться не хочется, и вся компания выкатывается на бульвар, к морю, встречать нежное солнышко...

Навстречу, по бульварной аллее, шли под ручку, как гирлянда из разноцветных платьев, соскочившие с лекции студентки. Они «чирикали», поминутно взрываясь смехом! Весна, юность и краденая свобода действовали на них, как эликсир. И на этом фоне Олег просто не мог не выступить с сольной партией. Он ускорил шаг, оторвался от своих и, врезавшись в самый центр гирлянды, схватил за руку первую попавшуюся девушку. Остальные сбились вокруг них и оцепенели, разинув рты. А он, ни на кого не обращая внимания, устремил на свою избранницу взгляд улыбающегося Кларка Гейбла из «Унесённых ветром» и сказал:

– Девочка, ты станешь моей женой... – взгляд сделался тираническим, – и будешь рожать мне сыновей!..

И она действительно стала его женой, но родила дочку. Досада по этому поводу, видимо, цепко сидела в его обманутой душе, потому что однажды, когда малышка визжала без остановки, он в гашишном бреду схватил её за ноги и хотел разбить головой об стенку. Все, кто был в комнате, ринулись отнимать её... и, уступая натиску, в бессильной ярости он завопил: «Если этой сучке суждено умереть – пусть умрёт сейчас!».

«...он всегда хотел быть жёстким парнем, но Аббасу он, конечно, проигрывал, – размышлял Элик, глядя сквозь балясины ограждения на пустырь, лежащий внизу, и, вспомнив кое-что, хмыкнул, – попробуй, не проиграй!»...

Как-то на этом пустыре случайно столкнулись пьяный в дымину Аббас и серьёзный криминальный авторитет Кошка-Рауф. Аббас по пьяни нагло усмехнулся и, глядя куда-то в переносицу Рауфа, процедил:

– Когда сверхчеловек идёт по тропе, кошкам нэх...я путаться под ногами...

Рауф ответил коротким резким движением колена в пах... избил его как собаку и, залитого кровью, в отключке, бросил на пустыре... Какое-то время Аббаса никто не видел. Потом он появился: тихий, присмиривший, задумчивый... За его спиной «шестьёрки» начали шелестеть: «Ну, что?.. Аббасу амбец?!. Крассава Рауф: оборзевших надо учить», и авторитет Рауфа скакнул куда-то в область легенды. Плохо то, что сам Рауф в скором времени почувствовал себя абсолютным крепостным паханом и перестал оглядываться по сторонам. А надо бы... Аббас прекрасно понимал, что Рауф первое время даже спит, поочередно закрывая то левый, то правый глаз, и наверняка жалеет, что не добил его на пустыре. Но Аббас верил, что время сделает своё дело, тем более, что прилипали Рауфа наверняка прополощут ему все уши, мол: «Аббас совсем сломался... adə, lap kəllə-раса oldu!». Откуда им было знать, что с юных лет и навсегда священной книгой для Аббаса стала книга из материнской библиотеки, которую она прятала от него, и которую он выучил чуть ли не наизусть! Обложка под мрамор, с кожаными уголками, 1899 года издания: «Так говорил Заратустра!» И это был единственный учитель, которого признавал Аббас! Он так и скажет Рауфу месяца через два раскалённым августовским полднем, когда подстережёт его в одиночестве, дремлющего на веранде в кресле-качалке перед телевизором, включённым на полный ход, где метался самозабвенный лик Абиль-Кямана, и рыдающие звуки его кеманчи, взлетая над двориком, подхватывали шелест инжирных листьев и уносились в высокое, бесцветное, сгоревшее небо... Он так и скажет Рауфу... но сначала воткнёт ему в горло узкую заточку, а в густую шевелюру запустит цепкую пятерню.

– Ну, что?! Кошара... Амбец тебе!..

Рауф очнулся и ничего не понимал... он инстинктивно пытался выдрать из горла то, что причиняло ему боль и вскочить, но кто-то давил на него сверху и не давал подняться... ему хотелось кричать, а вместо голоса в глотке клокотали хрипы, бульканье, боль, и он поперхнулся кровью... Сзади, сверху кто-то стал тяжело наваливаться на него, он почувствовал небритую щеку, прильнувшую к его уху... «Аббас!..», наконец, выстрелело у него в мозгу...

– Фраер в законе – надо было мочить меня, – всё больше удушая Рауфа, хрипел Аббас. – Не закон – ХАОС надо иметь в себе, чтобы родить танцующую звезду! Так говорил Зардушт!...

Сознание Рауфа уловило только: «Зардушт...», «какой Зардушт?..» – и стало уплывать...

Аббас выдернул заточку из горла...

Рауф безотчётно увидел дугу, блеснувшую из-за спины...

Заточка точно проткнула сердце...

– Вор в законе – Воином сделал я тебя! – патетично, как в театре, сказал Аббас и стаканчиком остывшего чая, стоявшим на табуретке около кресла, ополоснул испачканные в крови руки...

Элик глянул на часы – не пора ли? – и вспомнил, как пару дней назад, когда они сидели с Аббасом за столиком в пивнушке, тот вдруг вытащил кнопочный нож – лезвие со звоном вылетело вперёд! – и жёстко сказал: «Снимай часы...». Элик не понял: шутит-нет?.. Посмотрел в глаза... Глаза анаконды. Ну, на! Снял-отдал... Минуту сидели молча: лоб в лоб... потом Аббас резко засмеялся: «Забирай котлы... это я прикалываюсь...». «Ну, и что? Что это было?.. – Элик задрал глаза к небу, как будто там, где-то, витал ответ. – Думаю, наркотой обожрался... хотя Олег уверен, что он мстит нам за то, что от него все отвернулись... мол, мы всех науськиваем против него!.. Мудак!.. Не хочет понять: все боятся за своих близких – знают же, что он уже не слезает с иглы...»

Элик поднялся – он не опаздывал, но после того, как умял целый чурек, захотелось пить. Он не стал толкаться у ларьков перед входом в метро, а подошёл к бювету с шолларской водой. И хотя никто не гарантировал, что вода чисто шолларская, ему, как и многим бакинцам, приятно было думать, что это так. Вода здесь весело струилась, сверкая на солнце, и Элик заулыбался в ответ, как другу. Он сделал несколько смачных глотков от туги бьющей по губам струи и хотел подставить лицо, но его окликнули, резко загудел клаксон, Элик облился и отскочил от бювета.

– Заразы, вы же приехали раньше! – сказал он, залезая в джип.

Джип был набит под завязку, все что-то вякнули в ответ.

Элик кивнул головой и не стал вникать.

Кямал вёл свой джип нарочито картинно. Владельцы тачек советского автопрома понимали: едет король, и пропускали джип вперёд, любовно оглядывая и боковину, и задок. Камал усекал это краем глаза, как девушка, идущая в мини-юбке, и, притормаживая, давал им возможность насладиться. А для пешеходов (если ещё вспомнить, что всего пару лет назад был отменён комендантский час), это был вообще ковчег мечты, в котором гроыхала музыка, метались льняные гривы загорелых девиц, которые закатываясь от смеха, выпрастывали руки в открытые окошки и ца-

рапали души мужчин своим кроваво-когтистым маникюром.

На выезде из города машину тормознули. Молодой худосочный полицейский оставил свой мотоцикл и подошёл к джипу:

– Сержант Мамедов, – козырнул он.

– А я простой художник, – громко засмеялся Кямал, и вместе с ним рассмеялась толстая золотая цепь на его волосатой груди.

«Когда у Кямала есть деньги, он говорит громко», – отметил про себя Элик.

Полицейский неуверенно протянул:

– У вас в машине слишком много людей...

– Да, у меня большая машина, – как из танка ответил Кямал.

Полицейский слегка растерялся и, одному богу известно зачем, спросил, указывая на девиц:

– Это кто?..

– Это?! Это твоя мать, сестра и её подружки!..

Полицейский отвернул лицо, как будто не услышал, и заковылял к мотоциклу.

«Странно, – подумал Элик, – почему он «съел»?.. Хотя... пацан совсем... рос в смутные времена... а что? От власти многое зависит... сколько лет! Её, как консервную банку, гоняли туда-сюда дворовые политики... Не люблю, когда наезжают на людей... но чего делать будешь?.. сильный всегда прав... – вздохнул Элик. – Этот дурачок Олег... вечно тянет его с братвой мастырки набивать! И не понимает, что он – другой... Сколько раз его вытаскивать можно?! Последний раз уже босым от Аббаса увёл... Ну кто криминальному авторитету говорит: ты не прав?! А тот что?! Тот сразу: «Не прав?.. Ну, накажи меня...». И что?! Ершись не ершись, но Олег же не убийц...а», – Элик как будто подавился мыслью, он вспомнил, что завтра ему нужно заманить Аббаса к Олегу в мастерскую... и у него всё похолодело внутри.

– Ты слышал, как я его?! – Кямал весело ткнул Элика кулаком в плечо. Элик кивнул головой.

– Уделал, уделал!.. – радостно отозвался хор на задних сиденьях.

– Ты что носом клюёшь – не выспался, что ли? – спросил Кямал.

– Да, Делька всю ночь спать не давала, – солгал Элик.

– Ну, это на здоровье! – засмеялся Кямал. – Спи, спи...

Элик сделал вид, что послушался, и закрыл глаза. Как только закрыл – мысль беспокойно высветила мастерскую Олега на первом этаже. На столе у стены целая гора дури и початая бутылка водяры. Надо будет начать канитель – уговоры... примирение... оба согласятся... вот и хорошо: по этому случаю как не чекалдыкнуть... «Аббас, наливай!»... чокнулись... «Ну, всё: мир и любовь...»... в последний миг (Аббас пьёт) задержаться: «Олег, дай чего-нибудь... закусить...»... Всё!.. А если циан не подействует?.. Как не подействует?! А так, не подействует! Вдруг водяра сожрёт циан?.. и потом, сколько лет! Он болтается уже у него на шее!.. Нет, не может быть... ну, Олег на крайняк ещё верёвку припас (Элик вздрогнул) – это вообще кошмар!..

Да всё кошмар... а полы в мастерской разбирать?! А закапывать в мастерской?!

Машина резво завернула в один из проулков Нардарана. Её резко качнуло – одно колесо попало в выбоину – и раздался тупой звук: дуп!.. «Это ещё что?», – Элик открыл глаза. Кямал уже выскочил, и что-то разглядывал впереди. Элик подошёл к нему. На песке лежала здоровенная рыжая псина. Кямал хмуро огляделся по сторонам, как будто ища виноватого, и зло пробурчал:

– Это всё мусорок в спину накаркал...

«Ну, конечно, – подумал Элик, – у тебя всегда все виноваты – один ты в шоколаде». Тем неожиданнее прозвучало:

– Второй день как обоср...ый хожу... Всё из рук валится... Олег звонил?

– Нет.

– Ясно – в шоке. Вчера днём мы..., – начал Кямал, но...

Пёс, лежащий у их ног, вздрогнул, стал приходить в себя, тяжело поднялся и заковылял в сторону.

– ...Allaha şükür ki, живой... Не выходите, не выходите, всё! – Кямал замахал рукой на девочек...

– Ладно, поехали, – сказал он Элику, – приедем, расскажу, Асим тоже был...

На даче их встречал беженец, которого Кямал приютил ещё в восемьдесят восьмом году, когда поток избитых, покалеченных и лишённых всего людей хлынул из Армении в Баку, Сумгайыт и районы Азербайджана. Неизвестно, что тогда больше вело Кямала: сочувствие или расчёт. Но в любом случае он оказался в выигрыше. Беженец из сельской местности следил за садом, разбил небольшой огород, поставил парник и завёл курятник.

Так что Кямал, как барин, приезжая на дачу, мог и в ус не дуть.

– Маис, – сказал ему Кямал, – в машине бастурма, закуски, «горючее»... возьми девочек – командуй... ребятам самовар дай, пусть покайфуют.

Из машины высыпались четыре девочки и трое мужчин. Элик усмехнулся:

– И это ты называл «мальчишник»?

– Имел в виду – без жён. Мне надо «улететь»... Извини, старик, вчера я сильно перебз...л! Асим, идём покурим... а вы, ребята, банкуйте, – крикнул он остальным.

Перед домом, по центру, стояли шпалеры цветов, и посреди них сиял небольшой прямоугольный бассейн сказочной голубизны. Бассейн примыкал к высокой, широкой площадке (стёсанной верхушке скалы), на которой стоял дом, и на которую можно было подняться по мраморной лестнице, стелящейся по сторонам от бассейна. Элик на какое-то время замер, глядя на цветы и бассейн, который смотрелся как открытая дверь в небо. У него даже слегка испортилось настроение – он думал: «Боже, какая красота! Вот ведь как можно было бы прожить всю жизнь...».

– Элик, ну где ты?! – окликнул его Кямал. Он и Асим уже входили в дом.

Элик впервые оказался на даче у Кямала, они не были закадычными друзьями, и он хорошо понимал причину, по которой приглашён. Причина называлась: Аббас! Но он делал вид, что не в курсе. Кямал привёл их на крытую галерею второго этажа, чтобы подальше уйти от остальных. Выгреб из холодильника банки с пивом:

– О-хо-хò! Хо-лòдные!.. – бодренько воскликнул он, прижимая банки к животу. Но теперь, когда они остались втроём, его тороватость облетела, он как будто слегка ужался, и по глазам чувствовалось, что он встревожен и думает совсем о другом.

– Странно, почему Олег тебе не позвонил? – сказал он, глядя в воздух.

Элик вопросительно вскинул брови.

– Мы вчера были у Олега в мастерской...

И они с Асимом, перебивая друг друга, в лицах стали рассказывать то, что Элик знал и без них. Он делал вид, что внимательно слушает, а сам сочувственно думал: «Представляю, как вы вчера обдристались, братцы... Никто не может до конца понять, что такое наркоман-уголовник, пока не испытает это на своей шкуре. Вчера

уже и до Олега дошло: впереди – тьма...». Элик мысленно перенёсся в события вчерашнего дня...

Аббас пришёл неожиданно – без звонка. (Речь взвинченная, быстрая, с напором и истерически-радостная).

– ...Только я имею право называть его так. Если кто другой... бля! Сразу пулю в лоб словит!.. Ну, отмороженный чечен!.. – Аббас жестикулировал и говорил так, будто продолжает разговор с кем-то невидимым. Было жутковато...

– Да, народ рискует... – начал было Асим, надеясь остановить эту пугающую абракадабру. Аббас оборвал его:

– Народ рискует всегда, как только вылезет из маминой щелки, бля!.. Эх! Вытащат, как щенка, не спросив, а придёт время, и заберут так же... – безнадёга и горечь ещё звучали в голосе Аббаса, но вдруг всё поменялось, и он как кипятком плеснул: – Поэтому у меня для вас есть другой аргумент... когда я родился – все: «ха-ха!» да «ха-ха!» – смеялись, а я плакал! Ну, ничего!.. Зато, когда уйду, у меня все будут плакать, а я тогда посмеюсь!.. Всех, на х.й, пожгу!..

– Весёлый ты какой-то... – гнул свою линию Асим, пытаясь заговорить ему зубы.

– Весёлый, говоришь?! Да, весёлый!.. У меня весь нос «коксом» забит!

Олег и Кямал не вмешивались, изображая, будто каждый занят своим делом. Кямал рылся в пустом холодильнике... а Олег перед мольбертом вглядывался в портрет жены, который накануне закончил. Неожиданно Аббас обвёл взглядом мастерскую, и ему показалось, что его игнорируют. Мгновенный перепад настроения – он оставил Асима, прошёл к мольберту и встал за спиной у Олега. Установилась тишина. Нехорошая тишина...

– Может быть, я некстати?.. – как бы размышляя вслух, начал Аббас.

– Эээ, что ты говоришь?! – откликнулся Кямал. – Вон, на столе водяра – иди наливай... правда, закуси нет – только лук...

– Нет, я о другом... может быть, там, где высокое искусство, Аббасу не место?.. Действительно, вот, я смотрю на портрет, что я вижу? Ну, красивая тёлка...

Олег вскочил со стула...

– ...красивые губы...

– Что?! С «кокса» крыша поехала?! – прошипел Олег.

– Нет... ну, правда, сам посмотри: красивые, рабочие губы... всё помню – Элик говорил: «Клёвая соска»... надо проверить...

Олег вцепился Аббасу в глотку, но тот резко втянул подбородок в шею и двумя твёрдыми, как штык, пальцами ткнул Олега в дыхало. Олег свалился и сшиб мольберт.

– Смотри-а, в следующий раз ткну вот этим, – сказал Аббас, и лезвие вылетело из кнопочного ножа.

– Я тебе не овца, – поднимаясь и восстанавливая дыхание, прохрипел Олег.

– А кто ты, кто?!.

– Я мужик...

– Какой ты мужик?! Мужики в тюрьге чалятся, а у тебя ни одной ходки в зону... ффраерок без понятий – вот кто ты...

Аббас, не закрывая ножа, широко улыбнулся Кямалу и Асиму:

– Ну, вангоги, подогрейте варвара... мне душевные раны надо лечить...

– Да, всё бабло отобрал, – сказал Асим.

– Вагон дури можно купить, – выпятив нижнюю губу, кивнул Кямал. Он по-медлил, потом всё же спросил:

– Элик, ну... между нами... соска-моска... ты что-нибудь говорил?..

Элик с удивлением посмотрел на него.

– ...ладно, ладно – забыли... – сказал Кямал. – Но с ним что делать, а?.. Это же собака бешеная!.. Пару дней назад пришёл к Марику домой... ночью!.. Сказал: «У тебя дочка красавица – а это дорогого стоит...», и поставил на счётчик...

– Мне Олег говорил, – Асим заговорчески понизил голос, – когда армяне колонии в Агдаме разбомбили, зеки все разбежались, тогда их никто не ловил, не до них было...

– Ну и что?! К чему говоришь?.. – нетерпеливо буркнул Кямал.

– К тому говорю, что Аббас тоже смылся... срок не отмотал... – Асим многозначительно посмотрел на друзей. Они не понимали...

– И что?!

Асим с чувством хлопнул себя по ляжке:

– Как что?! Вот тебе раз!.. Да сдать его – и все дела!..

Повисла пауза, какая бывает между вспышкой молнии и раскатом грома...

– Я художник, – гордо взвился Кямал, – я к ментам не пойду!..

– Не ходи!.. А в следующий раз он к тебе придёт!.. Опять «весёлый» такой вот – ткнёт тебя этой штукой – и нет художника! – развёл руками Асим, и его холодные голубые глаза издевательски блеснули.

Кямал растерянно взглянул на Элика.

– Слушай, может быть, ты с ним поговоришь?..

– О чём?..

– Не знаю... но вы же друзья...

– ...друзья... ну, и что?..

– Чтò? Что!.. – вспыхнул Кямал (он явно нервничал).

Элику вообще не хотелось говорить сейчас ни с кем и ни о чём.

– Ладно, успокойся, – сказал он, – надо подумать... и... Кямал, люди там одни – неудобно, надо уже идти...

– Да-да, ты прав...- тяжело вздохнул Кямал, – пошли...

Он приобнял Элика за плечи и стал доверительно наговаривать ему:

– Ты понимаешь, старичок, я не слабак, ты же видишь: бицепс тридцать восемь (он согнул руку в локте), и не трус... но, если честно, «очко» играет... я же обыкновенный человек, а он – başdan ayağa бандюга-áаа! Ширяльщик! Нюхач!.. Что говорить – совсем ключи от жо.. потерял!..

– Ясно, он потерял, а я – ищи...

Кямал обиженно проворчал:

– Элик, я не шучу...

– Я тоже...

Боже мой! Каким счастливым мог бы быть для Элика этот день! Воздух, кябаб, красивые девки, застольная болтовня в своей, богемной среде... ржавая листва виноградника и белый шаны на горячем песке, янтарные инжирины на деревьях сочатся сладостью и неожиданный крик петуха, который как будто призывает всех вспомнить: братцы – живём!.. Но сегодня всё это пролетало мимо Элика, и единственной реалией, которую он ощущал, была хрустальная стопка в его руках, на-

полненная чистой, как слеза, горечью...

Он начал с опережением (пытаясь избавиться от пустот в груди) и не пропускал ни одного тоста... Он пил взахлёб и отламывал вилкой маленькие кусочки брынзы – еда не лезла ему в глотку. И весь внешний мир стал потихоньку отпадать от него. Сначала исчезло небо, потом дом, потом виноградник, под которым они сидели... Чуть дальше в его сужающемся пространстве продержался стол и спорящие друзья:

– ...Үох, Кямал, клянусь твоим джипом, *sovet vaxti rəssamlarçun ən yaxşı vaxt idi!* (Асим был скульптором, и ему было тяжело без госзаказов). Мастерская, газ, вода, свет – всё бесплатно! *Keyfdü ki!..*

– Ай, Асим! *Nə deyirsən?! А свобода?.. Элик! Верно говорю?!*

Элик среагировал на оклик, но к этому моменту он мог уже только улыбнуться в ответ, не поворачивая головы... и взгляд его упёрся в блестящий круг белой пустой тарелки, стоящей перед ним. По бокам тарелки лежали его же руки... он медленно растопырил пальцы и стал зачем-то рассматривать свои ладони. Девочка, сидевшая рядом, поняла это по-своему:

– Что?.. Мой маленький пить захотел? – мягко, по-матерински, сказала она и до краёв наполнила свою и его стопки...

– *Үох, Kamal, sən nə deyirsən?! Düzdür, Свобода ən yaxşı şeydir, пока деньги есть. Canı sağ olsun o nemesin... nə qədər sənin kartinkalarını aldı apardı...*

– Э, Асим, *sən də...*

Кямал продолжал говорить, но Элик уже не слышал. У него в затылке что-то качнулось, и он стал клониться вперёд, на стол.

Кто-то заботливо вытащил из-под него тарелку, Кямал сказал:

– Ну, пусть поспит... вот Делька-сучка, какого трахальщика поимела, а?!.. – все засмеялись и собирались благополучно забыть о нём. Но появился расторопный багбан и предложил положить его в гамаке. Идея сразу пришлась по вкусу! Они подхватили бесчувственное тело, как это делают в финале шекспировских трагедий, и с торжественной скорбью понесли в гамак...

Элик спал крепко, но сны бежали один за другим. Цветные, яркие... и странные... Собственно, любой сон сам по себе – уже странность, но в случае Элика странным было то, что они бежали, как нарезка событий из его реальной жизни, с той только разницей, что во сне он раздваивался, и один «он» – вляпывался в истории, а другой (невидимый) – всей душой рвался выскочить из них... ему снился крейсер на рейде в клайпедском порту – красавец, мощняра! А они – на корме, маленькие... он и узбек – два салажонка... узбек вскрывает письмо из дома – в нём тонко раскатанная пастилка дури... губы Элика вытягиваются в дуду, делают протяжную затяжку... узбек тоже курит, (но как?!), у него же вместо лица пачка: «Беломор-канал», чья-то пятерня хватает пачку – полётнице флага над кормой хлопает на ветру – по палубе дробь шагов, Элик чувствует спиной – ДЕДЫ!.. он не видит, но знает, что они с узбеком как два зайца разбегаются в разные стороны... кок в белом колпаке улыбается-скалится, Элик выскакивает из камбуза, в руке тесак – он сдохнет, но за так его не возьмёшь!.. дыхание учащается – волна бьёт в лицо, и он часто-часто моргает (маска болтается на шее), короткие, энергичные волны Каспия – душа ликует! (Каспий! Другбратдом!) – лепят ему по лицу, и ресницы липкие в искрах солнца... под ним, в глубине, начинает бурлить вода... «вира, вира – майна!..» его распирает изнутри, его чуть не рвёт, из глотки вытягивают какую-то плюху... на тросах покачи-

вається фюзеляж маленького самолёта... «майна, майна!»... фюзеляж плюхається на площадку эстакады, стекло иллюминатора вдребезги, вслід за ним из пустого от-верстия свешиваются плечо и рука стюардессы в белой блузке... Элика оглушивает нелепость смерти, когда вокруг кипит жизнь... вон, даже лебёдка живая: тарыхтит, крутится, стонет... Так не должно быть... «весь мир живёт и дышит вместе со мной... так не должно быть!»... Элик хочет высказать своё возмущение кому-то... ищет кого-то, широко раскрывает глаза... и просыпается...

Всё небо в звёздах... Звёзды светят тихо, спокойно, державно!.. «Вот они есть всегда, – умиротворённо думает Элик, – они видели всех моих дёдов и прадедов... сколько они могли бы рассказать!.. наверняка они знают и мой путь... «Мой путь!» – скажешь, тоже!.. делать им нечего!»... Ему захотелось выпить... Элик неловко выка-рабкался из гамака – под ногами качнулся сыпучий тёплый песок. Луна заливала всё молоком, клеёнка на столе потеряла цвет и казалась перламутровой. Стол был при-бран, и лишь бутылки, целые и недопитые, оставались стоять, отбрасывая длинные тени, как на полотнах де Кирико. Элик искал водку (сейчас это было лучшим сред-ством, чтобы поскорее отключиться и ни о чём не думать до утра), но водки остава-лось на посошок – только вино. Он прихватил с собой большую, казавшуюся чёрной, бутылку шампанского, сорвал с головки серебрящуюся станиоль и «выстрелил» в сторону луны (ему хотелось укрыться тьмой, а лунный свет выставял его, как го-лого, напоказ). Он ушёл в дальний конец дачи, где вдоль забора росли высокие стройные кипарисы. Забор со стороны моря был сквозной (кубик и пустота чередо-вались в шахматном порядке), и тень на песке лежала, как плетёная сеть. Элик сту-пил в неё и подошёл вплотную к забору. В прогалины было видно, как пенится в лунном свете волна, выкатываясь на берег, Элик прихлёбывал шампанское, оно пе-нилось у него во рту. Чуть повернув голову, он разглядел береговую линию, убе-гающую к северу, и не мог оторвать глаз от мерцания золотистых огоньков вдали. От долгого смотраения ему стало казаться, что эти золотые горошины натываются на его ресницы и вкатываются внутрь головы... Горлышко бутылки было широкое – он за-драл бутылку, как охотничий рог, и втянул в себя остатки вина – всё до капли, сухо! «почему всё хорошее так быстро заканчивается...»... досада... досада... Он почув-ствовал себя обманутым и несчастным... и неожиданно, как будто вожжа попала ему под хвост, взбеленился: «Я не хочу, не хочу никого убивать!.. слышишь?!..», – он яростно оглянулся вокруг, но никого не найдя, привалился щекой к щербатому, как пемза, забору. Он закрыл глаза – в голове стало темно. Ночь и он сделались единым пространством для переключки сверчков... их свиристение... маленькие гипнотизёры! они вскрыли самые потаённые узелки времени, и ему почудилось, что он слышит то, что, казалось, навсегда забыл... в него стал проникать шуршащий шелест непонят-ного бормотания из бабкиного закутка... родной-чужой язык... и вдруг – одно-един-ственное слово: «Адонай!!!», которое он помнил с детства и понимал, блеснуло в этом шёпоте и засело в его мозгу... Он зацепился за имя Бога, но колени совсем ослабли... Элик, оцарапав нос, стал сползать по стене... рука выпустила, наконец, бу-тылку, и, коснувшись земли, пальцы судорожно захватили горсть песка... «Адонай!.. спаси... спаси меня! Я не хочу!.. Я никого не хочу убивать!..»... Ужас ветерком про-бежался по позвоночнику... «Не дай убить мне друга моего!.. Адонай!.. спаси!.. умо-ляю, услышь же меня – суку драную...»... Элик злобно схватил себя за горло и стал душить (страх, стиснутый до предела, взорвался яростью против него самого), но

когда глаза повывлезали из орбит, силы вдруг оставили его, и рука – будто отключили – отпала... Элик привалился спиной к стене, заплакал и сомлел. Звёзды были абсолютно спокойны... «Никто не поможет...», – обречённо подумал он. И думать больше не хотелось. Он уставился в небо и, погружаясь всё глубже и глубже, тихо-тихо почувствовал себя осью, вокруг которой начал кружиться мир... времена... свет-тьма... и корабли...

Даже краешек солнца ещё не успел показаться из-за моря. Горизонт был тёмно-фиолетовым, и всё вокруг было покрыто фиолетовой дымкой. Элик спал, прислонившись спиной к забору, с отвислой челюстью, как химеры на стене готического собора... Нет, утренние сумерки на Абшероне ни с чем не спутать. Выпавшая роса не превращается в сырость (как по вечерам). Утрешняя роса душиста и веет свежестью, и Элик спал сытным, здоровым сном. Поэтому он не сразу почувствовал, что его сердце стучится снаружи и просится войти. А когда оно достучалось, он в испуге схватился за грудь!.. В нагрудном кармашке в немых судорогах бился мобильник... экран ярко засветился в предутренней мгле: ОЛЕГ!..

«Бог ты мой, чего ж ты звонишь в такую рань?!» – Элик прям разозлился на него... брат, не брат?.. нет, ну, что делать – надо! Он сокрушённо вздохнул и поднёс трубку к уху.

– Да...

– Элик!.. Элик, слышь меня?!. Он скончался...

– Кто скончался?

– Аббас скончался!..

– ?!!

– Сейчас прибежал крепостной пацан, сказал: «Аббас *dünyasını dəyişib*!»

– Не!.. Кто же его убил?!

– Никто!.. Передоз!!!

– Да... всё в воле... – (Элик огорошенно бурчал себе под нос).

– Что, что?

– Ничего... «Пьют соловьи росу – напиток ночи...»... – Элик запрокинул голову и дал отбой...

